

ЛОБСАНГ РАМПА

ПЕЩЕРЫ ДРЕВНИХ

(духовное путешествие продолжается)

«

Рампа, Лобсанг Пещеры древних

Духовное путешествие продолжается.

«Вызывающе правдивый рассказ о проникновении человека в великую мистерию жизни и просветления...»

Это жизненный путь который мог бы быть разрушен навсегда, духовная культура с корнями, уходящими в Древние Времена, которая принадлежит ламаистским монастырям Тибета.

«Пещеры Древних» — книга о том, как Лобсанг Рампа шел по пути самосознания в этих древних хранилищах мудрости, где ламы постигают смысл жизни и смерти, где вскрывается мистическая связь между разумом и мозгом, где секреты ясновидения, гипноза и реинкарнации являются частью повседневной жизни.

Здесь Рампа также обучается силе, но не для разрушений и злоупотребления властью над людьми, потому что энергия Высшего Просветления и Вселенского Знания существует только для немногих избранных, призванных спасти этот мир.

Чудеса, которые он описывает, подаются с большим вкусом и юмором, и автор не навязывает нам свое мнение, но только предлагает свою добрую волю.

СОДЕРЖАНИЕ

[Предисловие](#)

[Глава 1 Средоточие миров](#)

[Глава 2 Видение в храме](#)

[Глава 3 Признанное воплощение](#)

[Глава 4 Жизнь отшельника](#)

[Глава 5 В Пещере Древних](#)

[Глава 6 Наемный убийца](#)

[Глава 7 Выход из тела](#)

[Глава 8 Аура человека](#)

[Глава 9 Книгопечатание в Тибете](#)

[Глава 10 Школа жизни](#)

[Глава 11 Вибрации человека](#)

[Глава 12 Прощай, друг!](#)

*Посвящается
Максу и Валерии Сорок
- двум искателям Истины.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это книга об оккультизме и возможностях человека, предназначенная для обычных людей. В ней нет «непонятных слов», нет терминов на санскрите и других мертвых языках. Обычный человек желает *узнавать* новое, а не *разгадывать загадки* о том, что означают слова, которых иногда не понимает сам писатель! Если писатель знает, то о чем он пишет, — он может писать на английском языке, так как ему не нужно скрывать пробелы в своих знаниях использованием иностранных слов.

В наши дни многие люди оказываются пойманными в ловушку бессмысленных слов. Законы Жизни в действительности чрезвычайно просты, и поэтому нет необходимости окружать их мистическими ритуалами и создавать новые псевдо - религии. Нет необходимости также и в том, чтобы провозглашать новые «божественные откровения», ведь «откровения» может достичь *любой* человек, если только он предпримет для этого некоторые усилия.

Ни одна из религий не располагает Ключами от Рая, и никто никогда не будет осужден на адские муки за то, что вошел в церковь в шляпе вместо того, чтобы разуться. На воротах тибетских монастырей начертаны слова: «Тысяча монахов — тысяча религий». Во что бы ты ни верил, если ты «поступаешь с другими так, как желаешь, чтобы поступали с тобой», ты получишь свое, когда представление подойдет к концу.

Некоторые утверждают, что Тайное Знание может быть получено лишь тогда, когда человек начнет исповедовать тот или иной культ и притом не забудет заплатить кругленькую сумму. А Законы Жизни гласят: «Кто ищет, тот найдет».

Эта книга является плодом продолжительной жизни и повествует о необычных способностях, приобретенных ее автором в великих ламаистских монастырях Тибета, где его научили следовать Законам Жизни. Речь в ней пойдет об опыте людей давно минувших времен, о знаниях, которые запечатлены в египетских пирамидах, в священных храмах Анд и в величайшей в мире сокровищнице оккультных знаний — горах Тибета.

Т. Лобсанг Рампа

Глава 1 СРЕДОТОЧИЕ МИРОВ

Был теплый вечер. Удивительно теплый и приятный для этого времени года. Сладковатый аромат ладана, медленно распространяясь в воздухе, навевал спокойствие. Вдали, за высокой стеной Гималаев, в триумфальном сиянии садилось солнце. Оно окрашивало вершины гор в кроваво-красные тона, словно предсказывая грядущие кровавые события в Тибете.

Удлиненные тени пиков-близнецов Поталы и Чакпори неторопливо ползли в сторону Лхасы. Справа под ними запоздалый караван торговцев из Индии держал путь к Парго-Калинг, или Западным Вратам. Последний из благочестивых странников с неподобающей для этих людей торопливостью, как бы боясь быстро надвигающейся бархатной темноты, бежал по Лингкорской дороге.

Кай-Чу, или Счастливая Река, с радостным журчанием текла по бесконечному пути к морю. Она рассыпалась тысячью маленьких солнц, отдавая дань уходящему дню. Лхаса слабо мерцала золотыми отблесками масляных ламп. Из монастыря у подножия Поталы труба возвещала об окончании дня; ее звуки, отражаемые от скал, прокатившись эхом по всей долине, возвращались совсем другими.

Я пристально вглядывался в знакомую картину. Сотни монахов за сотнями окон завершали свои обыденные дела. С крыши высокого здания, стоявшего прямо за Золотой Гробницей, смотрела вниз маленькая фигурка, далекая и казавшаяся ужасно одинокой. Когда последние лучи солнца потонули в горах, трубач протрубил снова, и из храма у подножия понеслись ввысь низкие звуки пения. Вскоре темнота сгустилась, и, как драгоценности в пурпурном обрамлении, на небе засияли звезды. В небе пронесся метеор и ярко вспыхнул, прежде чем упасть на Землю щепоткой дымящейся пыли.

— Чудная ночь, Лобсанг, — раздался из темноты любимый голос.

— И вправду, чудная, — отозвался я, спешно вскочив на ноги, чтобы поклоном приветствовать ламу Мингьяра Дондупа.

Он присел у стены и жестом предложил мне устроиться рядом.

— Можешь ли ты представить себе, Лобсанг, что ты, я, все люди похожи на это! — сказал он, указывая вверх.

Я молча смотрел на него. Как я могу быть похожим на звезды в ночном небе? Лама был крупным красивым мужчиной, с благородными чертами лица. Но и он слабо походил на звездные скопления.

— Мы точно такие же, точно такие, — засмеялся он. — Я хотел объяснить тебе, что не всегда вещи являются тем, чем они нам кажутся. Напиши «Ом мани падме хум» так, чтобы надпись заняла всю долину, и люди не смогут ее прочесть. Она будет слишком велика для них.

Он прервал свою речь, взглянул на меня и, убедившись, что я слежу за его объяснением, продолжил:

— Так же и звезды. Они всего лишь слишком велики, чтобы мы могли увидеть, что из них в действительности *составлено*.

Я смотрел на него как на потерявшего рассудок. Что-то *составлено* из звезд? Звезды — это... ведь это *звезды!* Я попытался представить себе надпись, которую невозможно прочесть из-за ее гигантских размеров. Ласковый голос прервал мои упражнения:

— Представь себе, что ты сжимаешься, сжимаешься, становясь размером с песчинку. Каким ты тогда увидишь меня? Пусть ты стал еще меньше. Теперь песчинка для тебя — целый мир. Каким я покажусь тебе тогда?

Он на мгновение замолчал и бросил на меня вопросительный взгляд.

— Ну? Так что ты увидишь?

Мой мозг был парализован. С открытым от недоумения ртом я, наверное, был

похож на рыбу, только что выброшенную на берег.

— Тебе откроются, Лобсанг, — сказал он, — россыпи миров, плывущих во мраке. Благодаря твоему размеру молекулы моего тела станут для тебя мирами. Ты увидишь, как миры вращаются вокруг миров, ты увидишь «солнца» — молекулы психических центров, ты увидишь *вселенную!*

Мои мозги скрипели как несмазанная телега. Я мог бы поклясться, что в голове у меня что-то вздрагивало от напряжения, когда я пытался постичь это потрясающее и неведомое для меня знание.

Мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, подался вперед и ласково взял меня за подбородок.

— Лобсанг! — усмехнулся он. — Да у тебя глаза уже устали от желания уследить за мной.

Улыбаясь, он снова сел и, дав мне всего несколько минут, чтобы прийти в себя, продолжал:

— Взгляни на свою одежду! Пощупай ее!

Я сделал как он сказал. Рассматривая изодранные лохмотья, я чувствовал себя достаточно глупо. Лама продолжал:

— Это — ткань. На ощупь она гладкая. На свет — непрозрачная. Но предположим, ты рассматриваешь ее сквозь десятикратную лупу. Представь себе густую прядь шерсти, каждый волосок которой вдесятеро толще, чем сейчас. Ты сможешь различить просветы между волокнами. Увеличь ее в миллион раз, и ты проскачешь сквозь нее верхом. И каждый волосок будет так огромен, что ты едва ли взберешься на него.

То, о чем он рассказывал, в общем было понятно. Я молча сидел и думал.

— Ты похож на дряхлую старуху, — засмеялся он.

— Сударь, — решил я наконец спросить. — Так значит все живое — это всего лишь пустота, в которой рассыпаны миры?

— Все не так просто, — ответил он. — Усаживайся поудобней, и я расскажу тебе немного о Знании, которое мы открыли в Пещере Древних.

— Пещера Древних! — восторженно вскрикнул я. — Вы собирались рассказать мне о ней и об экспедиции.

— Не волнуйся, мы дойдем и до этого. Но сейчас я поведаю тебе о Жизни и о Человеке то, что знали о них древние во времена Атлантиды.

В глубине души меня гораздо сильнее интересовала сама Пещера, открытая недавно экспедицией высоких лам. Со времен древних цивилизаций ее недра хранят невиданные запасы знаний и практических сведений. Но, хорошо зная Наставника, я понимал, что бесполезно ждать рассказа прежде, чем для этого придет время.

В небе над нами сквозь прозрачную дымку чистого воздуха Тибета во всей своей красе сияли звезды. В храмах и монастырях один за другим гасли огни. Послышался жалобный вой собаки, принесенный откуда-то издалека едва уловимым ночным ветерком. Из деревни Шо, находившейся прямо под нами, донесся ленивый ответный лай. Ни одно облако не проплывало мимо только что взошедшей луны. Флаги безвольно свисали с мачт. Где-то слабо поскрипывало молитвенное колесо — благочестивый монах, опутанный суевериями и не осознающий реальности, вертел его в напрасной надежде заслужить благосклонность Бога.

Услышав этот звук, мой Наставник улыбнулся и сказал:

— Каждому — по вере, каждому — по нужде. Многих тешат церемониальные действия и ритуалы. Не стоит осуждать тех, кто не прошел по Пути достаточно далеко и не может еще стоять без костылей. Я хочу рассказать тебе, Лобсанг, о сущности человека.

Мне показалось, что этот Человек сидит рядом со мной. Единственный, проявивший ко мне любовь и уважение. Я внимательно слушал Наставника просто для того, чтобы укрепить его веру в меня. По крайней мере, так было сначала. Но вскоре его рассказ увлек меня, и я стал слушать с неподдельным интересом.

— Весь мир создан из вибраций. Все живое и неживое состоит из них. Даже могучие Гималаи — всего лишь масса взвешенных частиц, не касающихся друг друга. Мир, Вселенная, состоит из мельчайших пылинок. Планеты вращаются вокруг Солнца, сохраняя порядок и не сталкиваясь. Так и все сущее построено из вращающихся миров.

Он остановился и внимательно посмотрел на меня, вероятно ожидая встретить непонимание, но я пока без труда поспеваю за его мыслью. Он продолжал:

— Призраки, которых видят в храме ясновидящие, — это живые люди. Они покинули этот мир и достигли состояния, когда их собственные молекулы разбросаны очень широко. Настолько широко, что «призраки» без труда проходят сквозь самые плотные стены, не касаясь молекул этих стен.

— Достопочтенный Учитель, почему же мы слышим звон в ушах, когда призрак слегка задевает нас? — спросил я.

— Каждая молекула, каждая маленькая солнечная система окружена электрическим зарядом. Правда, это электричество более тонкой структуры, чем то, которое люди вырабатывают при помощи машин. Его вспышки бывают видны в ночном небе. Как у Земли, так и у любой, даже самой маленькой частички есть свое «полярное сияние». Поэтому призрак, проходя слишком близко, вызывает в нашей ауре легкий шок. Его мы и ощущаем как звон в ушах.

Ночь застыла над нами. Ничто не тревожило тишину. Такой покой знаком лишь тому, кто побывал в Тибете.

— Значит, аура, которую мы видим, и есть электричество? — спросил я.

— Да, — ответил мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп. — Ты, наверное, слышал об эффекте короны. Там, где над землей натянута высоковольтная проволока, наблюдается голубоватое свечение. Обычно его можно увидеть только темной туманной ночью, но для тех, кто умеет *видеть*, оно есть всегда. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Когда ты отправишься в Чунцине изучать медицину, ты обязательно столкнешься с прибором для записи электрических волн мозга. Вся жизнь, все сущее — электричество и вибрация.

— Я совсем запутался! Как жизнь может быть и вибрацией, и электричеством? Я могу понять что-то одно, но и то и другое?..

— Но дорогой Лобсанг! — засмеялся Лама. — Ведь без движения, без вибрации не может быть электричества. И то и другое тесно связаны.

Он, хмурясь, заметил мое недоумение и при помощи телепатии прочитал мои мысли.

— Нет! — воскликнул он. — Не «всякая» вибрация порождает электричество! Попробую объяснить тебе иначе. Представь себе огромный рояль, клавиатура которого простирается отсюда до бесконечности. Колебание твердого тела будет представлено в ней одной клавишей. Вторая представит звук. Третья — изображение. Остальные клавиши будут представлять чувства, ощущения, цели — все то, что нам, живущим на этой Земле, еще не совсем понятно. Собака слышит более высокие звуки, чем человек; человек слышит звуки более низкие, чем собака. Ты, может, и не подозревал, что с собакой можно поговорить, только на более высоких нотах. Так обитатели мира духов общаются с теми, кто еще пребывает на земле и наделен даром яснослышания.

Прервав рассказ, Лама весело рассмеялся:

— Я вытащил тебя из постели, но у тебя в запасе целое утро, чтобы наверстать упущенное.

Он жестом указал на звезды.

— С тех пор, как я побывал в Пещере Древних и увидел чудесные инструменты, к которым никто не прикасался со времен Атлантиды, я время от времени забавляюсь одной игрой. Я представляю себе два крошечных чувствующих создания, каждое меньше мельчайшего вируса. Их форма не имеет значения, но предположим, что они разумны и у них есть точнейшие маленькие приборчики. Представим себе, что они живут, как и мы, в открытом пространстве своего бесконечно малого мира.

— Ах! Какая чудная ночь! — изумленно восклицает А, взглядываясь в звездное небо.

— Да, — отвечает Б. — Она заставляет задуматься о смысле жизни. Кто мы и куда идем?

А размышляет, глядя на звезды, плывущие по бескрайним просторам ночного неба:

— Миры без границ. Миллионы, миллиарды миров. Какие из них обитаемы?

— Чушь! Кошунство! Нелепица! — захлебывается Б. — Ты прекрасно знаешь, что нет жизни, кроме той, что в нашем мире. Не говорили ли Священники, что сотворены мы по образу Господа? Да и какой может быть жизнь, отличная от нашей? Ты, видно, совсем рехнулся.

— Ну, может быть они все-таки ошибаются, может, ошибаются! — бормочет А, уходя прочь.

Лама Мингьяр Дондуп улыбнулся мне.

— У этой истории есть продолжение! В одной далекой-далекой лаборатории работают двое ученых. Один из них сидит, сгорбившись, перед чудовищной силы микроскопом. Его глаз будто приклеен к окуляру. Вдруг он резким движением отодвигает стул и вскакивает, как ужаленный. — Чен, посмотри! — кричит он ассистенту. — Ты только посмотри на это! — Встав, Чен подходит к столу руководителя и садится за микроскоп. — На слайде одна миллионная грана сульфида свинцу — сообщает руководитель, — взгляни. — Чен поправляет настройку и, посмотрев, присвистывает от удивления. — Господи, да это как Вселенная под микроскопом! Солнце светит, планеты вращаются!.. Если бы нам такое увеличение, — притихшим голосом говорит руководитель, — чтобы рассмотреть каждый маленький мирок отдельно... Как ты думаешь, есть там жизнь? — Чепуха! — резко обрывает его Чен. — Нет там никакой жизни! Нет и быть не может! Разве ты не слушал священников? Мы созданы по образу и подобию Божьему, так откуда же взяться разумной жизни там?

Звезды над нами продолжали свой вечный и бесконечный путь. Улыбаясь, лама Мингьяр Дондуп порылся в складках одежды и извлек оттуда спичечный коробок — подарок из далекой Индии. Он неторопливо достал спичку и весело сказал:

— Теперь, Лобсанг, я покажу тебе Творение!

Он осторожно чиркнул спичкой о коробок, и она вспыхнула ярким пламенем. Подержав ее несколько секунд так, чтобы я мог хорошенько ее рассмотреть, он вдруг неожиданно задул ее.

— Творение и Смерть. Пока горела спичка, тысячи частиц успели разлететься прочь одна от другой. Каждая из них была миром, вместе они были вселенной. И когда погас огонь, эта вселенная умерла. Сможешь ли ты сказать теперь, что нет жизни в иных мирах!

Я молча смотрел на него, не зная, что ответить.

— Если есть миры, Лобсанг, и в этих мирах есть жизнь, то мир существует для нее миллионы лет. Может, *мы* всего лишь горящая спичка? И живем со своими радостями и печалью — больше печалью, размышляя о мире без конца. Подумай, Лобсанг, мы еще поговорим об этом.

Он поднялся и вскоре скрылся из виду.

Спотыкаясь о крышу, я стал наощупь пробираться к лестнице. В отличие от западного мира, здесь лестница представляет собой длинный вертикальный шест с зарубками. Наконец я отыскал ее и начал спуск. Я без особого труда нащупал первую зарубку, вторую, третью. Дальше шест оказался облит маслом, и я полетел вниз. От сильного удара перед моими глазами промелькнуло больше звезд, чем было в это время на небе. Я приземлился в самую гущу сваленных в груды тел, чем вызвал многочисленные протесты спавших монахов. Внезапно из темноты возникла чья-то рука, и в моей голове загудел колокол. Я не стал дожидаться продолжения, быстро вскочил и со всех ног бросился наутек.

Погони не было. Под спасительным покровом ночи я тихо, как только мог, отыскал себе место для сна. Устроившись поудобнее, я плотно завернулся в лохмотья и забылся в беспамятстве. Ни шуршание спешащих ног, ни гудение раковины, ни звон серебряных колоколов не могли разбудить меня.

Было уже позднее утро. Я проснулся от того, что кто-то с энтузиазмом пинал меня. Сквозь пелену тумана, застилавшего мне глаза, я разглядел лицо огромного чела.

— Вставай, вставай, ты, ленивый пес! Да проснись ты, ради священного клинка!

Он пнул меня снова, на этот раз сильнее. Я потянулся, схватил его за ногу и дернул. С грохотом падая, он закричал:

— Достопочтенный Настоятель зовет тебя, безмозглый идиот!

Отплатив одним тумакон за то множество, что он успел надавать мне, я оправил одежду и бросился бежать. «Нет пищи — нет завтрака!» — бормотал я себе под нос. Почему каждый раз, когда приходит время подкрепиться, я оказываюсь срочно кому-нибудь нужен? Я летел по бесконечным коридорам, размахивая руками на поворотах. Несколько пожилых монахов, случайно попавшихся мне на пути, едва не хватил инсульт. Но к назначенному часу я уже был на месте. Вбежав в комнату Настоятеля, я почтительно поклонился.

Настоятель изучал мою карточку, и, входя, я успел уловить поспешно приглушенный смехок.

— А, — произнес он. — Так ты и есть тот самый юноша, который носится по скалам, мажет лестницы маслом и вообще производит шума больше, чем кто другой?

Чуть помедлив, он строго глянул на меня и продолжил:

— Но учишься ты хорошо, удивительно хорошо. Твои метафизические способности находятся на столь высоком уровне, и ты так преуспел в академической работе, что я собираюсь назначить тебе специальные занятия с Великим Ламой Мингьяром Дондупом. Под личным руководством Его Святости ты обретишь небывалые возможности. А теперь иди к своему Наставнику.

Жестом отпустив меня, он вернулся к своим бумагам. Обрадованный тем, что мои ночные приключения остались тайной, я поспешно ретировался.

Мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, ждал меня. Когда я вошел, он, окинув меня пронизательным взглядом, спросил:

— Ну как, ты уже позавтракал?

— Нет, Сударь, — ответил я. — Достопочтенный Настоятель послал за мной, когда я еще спал. Я очень хочу есть.

— То-то я смотрю, у тебя вид удрученный. А я было подумал, что с тобой дурно обошлись, — засмеялся он. — Ну, ладно, позавтракай, а потом приходи сюда.

Мне не нужно было повторять дважды: я был голоден, и это мне не нравилось. Как я мог знать тогда, что голод станет моим постоянным спутником жизни?

С новыми силами, подкрепленными отличным завтраком, и с духом, очищенным мыслью о предстоящей работе, я вернулся к Ламе. Когда я вошел, он поднялся и сказал:

— Едем! Проведем недельку на Потале.

Размашистым шагом он направился к выходу. Я последовал за ним. На улице нас ожидал монах-конюх с двумя лошадьми. Я хмуро осмотрел лошадь, доставшуюся мне по жребью. Она ответила мне еще более угрюмым взглядом, думая обо мне, возможно, даже хуже, чем я о ней. В предчувствии неминуемой гибели я взобрался на лошадь и положился на волю судьбы. Лошадь являла собой опасное темпераментное создание, но главным ее недостатком было, бесспорно, отсутствие тормозов. Кроме того, верховая езда — это то, чем я не слишком овладел в процессе воспитания.

Лошади рысью снесли нас с Чакпори по горной тропе. Перейдя дорогу Мани-Лаханг слева от Парго-Калинг, мы вскоре въехали в деревеньку Шо. После короткого отдыха началось тяжелое восхождение на Поталу. Карабкаться по крутому склону верхом на лошади — занятие малоприятное, и моей основной задачей было удержаться в седле.

Нескончаемый поток монахов, лам и простых паломников медленно тек по узкой тропе. Некоторые из них застывали, изумленные сказочным видом, другие, допущенные к самому Далай-Ламе, думали только о предстоящей беседе.

Мы остановились только на самом верхнем участке тропы. Я соскочил с лошади с благодарностью, но без всякой грации. Бедная подруга издала радостное ржание и с отвращением повернулась ко мне задом.

Мы шли и шли, карабкаясь по бесчисленным лестницам, пока не достигли высшей точки Поталы. Жилье, доставшееся Мингьяру Дондулу, оказалось по соседству с Залом Наук. Там были собраны незнакомые инструменты из разных стран мира, но самыми интересными были те, которые пришли из глубокой древности. Итак, мы достигли цели, и я расположился в назначенной для меня комнате.

С высоты Поталы, из окна моей комнаты, которая находилась всего этажом ниже жилья Далай-Ламы, Долина была видна как на ладони. Вдалеке поблескивала золоченая крыша собора Йо-Канг. Лингхорская дорога, как огромная змея, обвивалась кольцом вокруг Лхасы. Ее заполнили благочестивые странники, несущие остатки своих сил на алтарь величайшего центра Тайных знаний. Я благодарил судьбу за то, что она послала мне такого прекрасного Наставника. Без него я остался бы обычным чела, дремлющим в темноте общей спальни, с ним же — я был на вершине мира. Внезапно, так внезапно, что я вскрикнул от страха, чьи-то сильные руки подхватили меня и подняли в воздух.

— Несчастный! — загудел низкий бас. — Так, значит, ты любишь своего Наставника только за то, что он привел тебя на вершину Поталы?! За то, что он кормит тебя своими приторными индийскими сладостями?

Я пытался протестовать, но он только расхохотался. Я был слишком слеп или слишком смущен тогда, чтобы осознать, что ему известно все, что я о нем думаю! Он продолжал, возвратившись к обычной интонации:

— Мы связаны с тобой крепкими узами. Мы были хорошо знакомы в прошлой жизни. Ты знаешь о ней все, тебе лишь нужно вспомнить. Идем, нам нужно многое сделать.

Я оправил одежду, поднял чашу, выпавшую во время моего невольного полета, и поспешил в комнату Наставника. Он жестом предложил мне сесть и, когда я устроился, спросил:

— Ну что, ты думал о смысле жизни, о нашем вчерашнем разговоре?

В некотором испуге я покачал головой:

— Сударь! Я еще спал, когда Настоятель потребовал меня к себе, затем Вы позвали меня, потом я завтракал, а после Вы снова захотели видеть меня. У меня не было времени подумать о *чем бы то ни было!*

Он сказал, улыбаясь:

— В свое время мы поговорим и о еде, но вначале разберемся с жизнью.

Он замолчал и достал книгу, написанную на каком-то диковинном языке. Теперь я понимаю, что это был английский. Наставник пролистал несколько страниц и, кажется, нашел то, что искал. Он передал мне книгу, открытую на какой-то картинке.

— Тебе известно, что это? — спросил он.

Я посмотрел. Рисунок был столь обычным, что я принялся рассматривать подпись под ним. И не смог понять ни слова. Возвращая книгу, я сказал с укором:

— Вы же знаете, Достопочтенный Лама, что я не могу прочесть это.

— Но ты узнал рисунок? — продолжал настаивать он.

— Конечно, ведь это всего лишь Дух Природы. Я все сильнее приходил в замешательство. К чему он ведет? Лама снова открыл книгу и сказал:

— В далекой заморской стране люди потеряли способность видеть Духов Природы. Если кто-то утверждает теперь, будто видит их, это становится поводом для насмешек. Люди на Западе не верят в то, чего нельзя разобрать на части, или взять в руки, или положить в корзину. Дух природы обитает там только в сказках, а сказкам никто не

верит.

Я был изумлен! Я видел Духов всегда и воспринимал их как нечто совершенно естественное. Я в недоумении потряс головой.

Лама Мингьяр Дондуп продолжал говорить:

— Вся Жизнь, как ты слышал вчера, состоит из вибрирующей материи, которая создает электрический заряд. Электричество — это жизнь материи. Как и в музыке, здесь есть свои октавы. Представь себе обычного человека. Его колебания лежат в определенном диапазоне. В нем он живет, думает, верит. Духи природы и призраки звучат октавой выше и поэтому не видны обычному человеку.

Я нервно теребил край одежды, обдумывая услышанное. В этом нет никакого смысла! Я вижу духов и призраков — значит, они видны *всем!*

Лама ответил, прочитав мои мысли:

— Ты видишь ауру, а большинство людей — нет. Ты видишь духов и призраков, а большинство людей — нет. В раннем детстве все люди очень восприимчивы. Но у взрослых под грузом житейских забот чувства притупляются. Кроме того, на Западе детей, которые рассказывают о том, как играли с духами, высмеивают и наказывают за ложь. Дети расстраиваются и в конце концов убеждают себя в том, что все это лишь игра воображения. Тебя же воспитывали правильно, и способность видеть ауру, духов, призраков останется с тобой навсегда.

— Значит, даже духи цветов такие же, как мы? — спросил я.

— Абсолютно! Они только колеблются гораздо быстрее, и их частицы больше рассеяны. Поэтому твоя рука проходит сквозь них, как сквозь солнечный луч.

— И Вы сами «прикасались» к призраку? Я имею в виду, «держали» его? — усомнился я.

— Конечно! — воскликнул он. — Для этого я поднимал уровень своей вибрации. Я расскажу тебе об этом.

Наставник слегка прикоснулся к серебряному колокольчику — подарку настоятеля одного из монастырей. На зов явился знакомый монах-прислужник. Он принес не тсампу, а настоящий индийский чай со сладкими пирожными. Их привозили издалека специально для Его Святости Далай-Ламы, и я, бедный чела, честно признаться, их обожал. Награда за особое усердие в учебе, — как говорил Его Святость.

Лама Мингьяр Дондуп прошел весь мир — и физический, и астральный, и любовь к хорошему чаю была одной из его немногих слабостей. Эту слабость я одобрял всем сердцем. Мы хорошенько подкрепились, и когда я расправился с последним пирожным, мой друг и Наставник начал рассказ:

— Это случилось много лет назад здесь, на Потале. Я был таким же молодым и суетливым, как ты сейчас. Однажды я спешил на службу, как вдруг, к моему ужасу, крупный осанистый Настоятель преградил мне путь. Он тоже опаздывал! Столкновение было неотвратимо. Уже мысленно репетируя извинения, я вдруг проломился прямо сквозь него. Он был изумлен не меньше моего. Но я так смутился, что понесся дальше, не останавливаясь. И не опоздал, то есть, почти не опоздал.

Я улыбнулся, с трудом представляя себе величественного ламу Мингьяра Дондупа *спешащим*. Он тоже улыбнулся и продолжал:

— Позже, ночью, я долго размышлял о случившемся. Я спрашивал себя, почему я не могу прикоснуться к призраку. И чем дольше я думал, тем сильнее убеждался в том, что *должен* это сделать. Я прочел об этом все, что смог отыскать в старинных книгах. Я советовался с мудрецом, жившим в пещере высоко в горах. Он поведал мне о многом, направил меня на верный путь, и я хочу передать тебе эти знания.

Он подлил себе еще чаю и, прежде чем продолжить, отпил немного.

— Как я уже рассказывал, жизнь состоит из множества миров, вращающихся вокруг своих маленьких солнц. В движении рождается некая субстанция, которую мы называем электричеством. Питаясь разумно, мы можем ускорить свои вибрации. В

отличие от культовых причуд, правильная диета действительно улучшает здоровье и повышает частоту вибраций.

Он замолчал и зажег палочку благовоний. Убедившись, что искорка тлеет исправно, он сказал:

— Основная цель ладана состоит в том, чтобы ускорить вибрации пространства, в котором он горит. Правильно выбирая ладан, можно добиться определенных результатов. Целую неделю я голодал и жег в комнате подходящие благовония. Под конец я был почти «вне» себя, и мне казалось, я скорее летаю, чем хожу. Я едва удерживал астральное тело в пределах физического.

Он улыбнулся:

— Ты, конечно, не одобряешь столь строгой диеты! Еще бы, подумал я, лучше ежедневно прикасаться к сытной еде, чем к самому доброму призраку.

— В конце недели, — говорил Наставник, — я спустился во Внутреннее Святилище и, умоляя призрака дотронуться до меня, воскурил еще больше благовоний. Внезапно я ощутил у себя на плече теплоту чьей-то дружеской руки. Обернувшись, чтобы увидеть того, кто прервал мою медитацию, я чуть не выскочил из одежд: передо мной стоял человек, умерший больше года тому назад.

Лама Мингьяр Дондуп резко оборвал свой рассказ. Нахлынувшие воспоминания рассмешили его.

— Лобсанг! — воскликнул он наконец. — Старый *мертвый* лама спросил меня, зачем я взвалил на себя эту обузу. Ведь все, что я должен был сделать, — это принять астральную форму! Признаюсь, я был посрамлен. Как такая простая мысль не пришла мне в голову? Теперь, как ты знаешь, мы *действительно* выходим в астрал, чтобы говорить с духами.

— Конечно, ведь Вы говорите при помощи телепатии, — вставил я. — Но я не знаю ни одного объяснения телепатии. Я умею делать это, но *как я* это делаю?

— Лобсанг, ты задаешь сложнейшие вопросы, — засмеялся он. — Труднее всего объяснить очевидное. Расскажи мне, как ты дышишь. Все вокруг дышат, но как объяснить сам процесс?

Я угрюмо кивнул. Я знал, что задаю вопросы слишком часто, но как без этого узнать хоть что-нибудь? Большинство чела не интересовались ничем, пока были сыты и работали в меру. Мне же хотелось большего, я хотел *знать*.

— Мозг, — сказал Лама, — похож на радио. Да, да, именно на тот аппарат, при помощи которого некто Маркони отправил послание через океан. Чтобы руководить частичками своей сущности, человеку дан радиоприбор — его мозг. Намереваясь что-либо сделать, человек поворачивает ручку настройки, и по определенным нервам начинает течь ток. Ток возбуждает мышцы, а те совершают нужное действие. Точно так же, когда человек думает, его мозг излучает сигналы. Только в более высокой части спектра. С помощью специальных приборов их можно улавливать и, как говорят западные ученые, разделять по уровням альфа, бета, гамма и дельта.

Я вяло кивнул. Мне уже приходилось слышать это от лам-врачей.

— Но чувствительный человек, — продолжал Наставник, — может не только принимать сигналы, но и понимать их. Я читаю твои мысли, и ты, если постараться, сможешь прочесть мои. Если двое гармонируют друг с другом и между ними есть взаимная симпатия, то общаться мысленно им намного проще. Например, близнецы часто поддерживают телепатический контакт, и мысль одного отзывается в мозгу другого. Порой бывает даже трудно определить, кому она принадлежала изначально.

— Наставник, Вы знаете, что я могу прочесть мысли почти каждого. Многие ли способны на это? — спросил я.

— Ты очень одарен, Лобсанг, — ответил он. — И получил правильное воспитание. Вместе мы разовьем твои способности еще больше, ведь впереди тебя ждет очень трудная задача.

Он торжественно покачал головой.

— Невероятно трудная. В давние времена человечество умело телепатически общаться с животным миром. В будущем, когда оно осознает всю глупость войн, этот дар вернется. И снова Человек и Животное станут жить в мире, не причиняя друг другу вреда.

Внизу загудел гонг. Затем послышались трубы, и лама Мингьяр Дондуп вскочил на ноги.

— Нужно поторопиться. Лобсанг, — сказал он. — Начинается храмовая служба. - Я быстро поднялся, поправил одежду и поспешил за Наставником, уже почти скрывшимся из виду.

Глава 2 ВИДЕНИЕ В ХРАМЕ

Великий храм казался живым существом. С высокой крыши передо мной открывались бескрайние просторы. Сегодня днем мы прибыли сюда со специальным поручением. Теперь, когда Лама уединился с одним из высоких сановников, я был волен идти куда пожелаю. Воспользовавшись неожиданной свободой, я забрался между могучих стропил, державших крышу. Это было прекрасное место для наблюдения. Крадучись, я шел по дорожке, проложенной вдоль края крыши, как вдруг натолкнулся на маленькую дверцу. Я решил рискнуть и толкнул ее. Дверь подалась, и, не услышав гневных окликов, я заглянул в приоткрывшуюся щель. Внутри было пусто. Войдя, я оказался в тесной комнатке, похожей на врезанную в стену келью. За моей спиной осталась маленькая деревянная дверца, с обеих сторон стены были глухими, а впереди я увидел каменный уступ высотой около трех футов.

Я сделал несколько шагов вперед и опустился на колени рядом с уступом. Он доставал мне как раз до подбородка. Чувствуя себя подобно Богу, вззирающему с Небес на простых смертных, я с огромной высоты смотрел на тусклый каменный пол храма. Пурпурные сумерки уступали место темноте. Солнце, прежде чем надолго скрыться за вершинами гор, раздаривало им свои последние лучи. И они рассыпались радужным ливнем по ослепительной белизне вечных снегов.

От сотен мерцавших масляных ламп темнота в храме выглядела рельефной. Лампы, как крупинки золота, испускали лишь слабое сияние. Казалось, небо перевернулось и звезды очутились у меня под ногами. Зловещие тени тайком проползали под колоннами. Порой узкие и продолговатые, порой короткие и толстые, но всегда причудливые и нелепые, они превращали обыденное в странное и неземное.

Я изумленно смотрел вниз, как будто находясь между мирами. Я не смог бы с уверенностью сказать, что я действительно видел, а что мне лишь пригрезилось. Между мной и полом проплывали облака сизоватого дыма. Дым от благовоний поднимался слой за слоем, и это еще больше усиливало впечатление, что я смотрю на Землю сквозь облака.

Юные благочестивые чела раскачивали кадила, из которых медленно клубился дым. Они ступали беззвучно, с застывшими лицами. Взмах — и миллионы огоньков, отраженных в золоте кадил, разлетались брызгами сверкающих лучей. Сверху я видел, как при движении воздуха тлеющие благовония вдруг загорались и звездочки искр вспыхивали и умирали. Дым благовоний создавал за спинами чела объемные голубые колонны; поднимаясь выше, он собирался в облако, и при малейшем дуновении ветерка извивался причудливыми кольцами. Казалось, сквозь пелену тумана я вижу дыхание спящего. Я был загипнотизирован мыслью о том, что нахожусь внутри живого организма. Я слышал звуки его тела, звуки самой жизни.

Сквозь туман, сквозь облака дыма благовоний виднелись сомкнутые шеренги лам, трапп и чела. Они сидели на полу, скрестив ноги, и их бесконечные ряды терялись из виду, исчезая в отдаленных нишах храма. Одетые в цвета своих орденов, сверху их шеренги были похожи на домашнее одеяло, сшитое из разноцветных лоскутков. Золотой, шафранный, коричневый, красный и очень редкие вкрапления серого. Стоило их

владельцам шевельнуться, как цвета оживали, начиная перетекать друг в друга. Во главе храма восседал Высочайший, Его Святейшество Далай-Лама в Своей Тринадцатой Инкарнации, наиболее почитаемая фигура во всем буддийском мире.

Я слушал низкоголосое пение лам, оттененное дискантами маленьких чела. Смотрел, как в согласии с басовой партией колеблются облака благовоний. Огни в темноте разгорелись ярче, ладан вспыхнул и рассыпался фейерверком золотых искр. Служба продолжалась, а я по-прежнему стоял на коленях. Я стоял и смотрел, как тени, пляшущие по стенам, растут и умирают, смотрел на сияющие иголки света, едва осознавая, где я и что со мной.

Старый лама вышел из рядов братьев по ордену. Его фигура согнулась под тяжестью лет, не поддающихся обычному счету. Траппы, несшие в руках палочки благовоний и светильники, заботливо окружили его. Поклонившись Далай-Ламе, он стал медленно поворачиваться, кланяясь четырем сторонам света. Наконец он обернулся к собравшимся и неожиданно сильным для своих лет голосом зашел:

— Слушайте голоса наших душ! Это — мир иллюзий. Жизнь на Земле всего лишь сон, что в Жизни Вечной длится миг. Слушайте голоса наших душ, вы, все угнетенные. Печальная жизнь теней придет к концу, и солнце Жизни Вечной засияет праведным. Первый раз воскурим благовония, чтобы вести беспокойные души!

Вперед вышел траппа и поклонился Далай-Ламе, после чего поклонился четырем сторонам света. Затем он зажег палочку и указал ею в четыре стороны. Низкое пение всколыхнулось снова и оборвалось, но тут же было подхвачено высокими голосами юных чела. Грузный лама декламировал по памяти отрывки из святых книг, подчеркивая ритм звоном серебряного колокольчика. Конечно, источником его клокочущей энергии было присутствие Высочайшего. Временами его голос спадал до полного молчания, и тогда он незаметно оглядывался по сторонам, желая убедиться, что действие проходит успешно.

Старый лама снова шагнул вперед и повторил обряд приветствия. Теперь уже другой траппа стоял наготове. Даже отсюда было видно, как он взволнован присутствием главы государства и религии. Старый лама зашел:

— Слушайте голоса наших душ! Это — мир иллюзий. Жизнь на Земле — испытание, в котором мы очистимся и воспарим. Слушайте голоса наших душ, вы, все, кто мучается сомнениями! Скоро сотрется память о Жизни Земной, придет мир и избавление от страданий. Второй раз воскурим благовония, чтобы вести смятенные души

Пение монахов усиливалось и разрасталось. Траппа зажег вторую палочку и указал ею на четыре угла. Казалось, стены храма дышали, раскачиваясь в такт пению. Призраки окружили старого ламу. Души рано ушедших из жизни были осуждены бесцельно блуждать в одиночестве.

Тени дрожали, будто корчась от боли. Мое сознание, восприятие и даже чувства метались между двумя мирами. В одном — я в восторге не мог оторвать глаз от богослужения. В другом — я видел промежуточный мир, в котором души умерших трепетали от страха перед загадочностью непознанного. Отверженные, окутанные липкой промозглой тьмой, они стонали от ужаса и одиночества. Они стояли неподвижно, как увязшие в болоте яки. В стороне от людей, отделенные даже друг от друга, наказанные за недостаток веры. Вдруг в вязкий мрак промежуточного мира, нарушаемый лишь голубоватым свечением призраков, ворвалось пение. Это был голос старого ламы:

— Слушайте голоса наших душ! Это — мир иллюзий. Как человек умирает в Высшей Реальности, чтобы родиться на Земле, так должен он умереть на Земле, чтобы возродиться в Высшей Реальности. Нет смерти, есть только рождение. Боль смерти — лишь боль рождения. Воскурим обильно благовония, чтобы вести страждущие души!

До моего сознания донесся мысленный приказ:

— Лобсанг! Где ты? Быстрее ко мне!

Мне стоило огромных усилий вернуться в *этот* мир. С трудом передвигаясь на онемевших ногах, я заковылял к выходу.

— Уже иду, — мысленно ответил я Наставнику.

Я открыл дверь, и ночной холод ударил мне в лицо. После горячего, пропитанного запахом воскурений воздуха храма мои глаза слезились. Спотыкаясь, высоко над землей, я ощупью пробирался к Наставнику, ожидавшему меня в комнате прямо над главным входом. При виде меня он рассмеялся и воскликнул:

— Господи, Лобсанг! У тебя такой вид, будто ты только что увидел призрака!

— Учитель! — отозвался я. — Я видел многих!

— Мы проведем ночь здесь, — сказал Лама, — а завтра отправимся к Верховному Оракулу. Ты узнаешь много интересного. Ну, а сейчас нам пора есть и... спать.

Все мое внимание во время еды было поглощено мыслями об увиденном в храме. Почему этот мир — мир иллюзий? Быстро поужинав, я прошел в свою комнату. Там, завернувшись в одежду, я лег и вскоре уснул.

Всю ночь меня преследовали кошмарные видения. Мне снилось, будто я проснулся и встал. Я видел, как громадные шары *чего-то* неслись на меня, словно тучи пыли, поднятой ветром. Маленькие точки возникали вдалеке. Быстро приближаясь, они росли и росли, превращаясь в разноцветные шары. Достигнув размера человеческой головы, они пролетали рядом со мной. В моем сне, — если это был сон! — я не мог обернуться и посмотреть, что происходит с ними дальше. Были только шары, бесконечные шары, появляющиеся из ниоткуда и уносящиеся в никуда. Меня ужасно удивляло то, что ни один из шаров не врезался в меня. Они были твердыми на вид, но мне они казались нематериальными.

Я проснулся как от удара. Рядом раздался голос, ужасный своей внезапностью:

— Как призрак видит твердые и прочные стены храма, так и ты сейчас их видишь!

Я вздрогнул от страшного предчувствия. Может быть, я уже мертв? Может, ночью я умер? Но почему я беспокоюсь о смерти? Ведь мне уже известно, что смерть — не более чем перерождение! Я лег и через некоторое время снова уснул.

Весь мир трясся и визжал, как сумасшедший. Я вскочил в испуге, думая, что храм вот-вот упадет на меня. Стояла темная ночь. Лишь звезды призрачно мерцали, роняя на землю тусклые отблески света. Я глянул прямо перед собой, и волосы дыбом поднялись у меня на голове. Ужас сковал меня. Я не мог пошевелить ни одним пальцем: мир рос. Гладкая поверхность каменных стен грубела и превращалась в пористую лаву остывшего вулкана. Щели разрастались, и я увидел, что он населены кошмарными существами. Когда-то лама Мингьяр Дондуп показывал мне нечто подобное при помощи сильного немецкого микроскопа.

Мир рос и рос, страшные существа достигли такого размера, что я уже мог разглядеть их поры. Мир становился все больше, и до моего сознания дошло, что я при этом уменьшаюсь. Мне показалось, что на меня надвигается песчаная буря. Песчинки с ревом проносились мимо, но ни одна из них пока не задела меня. Они быстро увеличивались. Вначале они были с человеческую голову, потом — размером с Гималаи. Они продолжали расти, пока я не утратил всяческого представления о времени и пространстве. В своем сне я лежал среди звезд, холодный и неподвижный, а галактики проносились мимо меня и скрывались вдалеке. Трудно сказать, сколько это продолжалось. Мне казалось, что я пролежал там вечность. Наконец все галактики, все бесчисленные вселенные вернулись ко мне. «Конец!» — пронеслась туманная мысль, когда множество миров обрушились на меня.

— Лобсанг! Лобсанг! Ты отправился в Райские Поля?

Голос гудел и разносился эхом по всей Вселенной, отскакивая от миров... отражаясь от стен моей каменной гробницы. Я с болью раскрыл глаза и попытался их сфокусировать. Надо мной висела гроздь очень ярких звезд, которые казались странно знакомыми и медленно исчезали, уступая место доброму лицу ламы Мингьяра Дондуца. Он ласково тряс меня. Яркий свет врывается в комнату. Солнечный луч освещал пылинки, и они переливались всеми цветами радуги.

—Лобсанг! Утро проходит. Я дал тебе выспаться, а сейчас пришло время поесть — и мы отправимся в путь.

Я устало поднялся на ноги. Мне было не по себе, голова казалась слишком большой, а разум по-прежнему обитал среди ночных видений. Связав в узелок свои скудные пожитки, я отправился на поиски тсампы, нашей обычной еды. Я спустился по приставной лестнице, цепляясь за нее от страха свалиться вниз, туда, где в безделье бродили монахи-повара.

— Я пришел за едой, — жалобно промямлил я.

— Едой? В это время? Убирайся прочь! — загремел голос старшего. Он уже протянул руку, чтобы отвесить мне тумака, как раздался хриплый шепот:

— Он с Ламой Мингьяром Дондупом.

Главный монах-повар подскочил, будто его ужалила оса, и зарычал на помощника:

— Ну? Так чего ты ждешь? Подай завтрак юному джентльмену!

Обычно у меня с собой достаточно ячменя. Я ношу его в кожаном мешочке, какой есть у *каждого* монаха. Но за время путешествия мои запасы изрядно истощились. Вообще, любой монах носит с собой кожаный мешочек ячменя и чашу, из которой он ест. Из смеси ячменя и чая с маслом и получается тсампа — основное тибетское блюдо. Если бы монастырские кухни вздумали печатать меню, оно состояло бы из единственного слова — тсампа!

Немного придя в себя после еды, я присоединился к Наставнику, и мы поскакали верхом в Монастырь Верховного Оракула. Во время путешествия мы молчали. Моя лошадь отличалась замечательной резвостью, и мне приходилось уделять все внимание тому, чтобы удержаться верхом. Когда мы проезжали по Лингхорской дороге, странники, замечая высокий ранг моего Наставника, просили у него благословения. Получив его, они продолжали Святой Круг, чувствуя себя по меньшей мере на полпути к спасению. Вскоре мы миновали ивовую рощу и выбрались на каменистую тропу, ведущую к Дому Оракула. Во дворе монах принял лошадей, и я с облегчением соскочил на землю.

Здесь было многолюдно. Даже высшие ламы проходили всю страну, чтобы присутствовать здесь. Оракул как раз собирался вступить в контакт с силами, которые правят Миром. По особой договоренности и по личному приказу Высочайшего я должен был присутствовать тоже. Нам показали помещение для ночлега. Мне было отведено место в комнате ламы Мингьяра Дондупа, а не в спальне с другими чела. Когда мы проходили мимо небольшого храма, который находился внутри главного здания, я услышал пение: «Внемлите голосам наших душ; сей мир есть мир иллюзий».

— Сударь! — обратился я к своему Наставнику, когда мы остались наедине. — *Как это* — этот мир — «мир иллюзий»?

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— А что же тогда по-твоему *реально*? — ответил он. — Ты прикасаешься к стене, и твои пальцы упираются в камень. Поэтому ты считаешь, что стена — это реально существующее твердое препятствие, через которое невозможно проникнуть. За окном ты видишь горную гряду Гималаев, которая стоит несокрушимо, как скелет Земли. Однако призрак или твое астральное тело может проходить через каменные горы с такой же легкостью, с какой ты проходишь через воздух.

— И все-таки причем здесь «иллюзии»? — спросил я. — Прошлой ночью мне снился сон, который был настоящей иллюзией. Сейчас мне даже не хочется вспоминать о нем!

Мой Наставник слушал с бесконечным терпением, пока я пересказывал ему свой сон. Когда я закончил, он сказал:

— В будущем я обязательно расскажу тебе о мире иллюзий. Однако сейчас не время для этого, поскольку мы должны сначала послушать Оракула.

Верховный Оракул оказался на удивление молодым человеком. Он был худощавым и очень болезненным на вид. Меня ему представили, и его внимательные глаза

просветили меня насквозь, от чего у меня по спине забегали мурашки.

— Вижу! Ты тот самый. Теперь мне все понятно, — сказал он. — Ты наделен необычными способностями, и скоро у тебя появятся знания. Увидимся позже.

Мой любимый друг, лама Мингьяр Дондуп, был польщен.

— Ты с успехом выдержишь испытание за испытанием, Лобсанг! — воскликнул он. — А теперь идем, посидим в Святилище Богов и поговорим.

Все время, пока мы шли, он продолжал улыбаться.

— Вот и пришло время поговорить о мире иллюзий, Лобсанг, — заметил он.

Наставник знал, что в Святилище в это время никого нет. Перед священными изваяниями мерцали масляные лампы, и поэтому их тени двигались, словно исполняли какой-то экзотический танец. Дым от благовоний вился вверх, образуя над нашими головами целые облака. Мы сели вместе возле кафедры, с которой чтец декламировал строки из священных писаний. Мы сидели в позе для медитации, со скрещенными ногами и ладонями, положенными одна на другую.

— Это — мир иллюзий, — сказал мой Наставник, — из которого мы взываем к душам, чтобы они нас слышали, — ведь одни только души пребывают в мире реальности. Ты прекрасно знаешь, что мы говорим: «Внемлите голосам наших душ». Мы ведь не говорим: «Внемлите голосам наших тел». Слушай меня внимательно и не перебивай, я сейчас изложу тебе основы нашей тайной веры. Позже я объясню тебе, почему люди, пока они несовершенны, должны опираться на веру в то, что о них заботится доброжелательный отец или мать. И только когда человек достигает определенной стадии духовного развития, он сможет принять то, о чем я сейчас тебе расскажу.

Я пристально смотрел на Наставника, думая о том, что он сам для меня — целый мир. В этот момент мне больше всего хотелось, чтобы мы всегда были вместе.

— Мы являемся порождениями Духа, — сказал он. — Мы подобны электрическим зарядам, которые наделены разумом. Эта жизнь дана нам в качестве испытания, а этот мир представляет собой Ад, в котором грубое физическое тело страдает и закаляется, а Дух очищается. Точно так же, как кукла приводится в действие нитями, которые находятся в руках у кукловода, наше тело посредством электрических полей связано с нашим Высшим Я, или Духом. Хороший кукловод может создать иллюзию того, что деревянные куклы живые, что они действуют по своей воле. И *мы* тоже, пока не узнаем многого, считаем, что наша жизнь ограничивается физическим телом. В неблагоприятной для Духа обстановке, каковой является Земля, мы забываем, что нами управляет душа. Мы считаем, что обладаем свободой воли и ответственны лишь перед своей совестью. Это, Лобсанг, первая иллюзия, которой подвержены люди. Они верят, что физическое тело, то есть кукла, управляет собой само.

Он остановился, увидев озадаченное выражение моего лица.

— Скажи, что тебя беспокоит? — спросил он.

— Сударь, — ответил я, — где находятся эти ниточки электрических сил? Я не вижу ничего, что соединяло бы меня с Высшим Я.

— Лобсанг, а ты можешь видеть воздух? — смеясь спросил Наставник. — Нет, не можешь до тех пор, пока ты во плоти.

Наклонившись ко мне, он схватил меня за мантию и взглянул в мои глаза таким пронзительным взглядом, что я невольно испугался.

— Лобсанг, — строго произнес он, — ты что, совсем растерял свою сообразительность? Неужели ты не знаешь таких простых вещей? Ты что, забыл о *Серебряной нити*, пучке электрических волокон, которые соединяют твоё тело с душой? Ты действительно живешь в мире иллюзий, Лобсанг!

Я почувствовал, что краснею. Конечно же, я знал о *Серебряной нити*, пучке отсвечивающих голубым волокон, которые соединяли мои физическую и духовную сущности. Во время астральных путешествий я неоднократно замечал, как эта *нить*

пульсирует и излучает свет. Она напоминала мне пуповину, посредством которой новорожденный связан с матерью, только «ребенок» в данном случае был физическим телом и не мог существовать, если «пуповина» обрывалась.

Я поднял глаза на Наставника, и он продолжил:

— Находясь в физическом мире, мы начинаем думать, что *только* он имеет значение. Подобное заблуждение является одной из уловок Высшего Я. Ведь если бы мы помнили о том, насколько счастливы мы были в духовном мире, удержать нас здесь могли бы лишь невероятные волевые усилия. Если бы человек помнил свои предыдущие жизни, когда он, возможно, был кем-то более значительным, ему бы не доставало скромности. Сейчас мы выпьем немного чая, а затем я расскажу тебе о жизни одного китайца от рождения до смерти и возвращения в потусторонний мир.

Лама протянул руку к маленькому серебряному колокольчику и собирался уже позвонить. Но тут он заметил выражение удивления на моем лице и спросил:

— Ну, о чем ты хочешь спросить меня?

— Сударь! — воскликнул я. — Почему о китайце, а не о тибетце?

— Если я скажу тебе, что этот человек — тибетец, ты будешь пытаться связать его имя с теми, кого ты знаешь, но безрезультатно.

Он позвонил в колокольчик, и монах принес нам чай. Наставник задумчиво смотрел на меня.

— Знаешь ли ты, что с каждым глотком чая мы поглощаем миллионы миров? — спросил он. — Молекулы в жидкостях размещаются не так близко друг к другу, как в твердых телах. Если бы ты мог посмотреть на молекулы этого чая в увеличенном виде, ты бы увидел, что они кружатся, как песчинки в прибрежной волне. Даже газ, такой как наш воздух, и тот составлен из молекул, крохотных частичек. Однако мы отклонились от темы — о жизни и смерти китайца.

Он закончил пить чай и ждал, пока я допью свой.

— Сенг был старым китайским мандарином, — начал Наставник, — жизнь его прошла удачно, и вот теперь, на ее закате, он стал сильно беспокоиться. У него была большая семья, много наложниц и рабов. Сам император благоволил ему. Он был близорук, и поэтому, сидя у окна своего дома, сквозь узкие щелочки старческих глаз едва мог разглядеть фазанов, которые важно расхаживали в его красивом саду. До его глохнущих ушей едва доносилось пение птиц, которые перед закатом возвращались к своим гнездам. Сенг прилег, откинувшись на подушки. Он уже начал ощущать, как к нему потянулись дрожащие пальцы Смерти, понемногу отнимающей у него жизнь. Солнце медленно скрылось за старинной пагодой. Так же медленно угасал старый Сенг. Он вытянулся на подушках и испустил дух. Солнечный свет померк, в комнате зажгли лампы, но старого Сенга уже не было — он отошел вместе с последними лучами дня.

Наставник посмотрел на меня, чтобы убедиться, что я слушаю его, а затем продолжил:

— Старый Сенг лежал на подушках, и постепенно все процессы в его теле останавливались. Кровь больше не циркулировала по артериям и венам, все внутри тела пришло в оцепенение. Тело старого Сенга умерло, жизни в нем больше не было, оно отслужило свое. Однако ясновидящий, если бы он присутствовал в этот момент поблизости, заметил бы вокруг тела старого Сенга легкую голубоватую дымку. Он бы увидел, что над телом зависло полупрозрачное очертание, соединенное с телом *Серебряной нитью*. *Нить* постепенно становилась все тоньше и в конце концов исчезла полностью. Душа, обитающая в теле старого Сенга, бесшумно, как облачко дыма от благовоний, поплыла прочь, без труда проходя сквозь стены, которые встречались на ее пути. Лама еще раз наполнил свою чашу, проследил за тем, чтобы мне тоже хватило чая, и продолжил:

— Душа плыла через миры, сквозь измерения, которые материалист не может себе вообразить. В конце концов она оказалась в чудесных местах, где было много огромных

строений, у одного из которых она остановилась. Затем душа старого Сенга вошла в эту обитель и поплыла над сверкающим полом. В том мире, Лобсанг, душа чувствует себя почти так же, как ты на этой Земле. В мире душ она может оказаться в помещении и передвигаться по полу. Все души в том мире обладают качествами и способностями, очень не похожими на все то, что мы знаем на Земле. Душа передвигалась внутри этого дома до тех пор, пока не достигла небольшой комнатки. Остановившись в ней, она уставилась в стену перед собой. Внезапно стена словно растаяла, и на этом месте стали возникать картины ее предыдущей жизни. Она смотрела в то, что мы называем «Хрониками Акаши», где хранятся сведения обо всем, что когда-либо происходило, и что может увидеть тот, кто соответствующим образом подготовлен. «Хроники Акаши» открываются перед *всеми*, кто из земной жизни переходит в потустороннюю. Здесь человек узнает о всех своих удачах и неудачах, он видит свое прошлое и *сам* судит себя! Ведь нет более строгого судьи, чем сам человек. Мы не трепещем там перед Богом, мы просматриваем все, что совершили и что думали совершить.

Я сидел и молчал. Все это казалось мне необычайно интересным. Я мог слушать Наставника часами, и при этом мне никогда не было скучно, вовсе не так, как частенько бывало во время уроков!

— Душа, которая была старым китайским вельможей Сенгом, сидела и просматривала эпизоды жизни, казавшейся этому человеку чрезвычайно удачной, — продолжал Наставник. — Она неоднократно пожалела о своих ошибках, а затем покинула комнатку и быстро вошла в большой зал, где ее ожидали мужчины и женщины из мира душ. Они молча и понимающе улыбались ей. Они ждали ее появления и просьбы помочь. Находясь в обществе этих сущностей, Душа поведала им о своих неудачах, обо всем том, что она *собиралась* сделать, но в чем так и не смогла добиться успеха.

— Мне послышалось, как Вы сказали, что душу не судят, а она сама себя судит! — выпалил я.

— Это верно, Лобсанг, — ответил Наставник. — После того, как Душа увидела все свои ошибки, она пришла к этим советчикам для того, чтобы они помогли ей. Лучше не перебивай меня, а выслушай до конца, а потом будешь задавать вопросы.

— Как я уже сказал, — продолжал Лама, — Душа пришла к своим советчикам и рассказала им о своих неудачах. Она рассказала обо всех тех качествах, которых ей не доставало в прошедшей жизни. Затем она узнала, что должна вернуться, чтобы посмотреть на свое мертвое тело, потом некоторое время — годы или даже сотни лет — отдыхать и в конце концов решить, какой будет ее следующая жизнь. Итак, Душа, которая раньше была старым Сенгом, вернулась на Землю и увидела в последний раз свое мертвое тело, которое к этому времени уже подготовили к похоронам. Теперь она была полностью готова к тому, чтобы вернуться в потусторонний мир и отдохнуть. В течение неопределенного времени она отдыхала и размышляла, делая выводы из предыдущих жизней и готовясь к последующим. Здесь, в потустороннем мире, все казалось ей столь же твердым, какими нам кажутся вещи на Земле. Она отдыхала так до тех пор, пока не пришло время снова возвращаться в земной мир.

— Мне это нравится! — воскликнул я. — Ваш рассказ очень интересен.

Наставник улыбнулся, а затем продолжил:

— В некий предначертанный момент ожидающую Душу позвал и провел в человеческий мир Тот, Кто занимается этим. Недоступные для земных глаз, они парили над Землей, осматривая дома будущих родителей, выбирая такую обстановку для будущего рождения, которая лучше всего соответствовала бы всему тому, через что Душа еще должна была пройти в земной жизни. Удовлетворенная визитом в те места, где Душе предстояло снова родиться, она вместе со своим Поводырем удалилась. Через несколько месяцев будущая мать почувствовала движение плода. Это случилось тогда, когда Душа вошла в тело ее будущего ребенка. Таким образом, Душа, которая когда-то жила в теле старого Сенга, теперь вновь оказалась в земном теле и стала приспособливаться к его

нервам и мозгу. Ребенок Ле Вонг родился в убогой семье, в китайской рыбацкой деревушке. Постепенно, по мере того как Душа привыкала к новому телу, ее высокие вибрации понизились.

Я сидел и размышлял. Так продолжалось довольно долго. В конце концов я сказал:

— Достопочтенный Лама, поскольку все это так, почему люди боятся смерти, которая всего лишь освобождает Душу от земных забот?

— Очень хороший вопрос, — ответил Наставник. — Если бы мы хотя бы смутно помнили о всех радостях, которые пережили в потустороннем мире, многие из нас не пожелали бы выносить все те лишения, которые выпадают на их долю в земном воплощении. Вот почему мы привили себе страх смерти.

Испытующе посмотрев на меня, он продолжал:

— Кое-кто очень не любит ходить в школу, терпеть не может той дисциплины, которая распространяется на всех учеников. Однако, когда школьник подрастает и становится взрослым, польза от приобретенных знаний становится для него очевидной. Теперь он понимает, что если ученик не посещает занятий, ожидать углубления его знаний не приходится. Не стоит также отнимать у себя жизнь раньше срока.

Все это было очень интересно для меня, потому что за несколько дней до этого один старый монах наложил на себя руки, прыгнув с высокой скалы. Он был очень желчным человеком, с характером, который не давал возможности принять помощь от других. «Да, старик Джигм поступил правильно, — думал я. — Он упростил жизнь и себе, и другим».

— Сударь, — обратился я, — получается, что монах Джигм поступил неправильно, когда покончил с жизнью?

— Да, Лобсанг, это было его большой ошибкой, — ответил Наставник. — Каждому человеку отведено определенное время, которое он должен прожить на Земле. Если человек заканчивает свою жизнь раньше срока, он должен вернуться назад почти сразу же. Так и получается, что некоторые младенцы живут лишь считанные месяцы. Это воплощения душ самоубийц, которые не дожили совсем немного до предначертанной им смерти. Самоубийство *никогда* не оправданно. Это грубая ошибка и оскорбление Высшего Я.

— Сударь, а как быть с теми высокопоставленными японцами, которые совершают ритуальные самоубийства для того, чтобы спасти честь своего рода? — спросил я. — Мне кажется, что на такой поступок способен лишь очень смелый человек.

— Ты не прав, Лобсанг, — убежденно ответил Наставник. — Это не так. Смелость состоит не в том, чтобы умереть, а в том, чтобы жить вопреки всем неудачам и трудностям. Умереть легче всего, а жить — это не каждому под силу! И даже театральность ритуальных самоубийц, которые спасают свою честь, не оправдывает подобных действий. Все мы здесь для того, чтобы учиться, а учиться мы должны на протяжении всей жизни, от начала и до конца. Самоубийство *никогда* не оправданно!

Снова я подумал о старом Джигме. Он был очень стар, когда бросился со скалы, и поэтому его следующая жизнь, должно быть, будет очень короткой.

— Достопочтенный Лама, для чего нам нужен страх? — спросил я. — Почему мы так много страдаем от своего страха? Я уже сейчас понимаю, что все, чего я боюсь, никогда не случится, однако я продолжаю бояться!

Лама засмеялся и сказал:

— Так происходит со всеми нами. Мы боимся неизвестного. Однако нам нужен этот страх. Страх толкает нас к действиям в тех случаях, когда без него мы вели бы себя пассивно. Страх дает нам силу тогда, когда мы больше всего нуждаемся в ней. Он не только помогает нам взять себя в руки, но и не дает проявиться склонности к лени. Ведь ты бы не стал учиться, если бы не *боялся* преподавателей или не *боялся* показаться глупым в глазах своих друзей.

В Святилище стали собираться монахи, повсюду шныряли чела, зажигая новые

масляные лампы и благовония. Мы поднялись на ноги и вышли на улицу, где прохладный ветерок едва шевелил листья ив. Из далекой Поталы донеслись звуки труб и эхом отразились в стенах монастыря, где жил Верховный Оракул.

Глава 3 ПРИЗНАННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Монастырь Верховного Оракула был небольшим и уединенным. Несколько маленьких чела играли во дворе с беззаботной непринужденностью. Нигде не было видно лениво развалившихся трапп, проводящих полуденные часы в бесполезной болтовне. Старики, и в особенности пожилые ламы, составляли здесь большинство. Люди в годах, седоволосые и согнутые под тяжестью прожитых лет, неторопливо занимались своими делами. На этих старых лам и на самого Верховного Оракула возлагалась обязанность провидения и предсказания. Сюда не допускались ни незванный гость, ни случайный путник, бредущий в поисках еды и ночлега. Многие боялись этого места. Оно было запретным для всех, кроме приглашенных. Мой Наставник, лама Мингъяр Дондуп, являл собой исключение. Он был здесь желанным гостем в любое время.

От назойливых глаз монастырь скрывала густая роща. Крепкие каменные стены защищали его от слишком любознательных. Но едва ли кто-то осмелился бы из праздного любопытства испытать на себе силу гнева Верховного Оракула. С особым усердием охранялись комнаты Его Святости, Высочайшего, бывавшего в этом Храме Знаний частым гостем. Воздух дышал безмятежностью, навевая покой на тех, кто вершил здесь свое трудное дело.

Здесь не было места ссорам и брани. За этим зорко следили могучие кхамцы. Огромные, некоторые семи футов росту и ни один не легче 250 фунтов, — их набирали сюда со всего Тибета. Своими тяжелыми дубинками они нагоняли ужас на тех, чья совесть нечиста. Играя роль полиции, они поддерживали порядок в общинах, насчитывающих порой тысячи монахов. Не всяк свят в одежде святого. Везде встречаются преступники и просто лентяи. Так что работы у кхамцев хватало.

Здесь возводились постройки в согласии со своим назначением: ни высотных строений, ни длинных шестов с зарубками. Все было рассчитано на людей пожилых, чьи кости были хрупки, а мышцы потеряли гибкость молодости. Самые старые монахи селились на нижних этажах. Доступ к коридорам был прост и удобен. На первом этаже со стороны Храма Предсказаний жил и сам Верховный Оракул. Рядом размещались старейшие и самые просвещенные, а также старший монах-полицейский из кхамцев.

— Мы идем на встречу с Верховным Оракулом, — сказал Наставник. — Он заинтересовался тобой и готов уделить тебе достаточно много времени.

Приглашение или приказ повергли меня в уныние. Визит к астрологу или прорицателю всякий раз приносил мне плохие известия: новые страдания, новые подтверждения грядущих лишений. Я снова должен был надевать свои лучшие одежды и сидеть, как чучело, молча слушая, как утомительный старик исторгает из себя потоки банальностей. Я подозрительно поднял глаза; Лама, глядя на меня, пытался сдержать улыбку. Очевидно, — подумал я с досадой, — он прочитал мои мысли!

Наставник разразился хохотом.

— Иди как есть, — сказал он, поборов приступ смеха. — Оракула не волнует состояние твоей одежды! Ему известно о тебе больше, чем тебе самому.

Мое уныние стало бездонным. Интересно, что я услышу на этот раз?

Мы спустились по коридору и вышли во двор. Я смотрел сквозь дымку на горные массивы, чувствуя себя осужденным, идущим на казнь. К нам приближался монах-полицейский. Проходя мимо, он окинул меня уничтожающим взглядом. Однако, когда узнал моего Наставника, его лицо расплылось в улыбке.

— Припадаю к Вашим лотосовым стопам, Святейший Лама, — произнес он, низко поклонившись. — Прошу оказать мне честь проводить Вас к Высокочтимому Верховному

Оракулу.

Он приотстал от нас на шаг, и я слышал, как земля дрожит от его могучей поступи.

Двое лам стояли у входа. Можно было догадаться, что это были не просто монахи-полицейские. При нашем приближении они расступились, давая нам дорогу.

— Святейший ждет Вас, — сказал один из них, улыбаясь Наставнику.

— Он в предвкушении встречи с Вами, — поддержал другой.

Мы вошли и оказались в слабо освещенном помещении. После яркого солнца улицы я на несколько секунд почти ослеп. Постепенно глаза привыкли к полумраку, и я смог разглядеть абсолютно голую комнату, лишь на стенах висели два-три гобелена и в дальнем углу курилась кафельница. В центре, на плоских подушках сидел довольно молодой монах. Он выглядел тонким и хрупким, и я изумился, осознав, что *это* и есть Верховный Оракул Тибета. Его глаза, немного навывкате, пристально смотрели на меня и сквозь меня. Казалось, он видит мою душу, а не земное тело.

Наставник и я пали перед ним ниц, распростершись в традиционном, предписанном этикетом приветствии. Затем мы встали и замерли в ожидании. Когда же тишина стала совсем невыносимой, Оракул заговорил.

— Приветствую тебя, благородный Мингьяр! Добро пожаловать, Лобсанг! — произнес он.

Его голос был немного высоковат и совершенно лишен всякой силы: он как бы доносился с огромного расстояния. Несколько мгновений Наставник и Оракул обсуждали общие темы, затем Мингьяр Дондуп отвесил поклон и покинул комнату. Оракул молча смотрел на меня. Наконец он сказал:

— Возьми подушку и садись, Лобсанг.

Я протянул руку за одной из мягких квадратных циновок, сложенных у ближней стены, и уселся поближе к Оракулу. Он продолжал наблюдать за мной в несколько угрюмой тишине. Время шло, и под его испытующим взглядом мне стало совсем неуютно.

— Итак, ты — Тьюзди Лобсанг Рампа! — прервал он затянувшееся молчание. — В предыдущей фазе существования мы были хорошо знакомы. Теперь по приказу Высочайшего я должен поведать тебе о лишениях, ожидающих тебя, и о трудностях, которые тебе предстоит преодолеть.

— Ох, Сударь! — воскликнул я. — Должно быть, я делал в прошлой жизни ужасные вещи, чтобы так страдать в этой! Моя карма тяжелей, чем у кого бы то ни было.

— Вовсе нет, — отозвался он. — Это обычное заблуждение. Многие полагают, что испытания *этой* жизни — непременно расплата за прошлые грехи. Но разве металл в горне раскаляют потому, что он нагрешил и должен быть наказан? Не делают ли это для того, чтобы *улучшить* свойства материала?

Он строго посмотрел на меня и сказал:

— Однако ты обсудишь это с Наставником. Мы же будем говорить только о будущем.

Оракул коснулся серебряного колокольчика, и в комнату беззвучно вошел слуга. Он втиснул между нами низенький столик, разместив на нем дымящийся сосуд. Это была чаша, снаружи богато украшенная серебром и фарфоровая внутри. На дне ее едва тлели полупогасшие угольки. Прежде чем поставить ее перед Верховным Оракулом, слуга взмахнул ею в воздухе, и угли вспыхнули ярким пламенем. Проворчав слово, смысл которого до меня не дошел, он поставил справа от чаши резную шкатулку и удалился так же беззвучно, как и прибыл. Мне было не по себе, но я продолжал сидеть молча. Почему со мной вечно так? *Каждый* рассказывает мне о том, какая трудная жизнь мне предстоит. Они будто наслаждаются этим! Беда есть беда, даже если она — не расплата за промахи прошлой жизни. Оракул медленно протянул руку и открыл шкатулку. Маленькой ложечкой он зачерпнул из нее мелкий порошок и высыпал его на горящие угли.

Голубая прозрачная дымка заволокла комнату. Мои глаза затуманились, и я

почувствовал головокружение. Из необозримых далей до меня донесся звон огромного колокола. Звук приближался и нарастал, пока голова не стала раскалываться на части. Внезапно мой взгляд прояснился. Я пристально наблюдал, как бесконечный столб дыма поднимается из чаши. Я видел движение внутри него, оно становилось все ближе, пока не поглотило меня целиком. Теперь я был его частью. За пределами моего восприятия гудел монотонный голос Оракула. Но я не нуждался в его словах. Я *видел* будущее так же отчетливо, как и он. Я находился во времени и вне его. Я смотрел, как мгновения моей жизни проходят передо мной, как кадры бесконечного фильма. Раннее детство, события моей жизни, строгость отца — все проносилось перед моими глазами. Я снова стоял у великого монастыря Чакпори. Снова ощущал твердые камни Железной Горы, когда ветер сдул меня с монастырской крыши и со смертельной силой швырнул о горный склон. Дым вился, и картины (которые мы называем «Хрониками Акаши») продолжали сменять друг друга. Я опять переживал свое посвящение. Тайная церемония была затянута туманом, будто я так и не был посвящен. В новых видениях я видел себя одиноко бредущим по долгой дороге в Китай.

Станный аппарат кружился и переворачивался в воздухе. И я, — я управлял им. Позже я увидел армады этих машин. Восходящие солнца Японии сияли с их крыльев. Они роняли на землю черные капли, которые, падая, извергали пламя и дым. Искалеченные тела взмывали в небо, и оно разражалось дождем крови и расчлененных человеческих тел. Я загрустил, увидев, как меня пытаются японцы. Но зло и предательство некоторых людей с Запада опечалили меня еще сильнее. Я видел, как ими движет зависть, заставляя направлять все силы на смертельный разрушительный труд. Картины продолжали сменять друг друга, и я видел основные события своей жизни до того, как пережил их.

Как мне было известно, *возможность* основных событий может быть предсказана достаточно точно. Отличаться могут лишь незначительные детали. Расположение звезд отводит каждому пределы того, кем он может быть и что способен вынести, — так же, как инженер устанавливает для двигателя наибольшую и наименьшую скорость. Меня ждет трудная жизнь. Ну и пусть!

Внезапно меня подбросило так, что я чуть не слетел с подушки, — на мое плечо легла чья-то рука. Я обернулся и увидел лицо Оракула, оказавшегося позади меня. Его взгляд излучал сочувствие и понимание.

— У тебя очень тонкая психика, — сказал он. — Мне обычно приходится объяснять значение увиденного. Высочайший, как я и ожидал, оказался прав.

— Все, чего я хочу, — отозвался я, — это остаться здесь и жить в мире. Зачем мне Западный мир, где каждый пылко проповедует веру, а сам только и думает, как перерезать глотку ближнему?

— Это великая миссия, мой друг, — ответил Оракул, — которую *должен* осуществить именно *ты*. Ты сможешь сделать это, несмотря ни на что. Вот почему ты проходишь такой трудный курс специальной подготовки.

От всех разговоров о миссиях и испытаниях мне стало еще хуже. Я желал лишь спокойствия, тишины и, может быть, изредка безобидных развлечений.

— Теперь, — произнес Оракул, — пришло время возвращаться к Наставнику. Он ждет тебя, чтобы рассказать много интересного.

Я встал и, прежде чем покинуть комнату, поклонился. Снаружи меня поджидал гигантский монах-полицейский. Он должен был проводить меня к ламе Мингьяру Дондупу. Мы шли с ним бок-о-бок, и это напомнило мне картинку из книги: слон и муравей, бредущие через джунгли...

— Итак, Лобсанг, — начал Лама, когда я вошел, — я надеюсь, ты не слишком подавлен увиденным!

Он улыбнулся и жестом пригласил меня сесть.

— Пища для тела, во-первых, Лобсанг, и пища для души, во-вторых! — смеясь, воскликнул он и позвонил в колокольчик.

Очевидно, я прибыл как раз вовремя. Жесткие монастырские правила запрещают во время еды смотреть по сторонам. Все внимание должно быть отдано Чтецу. Здесь, в комнате Наставника, не было никого, кто, взобравшись на возвышение, громко читал бы из Священных Книг с целью отвлечь мысли от столь прозаического занятия, как прием пищи. Не было здесь и жестоких прокторов, готовых наброситься на тебя за малейшее нарушение правил. Вглядываясь в бесконечные зубцы Гималаев, я думал о том, что придет время, — и я их больше не увижу. Мне показали будущее лишь мельком. Мое будущее, и то, что было скрыто вуалью дыма, пугало меня.

— Лобсанг! — сказал Наставник. — Ты видел многое, но еще больше осталось тайным. Если ты чувствуешь, что не способен встретиться с увиденным лицом к лицу, мы примем это как досадный факт. Можешь оставаться.

— Сударь! — ответил я. — Однажды Вы сказали, что тот, кто отправился по избранному жизненному пути, но, споткнувшись, повернул назад, недостойн называться человеком, Я буду идти вперед, даже зная о предстоящих трудностях!

Он улыбнулся и одобрительно кивнул.

— Я так и знал, — сказал он. — И в конце пути ты добьешься успеха.

— Учитель! — решился спросить я. — Почему люди приходят в этот мир, не зная ничего о прошедших жизнях? И не зная о том, что предстоит сделать в этой? Почему Вы говорите, что эти знания — тайные? Почему нам не дано знать все?

Лама Мингьяр Дондуп удивленно поднял брови и рассмеялся.

— Ты действительно хочешь знать свой жребий? — воскликнул он. — Но у тебя короткая память. Совсем недавно я рассказывал тебе об этом. Знание прошлых жизней безмерно увеличило бы наш груз в этом мире. Колесо Жизни вращается, принося богатство одним и бедность другим. Недаром говорят: нищий сегодня — завтра принц. Не помня о прошлых жизнях, мы все начинаем с нуля. И не пытаемся отыграть, вспоминая неудачи прошлой жизни.

— Но, — настаивал я, — а как же Сокрытое Знание? Ведь, обладая им, каждый смог бы стать лучше! И развиваться быстрее! Мой Наставник улыбнулся.

— Все не так просто, — ответил он. Мгновение помедлив, он продолжил:

— Внутри нас есть силы, нам неподвластные, неизмеримо большие, чем те, которыми обладает человек в материальном мире. Люди на Западе злоупотребили бы этими силами, ибо деньги — все, о чем они заботятся. Их беспокоят лишь два вопроса: «можешь ли ты это доказать?» и «сколько мне за это заплатят?».

Он рассмеялся, как мальчишка, и Сказал:

— Меня всегда забавляло то огромное множество приборов и механизмов, которые использует западный человек, чтобы передать беспроводное сообщение. Особенно меня веселит сам термин *беспроволочный*, ведь в их аппаратах мили и мили проводов! Здесь, в Тибете, опытным ламам по силам отправить телепатическое послание вообще без всякой аппаратуры. Мы выходим в астрал и путешествуем сквозь пространство и время, посещая другие части света и даже иные миры. Левитируя, мы можем поднимать гигантские грузы. И все это при помощи неизвестных сил. Но не все люди чисты, Лобсанг. В любом монастыре есть грешник, как во всякой тюрьме — святой.

Я смотрел на него с недоумением. — Но зная это, люди непременно стали бы хорошими! — не сдавался я.

С сожалением глядя на меня, Лама ответил: — Мы храним Тайное Знание *в тайне* для безопасности человечества. Слишком многие, особенно на Западе, мечтают лишь о деньгах и о власти. Оракул предсказал, что наша земля будет захвачена и физически покорена странным культом. Культ, которому нет дела до простого человека, который существует единственно для того, чтобы поддерживать власть диктаторов, поработивших полмира. В России пробовали под пытками вырвать у Высоких Лам Запретное Знание. Но получив к нему неожиданный доступ, обычный человек поведет себя так: вначале он устрашится силы, ставшей подвластной ему. Затем ему покажется, что у него есть

средство обогатиться сверх всякой меры. Он испробует его, и деньги придут к нему. Имея деньги и власть, ему захочется большего. Ведь миллионер никогда не удовлетворится одним миллионом, — он захочет больше! Сказано, что власть в руках непосвященного развращает. А Тайное Знание дает абсолютную власть.

Меня вдруг осенило: я знаю, как спасти Тибет! Вскочив от возбуждения, я воскликнул:

— Тибет будет спасен! Тайное Знание сохранит нас от вторжения! Наставник сочувственно посмотрел на меня.

— Нет, Лобсанг, — грустно отозвался он. — Мы не используем Силы для подобных вещей. Тибет подвергнется гонениям, он будет почти стерт с лица Земли. Но в грядущие годы он возродится еще более великим. Страна очистится в горниле войны, как позже это сделает весь мир.

Он искоса взглянул на меня.

— Пойми, Лобсанг, здесь *должна* быть война, — сказал он тихо. — Без войн население Земли стало бы слишком многочисленным. Не война — так чума. Войны и болезни регулируют численность населения, давая людям на Земле — и в других мирах — возможность делать друг другу добро. Пока люди не изменятся, войны будут *всегда*.

Гонг призывал нас к вечерней службе. Мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп встал.

— Идем, Лобсанг, — позвал он. — Мы здесь в гостях и должны проявлять уважение к хозяевам.

Мы вышли во двор. Гонг продолжал звонить настойчиво, гораздо дольше, чем было принято в Чакпори. Я поначалу был удивлен тем, насколько медленно мы продвигались к храму. Но, посмотрев по сторонам, увидел старых и немощных монахов, едва ковлявших через двор.

— С твоей стороны будет учтиво, если ты сядешь с чела, — шепнул Наставник. Я согласно кивнул и пошел вокруг стены храма вдоль внутренней стены. Когда я сел на место, чела монастыря Верховного Оракула посмотрели на меня с любопытством. Почти незаметно, пользуясь невнимательностью прокторов, они стали протискиваться вперед, пока не окружили меня со всех сторон.

— Ты откуда? — спросил мальчик, бывший, видимо, у них заводилой.

— Чакпори, — прошептал я в ответ.

— Ты и есть тот парень, которого прислал Высочайший? — тихо спросил другой.

— Да, — ответил я. — Я должен был встретиться с Верховным Оракулом, он сказал мне...

— ТИШИНА! — прорычал за спиной гневный голос. — Еще один звук!..

Обернувшись, я увидел, как от нашего кружка уходил высокий мужчина.

— Ха! — прыснул мальчик. — Не обращай на него внимания. Он больше лает, чем кусает.

Тут из маленькой дверцы появились Настоятель и Верховный Оракул, и служба началась.

Вскоре мы снова высыпали наружу. Я вместе со всеми остальными отправился на кухню, чтобы пополнить запасы ячменя и взять немного чая. Продолжить разговор не было никакой возможности: вокруг толпились монахи всех рангов. Прежде чем отойти ко сну, они обменивались последними новостями. Найдя предназначенную для меня келью, я завернулся в одежду и лег. Сон долго не приходил. Я вглядывался в пурпурную темноту, усеянную золотыми огоньками масляных ламп. Вечные Гималаи вдалеке простирали свои каменные пальцы к небесам, будто в мольбе, обращенной к богам мира. Ярко-белые стрелы лунного света мелькали в горных расщелинах, чтобы исчезнуть и появиться снова, когда луна взберется повыше. Ветра не было, и молитвенные флаги беспомощно свисали с мачт. Над Лхасой лениво проплыло облако. Я перевернулся и провалился в сон без

сновидений.

В ранний утренний час я проснулся от внезапного испуга. Я проспал и мог опоздать на службу. Вскочив, я поспешно сунул руки в рукава и молнией вылетел за дверь. Скатившись вниз по пустынному коридору, я вывалился во двор — прямо в объятия одного из кхамцев.

— Ты куда собрался? — грозно прошипел он.

— На утреннюю службу, — ответил я. — Я, должно быть, проспал. Он засмеялся и отпустил меня.

— А, так ты — приезжий. У нас нет утренних служб, можешь идти и досыпать дальше.

— Нет утренних служб? — вскрикнул я. — Но ведь *везде* есть утренние службы!

Монах-полицейский был, должно быть, в хорошем расположении духа. Он вежливо ответил мне:

— У нас здесь старики да немощные. Вот мы и обходимся без ранних служб. Ступай, почивай себе с миром. — Он потрепал меня по голове — ласково для него, но подобно удару грома для меня, — и втолкнул меня в коридор. Повернувшись, он тяжелой поступью продолжал обход. Я промчался по коридору обратно и через минуту уже спал.

Позже, днем, меня представили Настоятелю и двум старшим ламам. Они забросали меня вопросами, интересуясь моей жизнью дома, тем, что я помню о прошлой жизни, спрашивали о моих отношениях с Наставником. Наконец все трое с трудом встали и гуськом направились к двери.

— Идем, — проворчал последний, поманив меня скрюченным пальцем.

Ошарашенный, я будто в тумане последовал за ними. Они медленно вышли за дверь и, как сомнамбулы, зашаркали по коридору. Я шел за ними, спотыкаясь, стараясь поддерживать заданный темп. Продолжая плестись, мы миновали открытые комнаты. Чела и траппы, должно быть, смеялись от души, наблюдая за нашей неторопливой процессией. Я же сгорал от стыда. Во главе колонны шел Настоятель, опираясь на две палочки. Двое лам были так дряхлы, что едва поспевали за ним. Я замыкал шествие.

Через столетие — по крайней мере мне так показалось — мы достигли противоположной стены и остановились у дверного проема. Настоятель долго возился с ключом, бормоча что-то себе под нос. Один из лам пришел ему на помощь, и дверь наконец отворилась с протестующим скрипом. Первым вошел Настоятель, за ним, один за другим, оба ламы. Никто не сказал мне ни слова, так что я последовал за ними. Старый лама прикрыл дверь у меня за спиной. Передо мною оказался очень длинный стол, заваленный старыми, покрытыми пылью вещами. Здесь были и ветхие одеяния, и древние молитвенные колеса, и разрозненные нитки четок. Еще две-три шкатулки и несколько предметов, которые мне не удалось распознать с первого взгляда.

— Хмм! Ммм! Подойди сюда, мой мальчик, — велел Настоятель.

Я с неохотой направился к нему. Он взял меня за кисть левой руки своими костлявыми пальцами. Мне показалось, что я поздоровался со скелетом.

— Хмм! Ммм! Мальчик! Выбери один или — Ммм! — несколько предметов, которые принадлежали тебе — Хмм! — в прошлой жизни. Он обвел меня вокруг стола и продолжил:

— Ммм! Если ты уверен, что какой-то предмет или — Ммм! — несколько, были твоими, то возьми его или — Хмм! — их и принеси сюда.

Он тяжело сел и, видимо, потерял ко мне всякий интерес. Двое лам сели рядом, не проронив ни звука.

Отлично, подумал я. Если трое стариков собрались играть в эту игру, то я поддержу их. Психометрия, без всякого сомнения, простейшая вещь на Земле. Я прошел вдоль стола, протянув левую руку ладонью вниз. Над некоторыми вещами я ощущал зуд в центре ладони, и слабая дрожь пронизывала кисть. Я выбрал молитвенное колесо, разбитую чашку и четки. Затем я повторил свое путешествие. На этот раз я почувствовал

зуд лишь однажды, проходя рядом со старыми лохмотьями в последней стадии разложения. Это были остатки шафранной мантии, принадлежавшей Высокому Ламе. От долгих лет цвет потускнел, а ткань истлела настолько, что рассыпалась от прикосновения. Я поднял ее, не без основания опасаясь, что она распадется у меня в руках, и бережно отнес Настоятелю. Затем вернулся за остальными предметами.

Без единого слова все трое бросились осматривать вещи, сверяя тайные признаки и скрытые метки по старой черной книжице. Некоторое время они сидели лицом к лицу. Их головы свисали с высохших шей, а мозги поскрипывали от умственных усилий.

— Ххх-ура! — пробубнил Настоятель, сопя, как уставший як. — Мммм. Это и правда он. Хмм. Как хорошо это ему удалось. Ммм. А теперь иди, мой мальчик, к своему Наставнику, ламе Мингьяру Дондупу, и скажи ему, хмм, что мы будем весьма признательны ему, если он сейчас придет сюда. А ты, мой мальчик, можешь не возвращаться.

Я выбежал из комнаты, радуясь тому, что избавился от общества этих живых мумий, которые не проявляли ко мне таких теплых человеческих чувств, как лама Мингьяр Дондуп. Поворачивая за угол, я неожиданно оказался в нескольких шагах от своего Наставника. Он улыбнулся мне и сказал:

— Лобсанг, пожалуйста, не удивляйся, я уже успел получить телепатическое приглашение.

Дружески похлопав меня по плечу, он направился к комнате, в которой находился Настоятель и двое старых лам. Я же вышел во двор и стал от нечего делать пинать камешки.

— Это ты, чья Инкарнация была Признана? — спросил голос позади меня.

Я обернулся и увидел чела, который внимательно изучал меня.

— Сам не знаю, зачем они это все затеяли, — ответил я. — Могу сказать только, что они долго вели меня по коридорам, чтобы в конце концов показать какие-то старые вещи, из которых я должен был выбрать несколько. На моем месте это мог бы сделать *каждый!*

Мальчик от души рассмеялся.

— Все вы в Чакпори необычные люди, — заметил он. — Если бы ты не знал, что нужно делать, ты бы не оказался в этом монастыре. Я слышал, как о тебе говорили, что ты был кем-то *великим* в предыдущей жизни. Ты *действительно* был великим, иначе бы Верховный Оракул не посвятил бы тебе половину дня. — Он пожал плечами, притворяясь, что боится меня, и добавил:

— Будь начеку! Не успеешь оглянуться, как они признают тебя Настоятелем и заставят выполнять всю его работу. Тогда уже больше не поиграешь во дворе со своими друзьями из Чакпори!

Из двери в дальнем конце двора появился мой Наставник. Он быстрыми шагами подошел к нам. Чела, с которым я разговаривал, почтительно поклонился. Лама улыбнулся ему и ласково молвил:

— Нам пора, Лобсанг! Скоро стемнеет, а мы с тобой не любим ездить в темноте.

Вместе с Наставником мы пришли в конюшню, где монах-конюх ждал нас с лошадьми. Скрепя сердце, я сел в седло и последовал за Наставником по тропинке между ивами. Мы ехали молча, потому что я просто не был способен серьезно разговаривать во время поездки верхом, так как вся моя энергия уходила на то, чтобы не свалиться с лошади. К моему удивлению, мы направились не в Чакпори, а свернули на дорогу, ведущую к Потале. Лошади медленно поднялись по Ступенчатой улице. Долина под нами уже почти исчезла в ночном мраке. Я был очень рад, что наша поездка подошла к концу. Мы снова оказались в давно знакомой Потале, где нам сейчас предстояло поужинать.

Когда я возвращался в свою комнату после ужина, Наставник перехватил меня.

— Зайдем ко мне, Лобсанг, — позвал он. Я зашел и сел по его приглашению.

— Итак, — начал он, — я полагаю, тебя интересует, что все это значит.

— О, меня распознают как Инкарнацию! — беззаботно отозвался я. — Я как раз обсуждал это с чела, когда Вы позвали меня.

— Что ж, прекрасно, — сказал лама Мингьяр Дондуп. — Мы проведем некоторое время вместе и обсудим кое-какие проблемы. На вечернюю службу можешь не идти. Усаживайся поудобней и не вздумай меня перебивать.

— Большинство людей приходят в этот мир, чтобы узнать кое-что, — повел Наставник свой рассказ. — Другие приходят, чтобы помочь им в этом. У некоторых есть особое, очень важное задание.

Он проницательно посмотрел на меня и, убедившись, что я слежу за его мыслью, продолжал:

— Многие религии проповедуют об аде — месте наказания за грехи или для их искупления. Ад — *здесь*, на этой Земле. А наша настоящая жизнь в другом мире. Мы приходим сюда учиться или платить за грехи прошлых жизней, или, как я уже сказал, совершить дело огромной важности. Тебе предстоит разобраться с человеческой аурой. Твоими *инструментами* будут исключительно тонкое психическое восприятие, усиленная способность видеть ауру и знания о всех тайных искусствах, которые ты получишь от нас. Твои таланты мы будем развивать всеми доступными средствами. Так постановил Далай-Лама. Прямое обучение, реальный опыт — мы испробуем все, чтобы в кратчайшие сроки дать тебе как можно больше знаний.

— Да это же ад! — испуганно вскрикнул я.

— Но *этот* ад — всего лишь ступенька на пути к лучшей жизни! — отозвался он. — Здесь мы можем избежать некоторых основных ошибок. За несколько лет земной жизни мы совершаем промахи, которые мучают нас значительно дольше в Другом Мире. Вся жизнь этого мира — лишь мгновение по сравнению с жизнью в Мире Ином. Большинство людей на Западе верят, — вел он дальше, — что умершие сидят на облаках и играют на арфах. Другие уверены в том, что, покинув этот мир, чтобы возродиться в следующем, человек пребывает в мистическом состоянии небытия, и так далее. Он рассмеялся и продолжил:

— Если бы мы могли объяснить им, что жизнь после смерти реальней, чем что-либо на Земле! Весь мир состоит из вибраций. Все вибрации этого мира, то есть всё, что находится внутри него, — только октава на клавиатуре Жизни. По ту сторону смерти находятся более высокие регистры.

Мой Наставник остановился, взял меня за руку и постучал по полу костяшками моих пальцев.

— Это камень, Лобсанг, — сказал он. — Вибрация, которую мы называем камнем.

Он снова взял меня за руку. На этот раз он провел моим пальцем по ткани мантии.

— Это, — воскликнул он, — вибрация, которая обозначает шерсть. Если мы передвинем все вверх по шкале вибраций, то соотношение свойств твердости сохранится. Так, в жизни после смерти, т. е. в нашей настоящей жизни, у нас будет одежда, так же, как и в этой. Ты ясно это понимаешь?

Естественно, это было понятно, я знал об этом давным-давно. Лама вмешался в мои мысли:

— Конечно, здесь это знают все. Но если оформить эти мысли в слова, они станут от этого более четкими. Позже, — сказал он, — ты будешь путешествовать по землям Запада. Тебе встретится множество трудностей, связанных с западными религиями.

Он грустно улыбнулся чему-то и заметил:

— Христиане зовут нас язычниками. В их Библии написано, что Христос блуждал в пустыне. В наших же записях утверждается, что он пересек Индию, изучая местные религии. Затем он пришел в Лхасу и обучался в Йо-Канге под руководством лучших священников того времени. Христос создал *хорошую* религию, но то, что христиане исповедуют сейчас, имеет с ней мало общего.

Наставник посмотрел на меня немного сурово и сказал:

— Я вижу, тебе надоело слушать. Ты думаешь, что я говорю просто ради слов. Но я прошел Западный мир вдоль и поперек и должен предостеречь тебя. И лучше всего это сделать, рассказав тебе об их религии.

Я густо покраснел. Я действительно подумал: «Слишком много слов».

Из коридора доносилось шарканье ног, монахи направлялись на вечернюю службу. С крыши у нас над головой трубачи выдували последние ноты уходящего дня. Здесь, сидя напротив меня, мой Наставник продолжал свою речь:

— На Западе существуют две основные религии и множество их ответвлений. Иудейская вера стара и терпима. Евреи вряд ли доставят тебе много хлопот. Их преследовали столетиями, и поэтому они сочувствуют и понимают других. Христиане не так терпимы. Я не собираюсь рассказывать о личных верованиях, — ты сможешь прочитать об этом. Я поведаю тебе о том, как религии зарождались.

— На заре жизни на Земле, — начал Лама, — люди жили мелкими племенами. Не было никаких законов или норм поведения. Сила была единственным законом: сильное и жестокое племя шло войной на слабое. По прошествии времени появился человек сильнее и мудрее других. Он понимал, что организованное племя станет непобедимым. Он основал религию и кодекс поведения. Плодитесь и размножайтесь! — сказал он, зная, что чем больше детей будет рождено, тем сильнее станет племя. Чти отца своего и мать свою, — велел он, понимая, что дав родителям власть над детьми, сам обретет влияние на родителей. Свобода же от сыновнего долга ослабит дисциплину. Не прелюбодействуй! — прогремел пророк того времени. На самом деле он хотел лишь предостеречь от связей с другими племенами. Ибо в этом случае верность пришлось бы делить.

Прошло время, и священники поняли, что всегда найдется некто, не желающий подчиняться законам. После долгих раздумий и обсуждений они выработали схему поощрений и наказаний. Небеса, Рай, Валгалла — назови их как хочешь — для тех, кто послушен жрецам. Адский огонь, проклятие с вечными муками — для тех, кто их не приемлет.

— Так Вы против религий Запада, мой учитель? — спросил я.

— Нет, конечно, нет, — ответил он. — Многие чувствуют себя потерянными до тех пор, пока не ощутят или не представят себе, что всевидящий Отец наблюдает за ними с высоты. А дежурный Ангел записывает их добрые дела так же, как и дурные. Мы сами — Боги для маленьких созданий, населяющих наше тело, и даже более мелких, живущих в их молекулах! Что до молитв, Лобсанг, то часто ли ты обращаешь внимание на молитвы мелких созданий, составляющих молекулы твоего тела?

— Но Вы сами говорили, что молитвы имеют действие! — возразил я с некоторым удивлением.

— Да, Лобсанг, и даже очень сильное, но только в одном случае: если мы *молимся нашему Высшему Я*, нашей Подлинной Сущности, живущей в другом мире и дергающей за ниточки, к которым мы привязаны. Молитва очень эффективна, когда мы подчиняемся простым и естественным правилам, делающим ее таковой.

Он, улыбнувшись, продолжал:

— Человек — всего лишь песчинка в этом беспокойном мире. Чтобы чувствовать себя уютно, ему необходимо что-то наподобие материнской утробы. Для людей на Западе, не постигших искусства умирать, последней мыслью, последним криком является слово «мама»! Тот, кто не уверен в себе, пытаясь создать иллюзию спокойствия, посасывает сигару или сигарету. Точно так же, как младенец сосет свой палец! Даже тамошние психологи связывают курение с возвращением к детским привычкам, ко временам, когда мать давала пищу и уверенность. Религия — это только соска. Настоящий покой дает знание правды о жизни и смерти. На Земле мы подобны воде. Проходя через «смерть», мы — как пар. Рождаясь снова, мы опять становимся водой (конденсируемся).

— Учитель! — воскликнул я. — Вы считаете, что детям не следует почитать родителей?

— Боже Милосердный, конечно же, дети должны уважать их, точно так же, как родителям следует заслужить это уважение. Однако авторитарным родителям нельзя позволять воспитывать ребенка. Ребенок, повзрослев, станет почтительно относиться к жене или мужу. Родители не должны тиранить своего взрослого отпрыска. Позволить им поступать так — значит навредить и им, и себе, этот долг им придется вернуть в следующей жизни.

Я вспомнил своих родителей. Грубый и жестокий отец, который никогда не был для меня настоящим отцом. Мать, единственной заботой которой была общественная жизнь. Затем я подумал о ламе Мингьяре Дондупе, который стал мне больше чем мать и отец, единственный, кто постоянно дарил мне доброту и любовь.

Вбежал монах-посланник и застыл в глубоком поклоне.

— Достопочтенный Владыка Мингьяр! — произнес он учтиво. — Мне приказано передать Вам почтение и приветствие от Высочайшего, Он просит Вас оказать любезность и отправиться к Нему. Позвольте проводить Вас, учитель.

Наставник встал и последовал за посланником.

Я вышел из комнаты и взобрался на крышу. Немного выше неясно вырисовывался в темноте монастырь медиков. Молитвенный флаг слабо развевался на мачте. В ближнем окне я увидел старого монаха. Он вертел молитвенное колесо, и громкий скрип прорезал тишину ночи. Звезды растянулись над головой в бесконечной процессии. Неужели и *мы* для кого-то выглядим так же?

Глава 4 ЖИЗНЬ ОТШЕЛЬНИКА

Был сезон Логсара, тибетского Нового года. Мы, чела, — и траппы тоже — были заняты лепкой масляных фигур. В прошлом году мы не побеспокоились о том, чтобы вовремя заняться этим и потом нам было немного не по себе, хотя в других монастырях думали (да уж!), что нам, чакпорцам, нет дела до столь детских развлечений. Поэтому по совету самого Высочайшего нам следовало лепить фигуры и участвовать в состязании. В сравнении с другими монастырями наши усилия выглядели достаточно скромно. На деревянном острове, размером двадцать на тридцать футов, мы лепили из подкрашенного масла различные сцены из Священных Книг. Все фигуры были трехмерными, и мы надеялись, что в мерцающем свете ламп они создадут иллюзию живых.

Каждый год эту выставку смотрели старшие ламы и даже сам Высочайший. Создатели победившего экспоната удостоивались их похвалы. По окончании сезона Логсара фигуры плавил и пользовались полученным маслом целый год. Работая, — а у меня были способности к моделированию, — я думал о том, чему научился за последние несколько месяцев. Некоторые вопросы, связанные с религией, по-прежнему ставили меня в тупик. Я решил спросить о них у ламы Мингьяра Дондупа при первой же возможности. Ну а сейчас важнейшим делом была масляная фигура. Я наскреб масла телесного цвета, затем осторожно взобрался по лесам. Теперь я мог вылепить ухо, достойное Будды. Справа от меня два юных чела затеяли масляное побоище: они набирали в пригоршню масло, скатывали его между ладонями и метали получившийся грозный снаряд во врага. Веселье было в самом разгаре! Но, к несчастью, из-за каменной колонны появился проктор, желавший узнать причину шума. Не сказав ни слова, он схватил одного из чела правой рукой, другого — левой и с размаху окунул их в чан с растопленным маслом.

Я продолжал работу. Из масла, смешанного с копотью, получились вполне приличные брови. В фигуре уже проявлялась видимость жизни. В конце концов, это — мир иллюзий, — подумал я, спустился вниз и отошел, чтобы лучше оценить результат. Мастер искусств улыбнулся мне: я был, наверное, его любимым учеником. Мне нравилось рисовать и конструировать, и я на самом деле старался учиться у него.

— Отлично сработано, Лобсанг, — сказал он весело. — Боги выглядят как живые.

Он отошел, чтобы руководить изменениями в другой части сцены, и я подумал:

Боги выглядят живыми! Разве *это* — Боги? Зачем мы изучаем их, если их нет? Я должен спросить Наставника.

Я задумчиво соскребал с рук масло. Два чела, которых окунули в растопленное масло, пытались привести себя в порядок. Они натирались мелким бурым песком, и когда счищали его, выглядели достаточно глупо. Я улыбнулся и собрался уходить. Рядом прошел тяжеловесный чела, заметив:

— Даже Боги рассмеялись бы от этого!

— Даже Боги — Даже Боги — Даже Боги, — в ритм шагов отозвалось эхом у меня в голове. Боги, были ли это Боги? Я продолжал спускаться к храму и поймал себя на мысли, что жду, когда начнется знакомая служба: «Слушайте голоса наших душ, вы, все, кто блуждает!» Это — мир иллюзий. Жизнь — лишь сон. Все рожденное должно умереть. Голос священника продолжал гудеть, повторяя знакомые слова. Слова, разжигавшие мое любопытство. «Третий раз воскурим благовония, чтобы вести блуждающий призрак». Ведом не Самим Богом, — думал я, — *его людьми*, почему не Самим Богом? Почему мы молимся не Богу, а своему Высшему Я? Остаток службы не привлекал меня и ничего для меня не значил. Прервал мои размышления чей-то локоть, жестко уткнувшийся мне в ребра.

— *Лобсангу Лобсанг!* Что с тобой, ты умер? Вставай, служба окончена!

Я с трудом встал и, спотыкаясь, последовал из храма за остальными.

— Учитель! — сказал я своему Наставнику несколько часов спустя. — *Есть* ли Бог? Или Боги?

Он посмотрел на меня снисходительно и сказал:

— Пойдем посидим на крыше. Мы вряд ли сможем поговорить в такой толпе.

Он повел меня по коридору, мимо комнат лам, вверх по приставной лестнице до самой крыши. Мгновение он наблюдал любимую картину: вздымающиеся горные массивы, ясные воды Кай-Чу и укрытую тростником Калинг-Чу, казавшуюся живой зеленой массой. Мой Наставник взмахнул рукой.

— Ты думаешь, что это — случайность, Лобсанг? Это, конечно, Бог!

Он приблизился к коньку крыши и сел там.

— Ты запутался в собственных мыслях, — поставил диагноз Наставник. — *Конечно*, есть Бог, есть Боги. Но с этой Земли нам не удастся оценить ни форму, ни природу Бога. Мы живем в так называемом трехмерном мире. Бог обитает столь далеко, что человек, *пока он на Земле*, не может получить даже общее представление о нем. И человек пытается дать свое объяснение. Бог видится ему чем-то человеческим, или сверхчеловеческим, — если так тебе больше нравится. Но в своем тщеславии он полагает, что создан по образу и подобию Бога. Он думает также, что в других мирах нет жизни. Но если *только* мы созданы по образу Бога, а люди других миров не похожи на нас, — что станет с нашим представлением о том, что лишь человек сотворен по Его образу?

Наставник бросил на меня пронизательный взгляд, чтобы убедиться, что я слежу за ходом его мысли. Я, несомненно, следил: все это казалось мне очевидным.

— У каждого мира, у любой страны любого мира есть свой Бог или Ангел-хранитель. Бога нашего мира мы зовем Ману. Он — высокоразвитый дух, Сущность, каждой Инкарнацией счищавшая с себя ишаки, оставляя в себе лишь чистое. Есть группа Высших Созданий, которые в час нужды приходят на эту Землю. И они подают пример нам, простым смертным, как выбраться из болота мирских желаний.

Я кивнул — я знал об этом. Я знал, что Будда, Моисей, Христос и многие другие принадлежали к этому Ордену. Я также знал о Матрейе, который придет в мир спустя 5656 миллионов лет после пребывания Будды, или Гаутамы, как Его называют, уточняя. Все это и многое другое составляло часть нашего стандартного религиозного обучения. Нам прививали знание о том, что у всех *добрых* людей есть равные возможности, независимо от того, какое название у их религии. И мы никогда не верили, что только одна секта попадет на Небо, а все остальные будут низвергнуты в ад на потеху

кровожадным дьяволам.

Но Наставник уже приготовился продолжать.

— Ману нашего мира, Великая Просвещенная Сущность, управляет судьбами Земли. Есть и второстепенные Ману, управляющие предназначением разных: стран. Через многие тысячелетия Мировой Ману двинется дальше, а новый, еще более развитый, станет заботиться о нас.

— Ага! — триумфально воскликнул я. — Значит, не все Ману добрые! Ману русских разрешает им действовать нам во вред, Ману Китая позволяет нападать на наши границы и убивать наших людей.

Лама снисходительно улыбнулся.

— Ты забываешь, Лобсанг, — ответил он, — что этот мир — ад. Мы здесь для того, чтобы учиться. Мы пришли сюда, чтобы развить наш дух. Лишения и боль учат гораздо сильнее, чем доброта и сострадание. Войны существуют для того, чтобы человек смог проявить отвагу на поле брани и, подобно железу в печи, закалиться и окрепнуть в огне сражений. Плоть не значит ничего, Лобсанг. Она — лишь недолговечная оболочка. Дух, Душа, Высшее Я — назови это, как захочешь, — единственное, что имеет значение. Нам кажется в нашей земной слепоте, что только плоть существует реально. Страх перед телесными страданиями затуманивает нашу перспективу и искажает суждения. Мы же должны действовать во благо своего Высшего Я, по возможности помогая при этом другим. Тот, кто слепо повинуется властным родителям, утяжеляет ношу как им, так и себе. Тот, кто слепо следует канонам религии, сам ограничивает свое развитие.

— Достопочтенный Лама! — попросил я. — Можно мне добавить два замечания?

— Что ж, давай, — позволил он.

— Вы сказали: чем ужасней условия, тем быстрее мы обучаемся. Я бы предпочел немного доброты. Я смог бы учиться и так. Он посмотрел на меня с сомнением.

— Ты смог бы? — спросил он. — Ты стал бы изучать Священные Книги и без страха перед учителями? Стал бы выполнять кухонную повинность, не боясь быть наказанным за лень?

Я покачал головой, — это была правда. Я работал на кухне только по приказу. Я читал Священные Книги потому, что боялся провалиться.

— Ну а твой второй вопрос? — поинтересовался Лама.

— Хорошо, Учитель, а как формальная религия может затормозить чью-то эволюцию?

— Я приведу тебе два примера, — ответил Наставник. — Китайцы верят, что не имеет значения то, что они делают в этой жизни, так как они смогут расплатиться за свои промахи и грехи, когда придут в эту жизнь снова. И они принимают политику умственной нерадивости. Их религия, подобно опиуму, одурманивает их, приводя к духовной лени. Они живут лишь для грядущих жизней, и их искусства и ремесла приходят в упадок. Китай становится третьесортной страной, в которой бандиты-военачальники устанавливают царство террора и насилия.

Я и сам замечал, что китайцев в Лхасе отличала бессмысленная грубость и фатализм. Умереть для них значило не больше, чем пройти в соседнюю комнату! Я никоим образом не боялся смерти. Но я хотел выполнить свое задание за одну жизнь. Жить спустя рукава, а потом снова возвращаться в этот мир опять и опять, — мне не улыбалось. Рождение, детская беспомощность, необходимость снова идти в школу — все это было для меня слишком хлопотно. И я надеялся, что эта моя жизнь на Земле будет последней. Когда-то китайцы обладали прекрасной культурой: остроумными изобретениями и неповторимыми произведениями искусств. Сейчас, под гнетом религии, которая стала для них смыслом жизни, они пали жертвой коммунизма. Когда-то годы и знания были в большом почете. Теперь же мудрость уже не в цене: на главные роли вышли насилие, корысть и эгоизм.

— Лобсанг! — голос Наставника прервал мои мысли. — Я показал тебе религию,

проповедующую бездействие. Она учит, что, вмешиваясь в дела других, ты утяжеляешь свою карму — долг, который будет преследовать тебя из жизни в жизнь.

Он окинул внимательным взглядом Лхасу, затем снова повернулся ко мне.

— Религии Запада склонны к воинственности. Людям там уже недостаточно просто верить в то, во что *они* хотят. Они убивают других, чтобы заставить их верить в то же самое.

— Не могу понять, — заметил я, — как *убийство* может быть частью религиозной практики.

— Ну, не всегда так, — отозвался Наставник. — Но во времена испанской инквизиции приверженцы одной ветви христианства подвергали пыткам представителей других с целью «обратить» и «спасти» их. Людей распинали на дыбах и сжигали на кострах, принуждая сменить свою веру. Даже сейчас они посылают миссионеров, которые любой ценой стараются заполучить как можно больше обращенных. Создается впечатление, будто они настолько не уверены в своей вере, что постоянно нуждаются в ее одобрении со стороны. И пытаются его завоевать, предпочитая находиться в безопасном большинстве.

— Учитель! — спросил я. — Вы полагаете, человек должен следовать религии?

— Почему бы и нет? Особенно, если он этого страстно желает. Многие еще не достигли той ступени развития, когда могут принять Высшее Я или *Ману мира*. Они чувствуют себя комфортно, примкнув к формальной системе или религии. Это дисциплинирует умственно и духовно. Кроме того, они представляют себя в кругу семьи, где милосердный Отец заботится о них, а сострадательная Мать всегда готова вступить за них перед Отцом. Для определенного этапа развития подобная религия — благо. Но чем скорее придет осознание того, что молиться следует лишь собственному Высшему Я, тем скорее человек ступит на следующую ступень. Нас часто спрашивают, зачем в наших храмах Священные Образы, для чего нам вообще нужны храмы. Ответить на это несложно. Эти Образы напоминают нам, что мы и сами со временем сможем развиваться до уровня высших Духовных Сущностей. Что касается храмов, то в них люди одинаковых взглядов объединяют свои усилия для достижения каждым своего Высшего Я. С помощью молитвы, даже если она не имеет точного адресата, можно повысить частоту вибраций. Полезны медитация и созерцание, в храме ли, в синагоге или церкви.

Я размышлял над услышанным. Калинг-Чу под мостом, начинала звенеть и бежать быстрее. Южнее, на берегу Кай-Чу, группа людей ожидала переправы. Сегодня днем торговцы привезли Наставнику газеты и журналы из Индии и других неведомых стран. Лама Мингьяр Дондуп путешествовал часто и далеко, он старался быть в курсе дел, происходивших за пределами Тибета. Газеты, журналы... Неуловимая мысль пронеслась по задворкам моего мозга. Газеты? Я подскочил как ужаленный. Не газеты, а журналы! Я что-то видел, но что? Знаю! Все стало на свои места. Я листал страницы, не понимая ни слова: я искал картинки. На одной из них и остановился мой пытливый глаз. Крылатое существо над полем кровавой битвы. Я показал его Наставнику, и он перевел заголовок.

— Достопочтенный Лама! — возбужденно воскликнул я. — Помните картинку, которую Вы назвали Ангелом смерти? Вы еще рассказывали, будто многие утверждают, что видели его над полем сражения. Это был Бог?

— Нет, Лобсанг, — ответил он. — Просто в минуты отчаяния люди страстно хотят увидеть образ Святого или, как они его называют, Ангела. Бурные эмоции и настойчивые желания, присущие битве, наделили их просьбы и молитвы силой. И по своему представлению люди облекли свои мысли в форму. Когда же появились первые очертания фигуры, их молитвы и мысли получили подкрепление. Так образ приобрел плотность, продержавшись заметное время. Мы делаем во внутреннем храме то же самое, когда «вызываем мыслеформы». Но, пойдем, Лобсанг, день в разгаре, а подготовка к церемонии еще не окончена.

Мы спустились по коридору вниз и сразу окунулись в атмосферу суматохи и

деятельной суеты, обычную для монастырской жизни в период праздников. Мастер искусств искал меня. Ему требовался маленький, легкий мальчик, чтобы взобраться по лесам и внести изменения в голову верхней фигуры. Следуя бодрым шагом у него в кильватере, я спустился в «масляную» комнату. Там я облачился в старую одежду, щедро политую разноцветным маслом, и обвязался веревкой так, чтобы она не мешала набирать материал. Я вскарабкался по лесам. Как и предполагал Мастер, часть головы отошла от деревянной основы. Сбросив вниз конец веревки, я втащил наверх ведро с маслом. Работа заняла несколько часов. Я обвязывал деревянными щепками стойки основы и снова разминал масло, пытаясь вернуть голову на место. Наконец, критически осмотрев результат с земли, Мастер искусств выразил удовлетворение. Я аккуратно отвязался от лесов и медленно спустился на землю. Быстро переодевшись, я поспешил прочь.

На другой день я и многие другие чела столпились у деревни Шо. Теоретически, мы наблюдали за процессией, играми и скачками. Но на самом деле, мы просто выставлялись перед смиренными странниками, которые, пытаясь поспеть в Лхасу на время Логсара, толпой валили по горной тропе. Люди со всего мира пришли в эту Мекку буддизма. Искалеченный годами старик, женщина, несущая маленьких детей. Каждый хотел искупить свои грехи, совершив Священный Круг вокруг Города и Поталы, и обеспечить удачное рождение в следующей жизни. Предсказатели заполнили Лингкорскую дорогу. Дряхлые попрошайки скулили, выпрашивая милостыню. Торговцы, увешанные товарами, пробирались сквозь толпу в поисках покупателей. Вскоре эта толпа людей с разинутыми ртами утомила меня. Устав от их бесконечных бессмысленных вопросов, я отделился от компании чела и медленно побрел по горной тропе к своему ламаистскому дому.

На крыше, в моем излюбленном месте, было тихо. Солнце дарило ласковую теплоту. Снизу поднималось бессвязное жужжание теперь уже не видимой мне толпы. Бессмысленный гомон расслабил меня и в полуденном зное навевал дремоту. Почти на границе видимости возникла туманная фигура. Я сонно помотал головой и зажмурил глаза. Когда я открыл их снова, фигура по-прежнему была здесь, теперь уже более отчетливая и изрядно увеличенная. От внезапного испуга волосы у меня на голове зашевелились.

— Ты не призрак! — крикнул я. — Кто ты? Фигура слегка улыбнулась и ответила:

— Нет, сынок, я не призрак. Когда-то я тоже учился в Чакпори и так же бездельничал, как ты сейчас. Но превыше всего мне хотелось избавиться от земных желаний, и я замуровал себя в стенах того жилища отшельника.

Он указал куда-то вверх, и я мысленно продолжил направление его руки.

— Теперь, — продолжил он телепатически, — на двенадцатый Логсар с того дня, я обрел то, что искал, — свободу бродить по собственной воле, оставляя тело внутри кельи. И первое путешествие я совершил сюда, чтобы еще раз сверху взглянуть на толпу, чтобы снова почтить это памятное место. Свободу, мальчик, я получил свободу!

Он растаял под моим пристальным взглядом, как облачко ладанового дыма, развеянное ночным ветерком.

Жилища отшельников! Мы, чела, часто слышали о них. Интересно, какие они внутри? И зачем, с риском для жизни вскарабкавшись по горному склону, люди заточали себя в этих каменных клетках? Эти вопросы не давали нам покоя. Нужно непременно расспросить об этом возлюбленного Наставника. Вдруг я вспомнил, что всего в нескольких ярдах отсюда живет старый монах-китаец. Старый Ву Хси прожил любопытную жизнь: несколько лет он был монахом при дворе китайского императора. Устав от такой жизни, он отправился в Тибет на поиски просветления. В конце концов он набрел на Чакпори и был здесь принят. Но через несколько лет ему надоело и это. Он стал отшельником и прожил в уединении семь лет. Теперь он вернулся в ожидании близкой смерти. Я торопливо пошел по коридору. Пробравшись к маленькой келье, я позвал.

— Входи! Входи! — отозвался высокий дребезжащий голос.

Я вошел и впервые увидел Ву Хси, китайского монаха. Он сидел скрестив ноги, и несмотря на годы, его спина была прямая, как ростки молодого бамбука. У него были широкие скулы, а желтая кожа напоминала пергамент. Его глаза, пронзительно черные, заметно косили. Из подбородка в беспорядке торчали несколько волосков. Еще дюжина или около того составляли его длинные усы. Руки, испещренные морщинами, были желто-коричневыми, и выступившие на них вены были похожи на ветки деревьев. Когда я подошел ближе, он уставился на меня подслеповатыми глазами, скорее чувствуя, чем видя.

—Хм...Хм... —произнесен. —Мальчик свернул со своей дороги... Чего тебе, мальчик?

—Сударь! — ответил я. — Вы прожили в скиту семь лет. Не будете ли вы так добры рассказать мне об этом.

Он что-то проворчал, пожевал кончики усов и сказал:

— Присядь, мальчик, долго вспоминать о прошлом. Хоть я и думаю о нем все время.

— Когда я был мальчиком, — начал он, — я путешествовал в разные страны и однажды попал в Индию. Я увидел там отшельников, живущих в пещерах, и мне показалось, что некоторые из них достигли просветления.

Он покачал головой:

— Обычные люди были слишком ленивы, проводя свои дни в тени деревьев. Ох! Это было печальное зрелище.

— Святой отшельник, — прервал я его, — мне бы больше хотелось услышать о жилищах отшельников здесь, в Тибете.

— Э? О чем это? — слабым голосом переспросил он. — А, да, скиты Тибета... Я вернулся из Индии и отправился в родной Пекин. Я ничему не научился, и потому жизнь наскучила мне. Собрав пожитки, я стал пробираться к границе Тибета. Это заняло много месяцев.

Я раздраженно засопел. Старик продолжал:

— Долгое время в поисках просветления я останавливался в разных монастырях. Наконец я попал в Чакпори. Я был в Китае врачом, и Настоятель позволил мне остаться. Я занимался акупунктурой. Несколько лет меня устраивало это, но затем я почувствовал непреодолимое желание удалиться в скит.

От нетерпения я уже начал пританцовывать. Если старик потянет еще немного, будет слишком поздно — мне нельзя пропустить вечернюю службу. И как только я подумал об этом, раздался первый удар гонга. Неохотно поднявшись, я сказал:

— Уважаемый Учитель, мне, к сожалению, нужно идти. Старик захихикал.

— Нет, мой мальчик, — возразил он, — ты можешь остаться, ибо не получаешь ли ты здесь наставления от старшего брата? Оставайся, ты освобожден от вечерней службы.

Я подумал, что он прав, и снова сел. Он даже не был ламой, но за свой преклонный возраст и огромный опыт все-таки считался старшим.

—Чай, мой мальчик, чай! — воскликнул он. — Мы будем пить чай. Тело мое слабо, и годы давят на меня тяжким грузом. Чай для юных и стариков.

На его зов явился монах, приставленный к пожилым. Он принес нам чаю и ячменя. Смешав тсампу, мы уселись на пол: он — чтобы говорить, я — чтобы слушать.

— Настоятель позволил мне покинуть Чакпори и поселиться в скиту. Мы вышли отсюда со служкой-монахом и направились в горы. Через пять дней мы добрались до места, которое можно увидеть с крыши.

Я кивнул. Мне было известно это одинокое строение, укрытое высоко в Гималаях. Старый монах продолжал:

— Там было пусто: последний жилец недавно умер. Мы сделали уборку, и я в последний раз окинул взглядом Лхасскую долину; взглянул вниз на Поталу и Чакпори, затем вошел во внутреннюю келью. Служка замуровал дверь, и я остался один.

— Но, Учитель! Как там внутри? — спросил я нетерпеливо. Старый Ву Хси потер щеку.

— Это каменное укрытие, — медленно ответил он, — с очень толстыми стенами. Там нет дверей. Единственный вход завален камнями. Откидная дверца, через которую отшельник получает пищу, не пропускает свет. Внутреннее помещение соединяется с комнатой служки темным тоннелем. Я был замурован. Темнота была настолько густой, что ощущалась почти физически. Ни искорки света, ни слабого звука не доносилось снаружи. Я сел на пол и стал медитировать. Поначалу меня мучили галлюцинации, повсюду мерещились тонкие полоски света. Затем я почувствовал, как мрак душит меня, как будто облепляя мягкой сухой грязью. Время перестало существовать. Вскоре я начал слышать колокольный звон и звуки человеческого пения. Я бился головой о стену, яростно пытаясь вырваться наружу. Для меня не было разницы между ночью и днем — там все время было темно и тихо, как в могиле. Через некоторое время я успокоился и затих.

Я представил себе старого Ву Хси, — тогда еще молодого, — сидящим в почти живой темноте внутри всепоглощающей тишины.

— Каждые два дня, — продолжал он, — слуга должен был оставлять у дверцы немного тсампы. Он ступал так тихо, что я ни разу не слышал, когда он приходил. В первый раз, пробираясь наощупь, я вытолкнул еду за дверцу, да так и не смог ее достать. Мне пришлось ждать еще два дня.

— Сударь, — спросил я, — что станет с отшельником, если он заболит или умрет?

— Мой мальчик, — ответил Ву Хси, — если отшельник заболит, то он умрет. Слуга будет продолжать носить пищу. На четырнадцатый день, если еда останется нетронутой, он взломает стену и вынесет тело.

— А что бывает в случае, подобном Вашему, когда истекает положенный срок?

— Я оставался там два года. Потом семь. Когда приблизилось время выходить, в стене кельи проделали крохотное отверстие. Тончайший луч света проник внутрь. Каждые несколько дней отверстие расширяли, и в комнате становилось все светлее. Наконец я уже мог выдерживать полный дневной свет. Если отшельника неожиданно вывести на солнце, он мгновенно ослепнет. Его зрачки, расширившиеся от постоянной темноты, не смогут больше сузиться. Когда я вышел, я был мертвенно бледен. Мои волосы стали такими же белыми, как горный снег. Мускулы от долгого бездействия пришли в негодность.

Меня выручили массаж и трудные упражнения. Постепенно силы возвращались ко мне, и однажды я все-таки смог спуститься с горы, чтобы снова войти в Чакпори.

Я взвешивал его слова, думая о долгих годах темноты и полной тишины, прожитых в расчете лишь на собственные силы. И меня одолело сомнение.

— И что Вам дало все это? — спросил я наконец. — *Стоило ли оно того**.

— Да, мальчик, да, это того стоило! — ответил старый монах. — Я изучил природу жизни, мне стало понятно назначение мозга. Я освободился от тела. Мой дух может парить далеко, как это делаешь ты в астрале.

— Но откуда Вы знаете, что это Вам не кажется? Почему Вы не можете просто путешествовать в астрале?

Ву Хси смеялся, пока слезы не покатались по его изборожденному морщинами лицу.

— Вопросы — вопросы — вопросы, малыш, совсем как я в твои годы, — ответил он.

— Поначалу меня охватила паника. Я проклинал тот день, когда стал монахом, проклинал день, когда вошел в келью. Но постепенно я смог заняться дыхательными упражнениями и медитировать. Меня посещали галлюцинации, бесполезные видения. И вот однажды я выскользнул из своего тела, и тьма перестала быть для меня черной. Я видел свою фигуру застывшую в позе медитации, видел свои слепые, широко открытые глаза, видел бледность кожи и худобу тела. Поднявшись вверх, я прошел сквозь крышу и

оглядел Долину Лхасы. Я отмечал перемены, встречал знакомые лица. Я полетел в храм, и лама-телепат подтвердил мое освобождение. Каждые два дня я возвращался в свое тело, чтобы накормить его.

— Но почему Вы не вышли в астрал без этих приготовлений? — спросил я снова.

— Некоторые из нас, — ответил он, — всего лишь обычные смертные. Только немногие, благодаря важности возложенного на них задания, наделены особенными способностями. Ты путешествуешь в астрале. Другим, в том числе и мне, нужно пройти через лишения и одиночество, прежде чем их дух вырвется на свободу. Ты, малыш, большой счастливчик, *очень* большой счастливчик!

Старик вздохнул и сказал:

— Ступай! Мне нужно отдыхать, я говорил слишком долго. Приходи опять — несмотря на твои вопросы, ты будешь здесь желанным гостем.

Он отвернулся. Проямлив слова благодарности, я встал, поклонился и тихо выскользнул за дверь. Я был настолько поглощен своими мыслями, что врезался в противоположную стену, едва не вытряхнув дух из собственного тела. Потирая ушибленную голову, я шел по коридору как в тумане, пока не добрался до своей спальни.

Полуночная служба подходила к концу. Монахи беспокойно ерзали на своих местах, готовые вскочить в любую минуту, чтобы поспать какой-то лишней часок, прежде чем вернуться сюда снова. Старый Чтец аккуратно вставил в Книгу закладку и собрался ступить вниз. Зоркие прокторы, обычно бдительно следящие за любым беспокойством или нерадивостью со стороны малышей, теперь ослабили свое внимание. Служба была почти завершена.

Маленькие чела махнули кадилницами в последний раз, когда над толпой, готовой двинуться к выходу, поднялся сдавленный ропот. Вдруг раздался душераздирающий крик, и чья-то безумная фигура промчалась прямо по головам сидящих монахов, пытаясь схватить молодого траппу. Мы в шоке подскочили на месте. Дикая фигура вихрем кружилась перед нами. Пена срывалась с ее искаженных губ, из ее перекошенного рта изрыгались ужасные вопли. На мгновение мир показался неподвижным: монахи-полицейские застыли в изумлении, священники, только что выполнявшие свои обязанности, замерли с поднятыми руками. Прокторы первыми пробудились от своего оцепенения и яростно принялись за дело. Набросившись на безумца, они быстро сломили его сопротивление. На голову ему накинули мантию, и поток ужасных проклятий иссяк. Его быстро и умело подняли и вынесли из храма. Служба закончилась. Мы встали и заторопились к выходу, спеша поскорее покинуть храм.

— Это — Кэндзи Тэкэучи, — раздался рядом голос молодого траппы. — Он — японский монах. Его видят повсюду.

— По всему миру, — добавил другой.

— Он ищет истину и хочет, чтобы ее ему поднесли, вместо того чтобы трудиться, — заметил третий.

Я побрел прочь в смятении. *Почему* поиски истины смогли довести человека до безумия? В комнате было холодно. Я даже слегка дрожал, пока, готовясь ко сну, заворачивался в мантию. Когда прогудел гонг, мне показалось, что я только что лег. Я выглянул в окно и увидел первые лучи солнца, встающего из-за гор. Лучи, как гигантские пальцы, ощупывали небо, доставая до самых звезд. Вздохнув, я поспешил по коридору, мне не хотелось оказаться в храме последним и этим заслужить гнев прокторов.

— Ты выглядишь озабоченным, Лобсанг, — сказал Наставник днем, после полуденной службы. Он кивнул, чтобы я сел. — Ты видел, как японский монах Кэндзи Тэкэучи вошел в храм. Я хочу рассказать тебе о нем, потому что позже ты с ним встретишься.

Я устроился поудобней. Похоже, это затянется. Видимо, я был «пойман» на весь остаток дня. Увидев выражение моего лица, Лама улыбнулся.

— Возможно, у нас будет чай с индийскими пирожными, чтобы... подсластить

пилюлю. А?

Я слегка оживился, и он, ухмыльнувшись, сказал:

— Слуга сейчас принесет их, я ждал тебя!

«Да, — подумал я, когда вошел слуга, — где бы я еще нашел такого Учителя!» Пирожные из Индии были моей особой страстью. Иногда глаза у Наставника вылезали на лоб, когда он видел, сколько штук я «отправлял по назначению».

— Кэндзи Тэкэучи, — начал Наставник свой рассказ, — был крайне непостоянным. Он много путешествовал. Всю жизнь, а сейчас ему больше семидесяти, он бродил по миру в поисках того, что он называл «истиной». Истина была внутри него, но он и не пытался узнать об этом. Вместо этого он бродил по миру. Он везде изучал религиозные верования, читал книги разных стран, гоняясь за своим наваждением. Он узнал столько разного и противоречивого, что его карма стала нечистой. Он прочел так много, а понял так мало, что теперь большую часть времени безумен. Как губка, он впитал в себя все знания, не переварив почти ничего.

— Значит, Вы, Учитель, — воскликнул я, — против обучения по книгам?

— Вовсе нет, Лобсанг, — ответил он. — Я, как и всякий мыслящий человек, против тех, кто скупает брошюры и книжицы о тайных культах, о так называемом оккультизме. Эти люди *отравляют* свою душу. До тех пор, пока они не выбросят из головы все ложные знания и не станут чистыми как дети, пути развития закрыты для них.

— Достопочтенный Лама, — спросил я, — как можно сойти с ума, как неправильное чтение приводит к путанице?

— Это длинная история, — сказал лама Мингьяр Дондуп. — Для начала следует разобраться с основами, так что запасись терпением и не перебивай. На Земле мы похожи на куклы, созданные из колеблющихся молекул, окруженных электрическими зарядами. Гораздо быстрее вибрирует наше Высшее Я, и его заряд намного выше. Но между этими вибрациями существует определенная взаимосвязь. Находясь на Земле, человек может общаться со своим Высшим Я. Этот процесс напоминает разговор по радио: радиоволны пересекают моря и континенты, позволяя людям разных стран слышать друг друга. Наш мозг играет роль радиоприемника. Он принимает от своего Высшего Я «высокочастотные» инструкции и указания, преобразует их в низкочастотные импульсы, а они управляют нашими действиями. Вообще, мозг представляет собой электро-механико-химическое приспособление, которое и делает нас полезными на этой Земле. Правда, иногда химические вещества вынуждают мозг работать неправильно, вероятно блокируя часть передачи. Это происходит оттого, что мы очень редко здесь, на Земле, принимаем *прямую* «трансляцию» непосредственно от Высшего Я. Ум способен ограничивать действия, с ним не советуясь. Ум может брать на себя определенную ответственность и даже формировать собственное мнение. Так он пытается проложить мост между «идеальными» условиями Высшего Я и реальными земными трудностями.

— А люди на Западе разделяют эту теорию мозгового электричества? — поинтересовался я.

— Да, — ответил Наставник. — В некоторых клиниках волны мозга заносят на карту. Было замечено, что многие умственные расстройства сопровождаются характерными изменениями картины волн. Так, по мозговым волнам можно судить о том, страдает ли их обладатель тем или иным умственным заболеванием. Иногда наоборот, больное тело вырабатывает создающие помехи для волн химические вещества, которые вызывают признаки безумия.

— Этот японец очень дикий? — спросил я с опаской.

— Идем, сам увидишь, — отозвался Лама. — У него сейчас просветление.

Лама Мингьяр Дондуп встали быстрым шагом вышел из комнаты. Я вскочил и поспешил за ним. Спустившись на другой этаж, мы проследовали в дальнее крыло, где размещались те, кто нуждался в специальном уходе. В маленькой нише, невесело уставившись в потолок, сидел монах-японец. Он вскочил при виде Наставника, переплел

пальцы рук перед грудью и низко поклонился.

— Сидите, — остановил его Наставник. — Я привел к вам молодого человека, чтобы он мог слышать ваши слова. По приказу Высочайшего он проходит специальное обучение.

Лама поклонился и ушел. Несколько мгновений японец пристально разглядывал меня, затем кивнул, чтобы я садился. Я сел — на некотором расстоянии, все еще опасаясь его буйства.

— Не забивай себе голову всем этим печатным оккультным мусором! — резко начал японский монах. — Эта неудобоваримая снедь задержит твое духовное развитие. Я изучал все религии, все метафизические культы, которые только встречал. Они отравили меня, затянули облаками мой кругозор. Они вдолбили в меня уверенность в том, что я — особо избранный. Теперь мой мозг поврежден, и временами я теряю контроль над собой — вырываюсь из-под опеки моего Высшего Я.

— Но Сударь! — воскликнул я. — Как можно учиться, ничего не читая? Какой вред могут принести напечатанные слова?

— Мальчик! — ответил он. — Читать, конечно, можно. Но следует тщательно выбирать, что читать, и быть абсолютно уверенным, что понимаешь написанное. Печатное слово не таит опасности, опасность в мыслях, которые оно пробуждает. Не нужно быть всеядным, смешивая несовместимое. Остерегайся книг, обещающих тайную силу, — ты сможешь вызвать неуправляемую мыслеформу, как это сделал я. Кроме вреда, она ничего не принесет.

— Вы бывали во всех странах мира? — спросил я.

— Я родился в маленькой японской деревушке, — сказал он, — и когда достаточно подрос, поступил на Священную Службу. Годами я изучал религии и оккультную практику. Затем мой Старший приказал мне отправиться в дальние страны. Обучаясь, я провел пятьдесят лет, путешествуя из страны в страну, с континента на континент. Своей мыслью я породил силы, которыми не смог управлять, — силы, живущие в астрале и задевающие временами мою *Серебряную нить*. Возможно, позже мне позволят рассказать тебе больше. Но сейчас я слишком ослаблен последним приступом и должен отдохнуть. Ты можешь зайти еще, если твой Наставник позволит.

Я отвесил поклон и оставил его одного. Увидев, что я уже ухожу, к нему заторопился монах-медик. Я еще раз украдкой бросил любопытный взгляд на лежащих здесь монахов. Затем, повинувшись настойчивому телепатическому зову, поспешил к Наставнику, ламе Мингьяру Дондупу.

Глава 5 В ПЕЩЕРЕ ДРЕВНИХ

Я мчался по коридору. Не сбавляя скорости даже на поворотах, я представлял нешуточную опасность для тех, кто случайно мог оказаться на моем пути. Старый лама схватил меня на бегу, основательно встряхнул и сказал:

— Негоже, мой мальчик, истинному буддисту пребывать в столь неподобающей спешке.

Затем он присмотрелся ко мне повнимательней и узнал во мне подопечного ламы Мингьяра Дондупа. Пробормотав что-то, прозвучавшее как «Ульп!», он отшвырнул меня, будто горящий кусок угля, и *поспешил* своей дорогой. Я смог беспрепятственно продолжить свой путь. У входа в комнату Наставника я резко затормозил и чуть не упал: рядом с ним стояли двое старших настоятелей. Моя совесть пережила не лучшие минуты: *что* я такого натворил? Еще хуже — какой из моих старых «грешков» раскрылся? Такие важные персоны вряд ли стали бы дожидаться маленького мальчика, разве только с недобрыми вестями. Ноги стали ватными. Я начал судорожно перебирать в памяти, за что меня могут изгнать из Чакпори. Один из настоятелей взглянул на меня и улыбнулся с

теплотой старого айсберга. Другой повернулся ко мне лицом, высеченным из обломка Гималаев. Мой наставник захохотал.

— Да, Лобсанг, совесть у тебя явно нечиста! Кстати, эти почтенные братья тоже владеют искусством телепатии.

Более свирепый из двух окинул меня тяжелым взглядом и голосом, похожим на горный обвал, изрек:

— Тьюзди Лобсанг Рампа, посредством исследования, предпринятого по личному указанию Высочайшего, было достоверно установлено, что ты Распознан как настоящая Инкарнация ...

У меня голова пошла кругом. Запутавшись в придаточных предложениях, я с трудом понимал, о чем он говорит.

—... а также стиль, ранг и титул Лорда Настоятеля будут присвоены тебе на основании этого на церемонии, время и место которой будут назначены позднее.

Оба настоятеля торжественно поклонились ламе Мингьяру Дондупу, затем так же торжественно — мне. Взяв какую-то книгу, они вышли, и вскоре звуки их шагов затихли. Проводив их взглядом по коридору, я стоял как пришибленный. Меня вернули к жизни сердечный смех Наставника и его рука, сжавшая мое плечо.

— Теперь ты знаешь, из-за чего был весь этот сыр-бор. Тесты всего лишь подтвердили то, о чем мы знали с самого начала. Это нужно отметить. Кроме того, у меня есть для тебя интересные новости.

Он проводил меня в соседнюю комнату. Здесь царило торжество индийской кухни. Не нуждаясь в особых приглашениях, я тут же принялся за еду.

Позже, когда есть больше не было сил и один вид оставшихся угощений вызывал во мне тошноту, Наставник встал и пошел обратно в первую комнату.

— Высочайший позволил рассказать тебе о Пещере Древних, — сказал он и тут же добавил: — Более того, Высочайший настоял на этом.

Он искоса посмотрел на меня и шепотом заметил:

— Через несколько дней мы отправим туда экспедицию.

Волна возбуждения прокатилась по моему телу. У меня возникло странное, непривычное ощущение, будто я возвращаюсь «домой», в давно знакомое, но забытое место. Наставник внимательно смотрел на меня. Когда под его настойчивым взглядом я поднял голову, он кивнул.

— Я, как и ты, Лобсанг, прошел специальную подготовку. Мой Учитель давно ушел из этой жизни. Его пустая оболочка и сейчас находится в Зале Золотых Образов. С ним я обошел огромные пространства всего мира. Тебе, Лобсанг, предстоит путешествовать в одиночестве. Теперь же сиди спокойно: я расскажу, как была открыта Пещера Древних.

Я облизнул губы: именно об этом мне давно хотелось узнать. Слухи в монастыре, как и в любом другом сообществе, разносились со скоростью света, достигая самых скрытых уголков. Некоторые из них, очевидно, были не более чем слухами. Но тут было совсем другое дело, и, так или иначе, я верил тому, что услышал.

— Я был совсем молодым ламой, — начал рассказ Наставник. — Мы с Учителем и тремя такими же ламами исследовали отдаленные горные районы. За несколько недель до этого был слышен необычайный грохот, вызвавший камнепад. И мы отправились на поиски его причин. Несколько дней мы кружили у основания высокогорной вершины. Ранним утром пятого дня Учитель встал, казалось еще не проснувшись. Он выглядел слегка ошеломленным. Мы пытались разговаривать с ним, но он не отвечал. Меня охватило беспокойство. Полагая, что он болен, я начал придумывать, как спустить его вниз, на многие мили. Медленно, как будто находясь во власти неведомой силы, он приподнялся, немного помешкал и наконец выпрямился, двинулся вперед, поминутно спотыкаясь и конвульсивно вздрагивая. Содрогаюсь от страха, мы последовали за ним. Мы карабкались вверх по отвесному каменному склону, дождь мелких камней сыпался нам на

голову. Наконец, достигнув кромки вершины, мы остановились и осмотрелись. Я испытал чувство досады: перед нами лежала маленькая долина, почти полностью покрытая огромными валунами. Очевидно, здесь и зародился камнепад. Трещина или землетрясение заставили склон лишиться части камней. В ярком солнечном свете нашему взору представили огромные раны недавно обнаженной скалы. Печально свисали мхи и лишайники, лишенные привычной поддержки. Я с отвращением отвернулся. Кроме сильного камнепада, здесь ничто не занимало моего внимания. Я собрался спускаться обратно, но шепот «Мингъяр!» остановил меня. Один из моих товарищей показывал вперед. Под действием странного принуждения Учитель по-прежнему медленно продвигался вниз по склону горы.

Я сидел очарованный. Наставник замолчал, выпил глоток воды и продолжил:

— Потеряв всякую надежду, мы наблюдали, как он спускался в долину, усыпанную камнями. Мы неохотно последовали за ним, каждое мгновение ожидая смертельного падения. Оказавшись внизу, Учитель без колебания выбрал правильный путь, через валуны и вскоре добрался до противоположного края долинки. К нашему ужасу, он начал лезть вверх, цепляясь руками и ногами за невидимые с расстояния в несколько ярдов уступы. У нас не было выбора. Мы не могли вернуться и сообщить, что старший из нас скрылся в горах, а мы побоялись сопровождать его, хотя путешествие в самом деле было опасным. Тщательно выбирая путь, я полез первым. Воздух становился все более разреженным. Вскоре у меня запершило в горле, а легкие пронзила резкая и сухая боль. На высоте, возможно, пятисот футов над долиной я распростерся на узкой полочке, чтобы отдышаться. Собираясь возобновить подъем, я глянул вверх. Желтая мантия Учителя скрылась за уступом далеко впереди. Я стиснул зубы и, цепляясь пальцами за камни, начал снова пробираться вверх. Товарищи так же неохотно двинулись за мной. Теперь, когда мы вышли из-под укрытия гор, пронизывающий ветер трепал наши мантии. Камни срывались вниз, и мы с большим трудом продолжали восхождение.

Наставник снова остановился, чтобы глотнуть воды и убедиться, что я внимательно слушаю. Я слушал — еще как!

— Наконец, — продолжил он, — мои шарящие пальцы нащупали край плоской полки. Покрепче ухватившись, я крикнул вниз, что нашел место для привала, и подтянулся. Это был уступ, слегка наклоненный к горе, поэтому с других точек он не был виден. На первый взгляд он казался шириной около десяти футов. Я не стал осматриваться дальше, а встал на колени и помог взобраться остальным. Вскоре после многих страданий мы стояли вместе, ежась на холодном ветру. Было совершенно очевидно, что именно камнепад обнажил этот уступ. Присмотревшись, я увидел в горной стене какую-то щель. В самом деле? Может, это только тень или островок лишайника? Мы как один рванулись вперед. Это *была* трещина около двух с половиной футов шириной и высотой около пяти футов. Учителя не было и следа.

Я мог отчетливо нарисовать эту сцену в своем воображении. Но было не время для самоанализа. Мне не хотелось упустить ни единого слова.

— Я отошел на шаг назад и посмотрел, не полез ли Учитель выше, — продолжал дальше Наставник, — но не увидел его. Превозмогая страх, я заглянул внутрь расщелины. Там было темно, как в могиле. Согнувшись, как только мог, я дюйм за дюймом начал протискиваться вовнутрь. Когда я прополз футов пятнадцать, мне пришлось обогнуть очень острый угол, затем еще один и еще. Если бы я не был парализован испугом, я бы вскрикнул от удивления: там был свет, мягкий серебристый свет, ярче ярчайшего лунного. Свет, никогда раньше мною не виданный. Я оказался в просторной пещере. Свод ее потолка скрывался где-то в высоте. Один из моих товарищей отодвинул меня с пути, но тут же сам был отодвинут другим. Вскоре мы, все четверо, стояли в испуге, молча созерцая фантастическое зрелище. Зрелище, которое каждому из нас поодиночке навяло бы мысль о собственном безумии. Больше всего пещера напоминала огромный зал. Она занимала такой объем, что, казалось, вся гора изнутри была полая. Свет был повсюду: он

лился из множества шаров, подвешенных в темноте свода. Неведомые машины заполняли пространство. Даже с потолка свисали странные аппараты и механизмы. Я с изумлением обнаружил, что некоторые из них покрыты чем-то похожим на чистейшее стекло.

Мои глаза, должно быть, округлились от удивления, потому что Лама, прежде чем возобновить рассказ, улыбнулся.

— Мы почти забыли об Учителе. Когда он внезапно появился, мы в испуге подскочили на месте. Глядя на наши выпученные глаза и перекошенные лица, он прыснул от смеха. Теперь, как мы видели, он избавился от той странной непреодолимой силы. Мы стали ходить вместе, рассматривая неизвестные машины. Для нас они казались лишёнными назначения: всего лишь груды металла и ткани странной экзотической формы. Учитель направился к довольно большой черной панели, которая была вмонтирована отдельно в одну из стен. Когда он был уже готов прикоснуться к ее поверхности, она вдруг повернулась, открывая проход. Теперь у нас не было сомнений в том, что мы попали в заколдованное место или оказались под действием неизвестного галлюциногена. Учитель отскочил в тревоге. Панель сразу же стала на место. Один из лам отважился протянуть к ней руку, и она отворилась снова. Сила, которой мы не *могли* противостоять, понесла нас вперед. Мы боролись за каждый шаг, но без всякого результата, и вскоре миновали дверной проем. Внутри стояла полная темнота, такая же, как в пещере отшельника. Неодолимая сила протащила нас еще немало футов, прежде чем опустила на пол. Ничто не происходило, и к нам постепенно возвращалось спокойствие, но вдруг мы услышали страшный скрежет, будто царапали и стучали металлом по металлу.

Я невольно поежился. Мне пришла в голову мысль, что я непременно умер бы там от страха. Наставник продолжал:

— Медленно, почти неуловимо, в темноте перед нами образовалось туманное свечение. Вначале это были лишь слабые отблески розовато-голубого оттенка, будто под нашим пристальным взглядом материализовывался призрак. Светящийся туман расплзался, становясь все ярче, и нам стали видны очертания диковинных машин, заполнивших почти весь огромный зал, кроме того места на полу, где мы сидели. Свет втягивался сам в себя, свиваясь в причудливые кольца, то тускнея, то становясь ярче, и наконец застыл в форме сферы. У меня родилось странное и необъяснимое чувство от старинного механизма, приходящего в движение после целой вечности бездействия. Мы, все пятеро, упали на пол, буквально лишившись чувств. Я ощутил в мозгу стороннее вмешательство, как если бы потерявшие рассудок ламы-телепаты забавлялись своим искусством. Затем ощущение изменилось и стало столь же отчетливым, как речь.

Наставник прочистил горло и снова потянулся к воде, но замер на полдороге.

—Лучше чай, Лобсанг, — сказал он, звоня в колокольчик. Очевидно монах-служка знал, что нам нужно, потому что сразу принес чай... и пирожные!

— Внутри светящейся сферы мы увидели картины, — продолжал лама Мингъяр Дондуп. — Сначала туманные, они становились все отчетливей и вскоре перестали быть просто картинами. Мы действительно *видели* события.

Я не мог больше сдерживаться.

—Но, достопочтенный Лама, что Вы увидели? — спросил я, дрожа от нетерпения.

Лама протянул руку и налил себе еще чаю. Мне кажется, я никогда не видел, чтобы он ел эти сладкие индийские пирожные. Чай — да, он пил много чая, но насколько я знаю, он признавал только самую простую и неприхотливую пищу. Гонг позвал на вечернюю службу, но Лама не шелохнулся. Когда мимо пробежал последний монах, он глубоко вздохнул и сказал:

— Теперь я продолжу. Он возобновил рассказ:

— Вот то, что мы видели и слышали и что предстоит увидеть и услышать тебе в не столь отдаленном будущем. Тысячи и тысячи лет тому назад на этой земле существовала высокоразвитая цивилизация. Люди умели летать по воздуху на машинах, преодолевающих действие гравитации, люди создавали аппараты, передающие мысли на

расстояние, отображая их в мозгу в виде картин. Они смогли расщепить атом и в конце концов взорвали бомбу, которая сокрушила мир, заставив одни материки потонуть в океане, а другие — подняться со дна. Мир был разрушен. Теперь легенда о потопе есть в каждой из религий.

Последняя часть рассказа не произвела на меня впечатления.

— Учитель! — воскликнул я. — Такие картины можно увидеть и в «Хрониках Акаши». Зачем подвергаться опасностям в горах лишь для того, чтобы увидеть вещи, которые и так нам доступны?

— Лобсанг! — грозно произнес Наставник. — Мы можем увидеть эти картины в астрале и в «Хрониках Акаши» потому, что последние содержат информацию обо всем, что случилось. Мы *можем увидеть*, но не *прикоснуться*. Мы отправляемся в астральное путешествие и возвращаемся назад, но нам не дано даже, — он слегка улыбнулся, — захватить с собой смену белья или принести оттуда хотя бы цветок. Мы можем увидеть все, но чтобы изучить эти машины в деталях, нам придется идти в горы.

— Как странно, — сказал я, — что машины, возможно со всего мира, спрятаны только в нашей стране!

— Но ты ошибаешься, — возразил Наставник. — Подобное помещение есть и в Египте. Комната с такими же машинами расположена в Южной Америке. Я их видел и знаю, где они находятся. Люди прошлого скрыли свои изделия, чтобы следующие поколения смогли найти их, лишь когда будут готовы к этому. Случайный обвал обнажил вход в эту пещеру, а войдя вовнутрь, мы узнали и об остальных. Но день уже в разгаре. Вскоре семеро, и мы с тобой в том числе, отправимся в путь и снова посетим Пещеру Древних.

В последующие дни меня лихорадило от возбуждения. Мне приходилось держать свое знание при себе. Другим сказали, что мы отправляемся в горы для сбора растений. Даже в уединенной Лхасе встречались люди, которые постоянно искали личного обогащения: представители Китая, Англии, России, некоторые миссионеры, торговцы из Индии — они все хотели узнать, где мы прячем золото и алмазы, всегда были готовы использовать то, что сулит им выгоду. Так что истинная цель путешествия держалась в строжайшей тайне.

Спустя пару недель после разговора с Наставником мы были готовы к отправлению. Нас ждало долгое восхождение по едва знакомым ущельям и скалистым тропам. Сейчас в Тибете коммунисты, поэтому расположение Пещеры Древних должно держаться в секрете. Это вполне реальное место, и, овладев предметами из Пещеры, коммунисты могли бы покорить весь мир. Все, что я пишу, кроме истинного пути в Пещеру, — абсолютная правда. Настоящая карта, с множеством заметок и указателей, спрятана в надежном месте, и, когда придет время, силы *свободы* смогут найти ее.

Мы медленно сошли с Чакпори по тропе, продолжив свой путь вдоль Кашья-Линга, миновали этот парк и по дороге спустились к переправе, где нас ожидал паромщик. Нас было семеро, и нам понадобилось некоторое время, чтобы преодолеть Кай Чу на надувной лодке. Наконец все мы оказались на противоположном берегу. Завернув в тюки еду, веревки и сменную одежду, мы выбрали путь на юго-запад. Мы шли, пока садящееся солнце и удлиненные тени не сделали трудным восхождение по каменистой тропе. Затем, в сгустившейся темноте, мы скромно перекусили и расположились на ночлег с подветренной стороны огромных валунов. Как только моя голова оказалась в тюке со сменой одежды, я провалился в сон. Большинство тибетских монахов на уровне лам спали, как предписывалось уставом, сидя. Я и многие другие чела спали лежа, но были обязаны, следуя правилам, делать это только на левом боку. Последнее, что я увидел, была фигура ламы Мингьяра Дондупа на фоне темного ночного неба, который сидел, как статуя, высеченная из камня.

Мы проснулись с первым светом зарождающегося дня, экономно позавтракали, взвалили на плечи тюки и продолжили путь. Мы шли весь этот день и весь следующий.

Миновав предгорье, мы попали в настоящие горные районы. Вскоре нам пришлось связаться в цепочку, и самый легкий — то есть я! — был отправлен вперед, чтобы переправляться через опасные ущелья и, закрепляя страховку на каменных утесах, обеспечивать безопасность более тяжелых. Так, помогая друг другу, мы продолжали идти. И вот, когда мы остановились у склона могучей скалы, почти лишенной уступов для рук или ног, Наставник сказал:

— Через эту плиту, вниз по другой стороне, через долину — и мы у входа в Пещеру.

Мы рыскали у основания и искали, за что бы ухватиться. Видимо, камнепады за многие годы стерли малейшие трещины и выступы. Истратив почти весь день впустую, мы все же нашли каменный «дымоход» и поползли по нему, упираясь ногами и спиной в противоположные стены. Задыхаясь и пыхтя в разреженном воздухе, мы взобрались наверх и осмотрелись. Наконец перед нами была долина. Мы настойчиво всматривались в дальний склон, но не могли различить на его гладкой поверхности ни пещеры, ни даже щели. Долина была усеяна огромными валунами. Хуже того, по центру ее пересекал быстрый горный ручей.

Мы осторожно спустились на дно долины и направились к берегу ручья, пока высокие валуны не сделали путь слишком рискованным для тех, кто не мог скакать с камня на камень. Длины моих ног не хватало для подобных прыжков, и я был постыдно протасен через ледяной поток на конце веревки. Другого неудачника, маленького, слегка пухлого ламу, также переправили волоком. На другом берегу мы выжали мокрые мантии и надели их снова. Брызги промочили нас до самых костей. Аккуратно выбирая путь по камням, мы пересекли долину и остановились у последнего барьера — каменной плиты. Мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, указал на свежую царапину.

— Смотрите! — сказал он. — Следующий обвал сорвал уступ, на который мы поднимались.

Мы отошли немного назад, пытаясь оценить предстоящее восхождение. Ближайший уступ находился на высоте двенадцати футов, и другого пути не было. Самый высокий и сильный лама встал, расставив руки и опершись о склон, легчайший из лам взобрался к нему на плечи и сделал то же. Наконец подняли меня, и я смог подняться на плечи верхнему. С веревкой, обвязанной вокруг пояса, я осторожно вполз на полочку.

Монахи внизу давали указания, в то время как я, почти умирая от страха, продолжал карабкаться вверх, пока не накинул веревочную петлю на выступающий камень. Я подполз к краю полки, и мимо меня один за другим проследовали шестеро лам. Последний отвязал веревку и обернул ее вокруг пояса. Вскоре передо мной повис свободный конец. Мне крикнули, чтобы я обвязался и меня могли подтянуть выше. Мой рост был слишком мал, и без посторонней помощи я не смог бы дотянуться до следующего уступа. Я отдохнул снова на гораздо более высокой площадке и забросил веревку наверх. Наконец я был втащен на самую верхнюю ступеньку, где меня ожидали остальные. Будучи людьми добрыми и деликатными, они задержались, чтобы мы могли войти в пещеру вместе, и нужно признать, от этой заботы у меня потеплело на сердце.

— Теперь, когда мы втащили «наш талисман», можно продолжать путь, — проворчал один из них.

— Конечно, — отозвался я, — но самому меньшему пришлось двигаться первым, иначе *вас* бы здесь не было!

Они засмеялись и повернулись к хорошо замаскированной трещине.

Я с удивлением осматривался по сторонам. Вначале я не видел входа в пещеру. То, что я увидел, было похоже на сухой камень, по которому раньше текла вода или рос лишайник. Затем, когда мы пересекли выступ, я увидел, что на самом деле это расселина в гладкой скале. Большой лама взял меня за плечи и протолкнул в расселину, сказав добродушно:

— Ползай-ка ты первым, выгонишь оттуда всех дьяволов, тогда и мы последуем

за тобой!

Так и получилось, что мне, самому маленькому и наименее важному в группе, было суждено первым войти в Пещеру Древних. Я протиснулся вперед и завернул за угол. Я слышал, как позади меня через расселину протискивались взрослые ламы. Вдруг впереди меня блеснул свет, и некоторое время я не мог прийти в себя от страха. Я стоял неподвижно у каменной стены, не в силах отвести взгляда от фантастического зрелища, открывшегося моим глазам. Пещера казалась раза в два больше, чем внутреннее пространство Великого собора в Лхасе. Однако в отличие от этого собора, внутри которого всегда царили сумерки и тускло светились масляные лампы, здесь было так же светло, как в полнолуние безоблачной ночью. Нет, здесь было даже светлее. О сиянии полной луны мне напомнило качество этого света. Я посмотрел вверх на светильники, которые излучали этот свет. Ламы столпились рядом со мной; так же как и я, они пристально смотрели на источник света. Мой Наставник сказал:

— Старые писания гласят, что раньше освещение здесь было намного ярче, а теперь, по прошествии многих тысячелетий, эти лампы горят уже не так, как прежде.

Долгое время мы стояли молча и неподвижно, будто боясь разбудить спящего бесконечные годы. Затем, повинаясь общему порыву, мы двинулись по твердому каменному полу к первой машине, стоящей неподалеку. Мы боялись к ней прикоснуться, но нам все же было очень любопытно, что бы это могло быть. От долгих лет она потускнела, хотя казалась готовой к немедленному использованию, — если бы кто-то знал, для чего она нужна и как ею управлять. И остальные приборы привлекали наше внимание, но по-прежнему безрезультатно. Они нам казались слишком совершенными. Я отошел в сторону, туда, где на полу покоилась квадратная платформа, шириной, должно быть, фута три, окруженная перилами. Из ее днища торчало нечто вроде складной трубы. Не преследуя определенной цели, я ступил на нее. В следующее мгновение меня едва не хватил удар: платформа слегка задрожала и стала подниматься. Я был настолько напуган, что мог лишь в отчаянии вцепиться в поручни.

Снизу на меня смотрели шестеро оцепеневших лам. Труба развернулась и качнула платформу к одной из светящихся сфер. Я безнадежно смотрел вниз через перила. До земли было уже тридцать футов, а платформа все еще поднималась. Я подумал, что окажусь поджаренным, как бабочка в огне масляной лампы. Что-то скрипнуло, и подъем прекратился. Свет пылал всего в нескольких дюймах от моего лица. Я робко протянул руку: сфера была холодна как лед. Ко мне начало возвращаться спокойствие, и я огляделся. Вдруг меня пронзила леденящая душу мысль: *как я спущусь обратн*. Я метался с краю на край, пытаюсь найти хоть какой-нибудь путь к спасению, но, кажется, его попросту не было. Когда я почти отчаялся, платформа снова вздрогнула и неохотно поползла вниз. Я спрыгнул, едва дождавшись, когда она опустится на землю. Не хотелось испытывать судьбу — вдруг этой штуке опять захочется полетать!

У дальней стены я увидел распластавшуюся фигуру. Мурашки забегали у меня по спине. Это было тело кота, с плечами и головой женщины, припавшее к земле. Его глаза казались живыми. Еще больше испугало меня выражение его лица — не то насмешливое, не то чудаковатое. Все это время один из лам, стоя на коленях, тщательно исследовал какие-то отметки.

— Смотрите! — позвал он. — Эти рисунки-письмена изображают беседу людей с котами; они показывают, что есть душа, покинувшая тело и блуждающая в потустороннем мире.

Охваченный научным рвением, он углубился в исследование напольных картин — он назвал их иероглифами, — ожидая, что еще кто-нибудь проявит аналогичный энтузиазм. Этот лама был человеком высокообразованным, одним из тех, для кого изучение древних языков не составляло особого труда. Остальные, тем временем, продолжали толпиться у странных машин, споря об их назначении. Внезапный крик заставил нас в испуге обернуться. У дальней стены стоял высокий худой лама. Оказалось,

что он засунул голову в потускневший металлический ящик. Он стоял, наклонившись, и вся его голова была спрятана в ящике. Двое поспешили к нему на подмогу. Они попытались вытащить его наружу, но он только яростно крикнул и рванулся назад.

Как странно! — подумал я. — Даже степенный, хорошо обученный лама потерял здесь рассудок.

Затем длинный и худой лама все же отошел от стены, но его место тут же занял другой. Как я позже понял, они смотрели на движущиеся машины. Наставник пожалел меня и подсадил к тому, что, по-видимому, было «глазами». Я, как мне посоветовали, ухватился за поручни и увидел внутри ящика людей и те же машины, которые были сейчас в зале. Люди управляли машинами. Я увидел, что платформой, на которой я поднимался к светящейся сфере, можно управлять, и она представляет собой движущуюся лестницу, или скорее аппарат, с помощью которого можно обходиться вообще без лестниц. Большинство увиденных здесь машин были настоящими действующими моделями, такие же я не раз впоследствии встречал в научных музеях по всему миру.

Мы направились к панели, о которой я уже слышал от Наставника, и с нашим приближением она отворилась с резким скрипом и так громко, что от испуга мы едва не попадали на пол. Внутри нас встретила крошечная тьма. Казалось, нас обволакивали густые черные облака. Узкие канавки, проделанные в полу направляли наше движение. Мы шли, шаркая ногами, и, когда канавки закончились, сели. Как только мы сделали это, раздалась серия скрипов, будто металлом скребли о металл, едва уловимый свет прокрался сквозь темноту — и темнота исчезла. Мы осмотрелись и увидели еще больше неизвестных нам машин. Здесь были статуи и картины, выгравированные на металле. Но прежде чем мы успели окинуть пространство торопливым взглядом, свет начал втягиваться сам в себя и вскоре образовал в центре зала светящийся шар. Возникли картины, поначалу расплывчатые и неясные. Но со временем они становились все более яркими и реальными, приобретая рельефность. Мы внимательно наблюдали...

Это был мир далекого-далекого прошлого. Мир во времена своей молодости. Горы стояли там, где теперь были моря; прекрасные морские курорты там, где теперь горные вершины. Климат был теплее, и странные существа бродили по суше. Это был мир научного прогресса. Мимо катились неведомые машины; они летели в дюйме над землей или на высоте в несколько миль. Великие храмы упирались вершинами в небеса, бросая вызов облакам. Люди говорили с животными телепатически. Но не было всеобщего благоденствия, политики воевали против политиков. Мир был разрозненным лагерем, в котором каждая сторона домогалась чужой земли. Страх и подозрительность сопровождали жизнь обычного человека. С *обеих* сторон священники твердили, что только к ним благосклонны боги. На картине перед нами служители культа шумно проповедовали свой собственный способ спасения. Какой ценой! Убить врага — священная обязанность, учили приверженцы каждой секты. И на том же дыхании проповедовали, что все люди на Земле — братья. При этом братоубийство не казалось им чем-то нелогичным.

Мы видели сражения, и большую часть жертв в них составляло мирное население. Военные под прикрытием брони оказывались куда в большей безопасности. Старикам, женщинам, детям — тем, кто не мог *сражаться*, приходилось страдать. Перед нами промелькнули ученые, трудившиеся в лабораториях над еще более смертоносным оружием, создавая все более мощные бомбы, чтобы сбросить их на головы врагов. Серия картин изображала группу людей, погруженных в печальные раздумья. Они проектировали Капсулу Времени (то, что мы называем теперь Пещерой Древних), чтобы сохранить в ней для грядущих поколений копии своих машин, иллюстрации своей культуры и ее отсутствия. Гигантские экскаваторы вгрызались в горную породу. Орды рабочих устанавливали модели и аппаратуру. Мы видели, как поднимали на место шары, изготовленные из инертного радиоактивного вещества, дающие свет на протяжении миллионов лет. Инертного, не причиняющего вреда человеку, и активного, имеющего способность светить до конца самого Времени.

Мы поняли, что можем понимать и речь. Этому нашлось простое объяснение: мы воспринимали ее телепатически. Такие же помещения были спрятаны в песках Египта, в пирамидах Южной Америки и в одном месте в Сибири. Каждое место было отмечено символом времени — сфинксом. Мы увидели огромные скульптуры сфинксов, которые происходили *не* из Египта, и получили толкование их формы. В то далекое время люди и животные жили и трудились вместе. Кот был самым совершенным животным по силе и уму. Человек и сам является животным, и древние создали статую гигантского кошачьего тела, символизирующую силу и выносливость кота, поместив на него голову и грудь женщины. Голова была призвана показать человеческие разум интеллект, в то время как грудь указывала на то, что человек и зверь могут черпать умственную и духовную пищу друг от друга. Тогда этот символ был так же распространен, как в наше время — изображения Будды, Распятия или Звезды Давида.

Мы видели океаны с плавающими городами, которые двигались от одного берега к другому. В небе беззвучно проплывали большие воздушные машины. Они могли парить неподвижно, могли срываться с места, развивая безумную скорость. В нескольких дюймах над поверхностью земли двигались автомобили, но что держит их в воздухе, мы так и не смогли определить. Над городами протянулись мосты и тонкие, как нити, дороги. Пока мы смотрели, в небе появилась яркая вспышка, и один из самых больших мостов на наших глазах превратился в груды беспорядочно спутанных балок и проводов. Другая вспышка — и большая часть города исчезла в непроглядном дыму. Над руинами выросло странное, пугающе красное облако, грубо напоминающее по форме гриб высотой в несколько миль.

Картина потускнела, и мы снова увидели создателей Капсулы Времени. Они решили, что *наступило* время ее запечатать. Мы наблюдали церемонию. В машины заносились «запечатленные картины жизни», звучали прощальные речи:

— Люди будущего, если вы существуете!

— Это человечество было близко к самоуничтожению, или, по крайней мере, это казалось очень вероятным.

— Под этими сводами хранятся записи наших успехов и нашего безумия. Они принесут благо той расе будущего, которая окажется способной найти и понять их.

Телепатический голос затих и картинка почернела. Мы сидели в тишине, ошеломленные увиденным. Позже, пока мы продолжали сидеть, свет появился снова, и мы заметили, что теперь он исходит прямо от стен.

Мы встали и осмотрелись. И этот зал был густо уставлен механизмами. Копии городов и мостов — все было сделано из камня или металла неведомой природы. Некоторые экспонаты были отгорожены совершенно прозрачной оболочкой. Это не было стеклом, мы не знали, что это, — но оно надежно предохраняло модели от наших прикосновений. Вдруг мы подскочили на месте: на нас смотрел огромный красный глаз, и он подмигивал нам! Я было приготовился бежать, но мой Наставник шагнул к машине. Он глянул на нее сверху и прикоснулся к ручке. Красный глаз исчез. Вместо него на маленьком экране появилось изображение другого помещения, соседствующего с главным залом. В наш мозг прилетело послание: «Когда вы выйдете, отправляйтесь в комнату, где вы найдете вещество, которым сможете запечатать любое отверстие, через которое сюда попали. Если вы не достигли уровня развития, при котором вы сможете управлять машинами, опечатайте это место и оставьте его в неприкосновенности для тех, кто придет после».

Мы молча проследовали в третью комнату, дверь в которую отворилась при нашем приближении. В ней стояли множество тщательно опечатанных сосудов и машина, которая при помощи «картинок-мыслей» объяснила нам, как открыть сосуды и замуровать вход в пещеру. Мы уселись на пол и принялись обсуждать то, что увидели и испытали.

— Великолепно! Великолепно! — воскликнул один из лам.

— Не вижу в этом ничего великолепного, — дерзко возразил я. — Мы могли увидеть все это, просмотрев «Хроники Акаши». Почему нам не показали, что было

дальше, после того как это место опечатали?

Остальные вопросительно посмотрели на старшего, ламу Мингьяра Дондупа. Он слегка кивнул и заметил:

— Временами Лобсанг демонстрирует проблески ума. Давайте успокоимся и посмотрим, что же произошло. Мне это не менее любопытно.

Мы расположились в круг, лицом к середине. Наставник задал нужный ритм дыхания, и мы последовали за ним. Мы медленно теряли земную сущность, и все как один отправились в плавание по Морю Времени. Все, что хоть когда-нибудь происходило, доступно тому, кто способен сознательно выходить в астрал и возвращаться — сознательно — с обретенным знанием. Любой эпизод истории, сколь угодно удаленный во времени, виден ему так хорошо, как будто он сам был там.

Я вспомнил, как впервые проник в «Хроники Акаши». Как-то раз Наставник рассказал мне о них, и я спросил:

— Но что они представляют собой? Как они действуют? Как можно прикоснуться к вещам, которые прошли, закончились, исчезли?

— Лобсанг! — ответил он. — Ты не станешь со мной спорить, что и сам имеешь память. Ты можешь вспомнить, что было вчера, позавчера, за день до этого. Немного поупражнявшись, ты можешь вспомнить все, что произошло в твоей жизни, даже сам процесс рождения. Можно использовать то, что мы называем тотальным вызовом, — вернуть память о времени, когда ты еще не был рожден. «Хроники Акаши» — просто память всего мира. Все, что происходило в мире, ты можешь вызвать точно также, как вспоминаешь события своей жизни. Здесь нет никакого волшебства. Но мы займемся этим, а также гипнозом — ведь эти вещи тесно связаны — как-нибудь попозже.

При нашей подготовке было нетрудно определить момент, когда изображение в машине погасло. Мы видели процессию, состоящую из женщин и мужчин, очевидно знати того времени, выходящую из пещеры. Огромными лапами машины завалили вход в пещеру камнем, показавшимся мне половиной горы. Все трещины и разломы были искусно скрыты, и люди ушли. Рабочие откатили на некоторое расстояние машины, и какое-то время сцена оставалась безмолвной. Затем мы увидели, как со ступеней гигантской пирамиды высокий сановник призывал народ к войне. Картины, написанные на Свитках Времени, сменяли друг друга, и вот перед нами предстал противоположный лагерь. Руководители и здесь неистовствовали. А время шло. Синеву неба прочертили белые полосы дыма. Небеса покраснели. Весь мир задрожал и затрясся. Даже от взгляда на это у нас закружилась голова. Ночь упала на землю. Черные тучи, разрезаемые ярким пламенем, окутали весь земной шар. Города, охваченные пламенем, исчезали. Море яростно накинулось на сушу. Сметая все на своем пути, гигантская волна, выше самого высокого здания, прокатилась с ревом, неся на гребне обломки умирающей цивилизации. Земля вздрогнула и забилась в агонии. Разверзались глубокие ущелья и снова закрывались, подобно зевающему рту великана. Как ветви ивы во время грозы, горы клонились, клонились и тонули в морских глубинах. Суша вырастала из вод и становилась горами. Лицо мира менялось в бесконечном движении. Немногие уцелевшие с воплями отчаяния неслись ко вновь поднявшимся вершинам. Другие, сев на корабли, чудом перенесшие сдвиг земных пластов, достигли большой земли и разбежались в поисках укрытия. Сама планета застыла, прекратила вращение и двинулась вспять. Вспыхнувшие леса в мгновение ока рассыпались серым пеплом. Земная поверхность была безлюдна, растерзана и обуглена. В глубоких пещерах и лавовых тоннелях потухших вулканов толпились, бессвязно лепеча, разрозненные группы земных обитателей, оглушенные безумием катастрофы. С почерневшего неба сыпалось беловатое вещество, сладкое на вкус — и единственное, что поддерживало жизнь.

Земля менялась столетиями: воды стали сушей, а то, что было раньше сушей, покрыла вода. Каменные стены долины треснули и разошлись, дав жизнь морю, которое зовут теперь Средиземным. Другое море утонуло в глубинах собственного ложа, и, когда

оно ушло, а дно просохло, возникла пустыня Сахара. По поверхности Земли бродили дикие племена. При свете лагерных костров они рассказывали древние легенды о потопе, Лемурии, Атлантиде, вспоминали о дне, когда Солнце остановилось.

Пещера Древних покоилась, погребенная в иле полузатонувшего мира. Защищенная от вторжений, она отдыхала, лежа глубоко под поверхностью земли. Время шло, и бегущие потоки воды смыли нанесенные осколки горной породы. Нагретая солнцем и охлажденная внезапными ледяными дождями, каменная поверхность раскололась с громоподобным шумом — и мы смогли попасть внутрь.

Мы встряхнулись, размяли онемевшие конечности и с трудом встали на ноги. Это был изнурительный опыт. Теперь нам нужно было поесть и отдохнуть, чтобы завтра снова осмотреться, — может быть, мы узнаем еще что-нибудь новое. А после, закончив свою миссию, мы, как приказано, завалим вход. Пещера снова исчезнет для мира до тех пор, пока люди доброй воли и высокого интеллекта не придут сюда снова. Я подошел к горловине пещеры и глянул вниз на расколотые камни. Интересно, о чем бы подумал человек из давних времен, если бы он смог встать из могилы и оказаться рядом со мной.

Обернувшись назад, я был поражен контрастом: один из лам при помощи трута и кресала разжег огонь и поддерживал его при помощи специально запасенного для этого сушеного навоза. Нас окружали прекрасные предметы ушедшего века. Мы же, люди сегодняшнего дня, по соседству с чудесными машинами, недоступными нашему пониманию, грели воду на навозном костре. Я вздохнул и вернулся мыслями к смешиванию чая и тсампы.

Глава 6 НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

Утренняя служба закончилась. Мальчишки гурьбой побежали в класс, они толкались, обгоняя друг друга, — никто не хотел входить в класс последним. И дело было вовсе не в том, что мы так уж хотели учиться, — просто у преподавателя, проводившего занятия, была отвратительная привычка бить последнего вошедшего палкой. О радость! Мне удалось быть *первым*, и я купался в сиянии довольной улыбки преподавателя. Стоя у дверей, он поторапливал других, раздавая подзатыльники тем, кто бежал не так быстро, как ему бы хотелось. В конце концов все сели со скрещенными ногами на циновки, расстеленные на полу. Правила предписывали нам сидеть спиной к учителю, который постоянно прохаживался у нас за спиной, и мы никогда точно не знали, где он находится. Все свое внимание мы должны были направлять на работу.

— Сегодня мы будем обсуждать близость всех религий, — зазвучал его монотонный голос. — Мы уже отмечали, что история о Всемирном потопе встречается по всему миру. Сегодня мы рассмотрим образ Богоматери. Даже самые глупые люди, — сказал он, пронзительно посмотрев на меня, — знают, что нашей Богоматери, Блаженной Долме, Святой Деве Милосердия в некоторых христианских сектах соответствует Дева Мария.

Возле дверей класса затихли чьи-то поспешные шаги. Монах-посланец вошел в класс и поклонился преподавателю.

— Хвала вам, достопочтенный учитель, — пробубнил он. — Господин лама Мингьяр Дондуп извиняется перед вами и просит вас *немедленно* отпустить с занятий ученика Тьюзди Лобсанга Рампу — дело не терпит отлагательства.

Преподаватель хмуро посмотрел на меня.

— Мальчишка! — заорал он. — Ты нам мешаешь проводить занятия! Пошел вон!

Я поспешно вскочил на ноги, поклонился учителю и бросился Догонять посланца.

— Что случилось? — выпалил я, когда поравнялся с ним.

— Самому хотелось бы знать, — ответил он, продолжая идти вперед. — Святой Лама Мингьяр Дондуп приготовил хирургические инструменты и велел подать лошадей.

— Лобсанг! Да ты, оказывается, умеешь ходить быстро! — воскликнул мой

Наставник, когда мы приблизились к нему. — Сейчас мы отправимся в деревню Шо, где люди ждут помощи хирурга.

Он вскочил на лошадь и кивнул мне, чтобы я последовал его примеру. Для меня сделать это всегда было нелегко, потому что, как только дело доходило до верховой езды, я и лошадь никак не могли найти общий язык. Я подходил к лошади, а она отходила от меня. Я зашел к ней с другой стороны и прыгнул на нее так быстро, чтобы она не успела сдвинуться с места. Затем я постарался уподобиться по цепкости горному лишайнику. То и дело фыркая от недовольства, лошадь все же последовала за Наставником вниз по тропе. У этого коня была ужасная привычка останавливаться на самых крутых участках тропы, смотреть в пропасть и начинать как-то странно трястись. Я уверен, что у этой лошади было неуместное в этих обстоятельствах чувство юмора, ведь она прекрасно знала, какой эффект оказывало на меня такое ее поведение.

Мы миновали Парго-Калинг, или Западные Врата, и вскоре въехали в деревню Шо. Наставник двигался по улочкам деревни впереди процессии и вскоре остановился возле большого здания, в котором я узнал тюрьму. Из него поспешно вышли часовые и отвели в конюшню наших лошадей. Я подхватил два баула Наставника, ламы Мингьяра Дондупа, и понес их в угрюмое здание. Оно было не только отталкивающим, но и ужасным. Я *чувствовал*, что здесь царит страх, я *видел* злонамеренные мыслеформы преступников. От этой атмосферы у меня забегали мурашки по коже.

Я прошел за Наставником в довольно большую комнату. Солнечный свет вливался в нее через окна. В ней находились несколько охранников и староста деревни Шо, который приветствовал Великого Ламу Мингьяра Дондупа. Пока они разговаривали, я огляделся по сторонам и пришел к выводу, что в этой комнате проходили заседания суда и выносились приговоры. Везде лежали какие-то записи и книги. В одном углу комнаты на полу стонал накрытый покрывалом человек. Я посмотрел на него и услышал, как староста говорит моему Наставнику:

— Достопочтенный Лама, этот человек — китаец и, как нам кажется, шпион. Он пытался подняться на священную гору, очевидно для того, чтобы проникнуть в Поталу, однако поскользнулся и сорвался вниз. С какой высоты? Наверное, футов с тридцати. Он сильно разбился.

Наставник и я вслед за ним подошли к лежащему. Охранник снял с него покрывало, и мы увидели перед собой китайца средних лет. Он был небольшого роста и крепкого телосложения. Посмотрев на него, я подумал, что он, должно быть, долго занимался акробатикой. Он стонал от боли, а на его бледном позеленевшем лице выступил пот.

Китаец очень страдал, он дрожал и скрежетал зубами. Лама Мингьяр Дондуп сочувственно посмотрел на него.

— Кто бы он ни был, шпион или наемный убийца, мы должны помочь ему, — сказал он.

Наставник склонился к раненому, положил руки ему на виски и пристально посмотрел в глаза. Через несколько секунд бедняга расслабился, прищурил глаза и едва заметно улыбнулся. Наставник снял с него покрывало и наклонился над ногами пострадавшего. Мне стало не по себе от того, что я увидел: сквозь порванные штаны торчали сломанные кости. Казалось, его ноги безнадежно искалечены. С помощью острого ножа Наставник разрезал одежду мужчины. Все окружающие невольно ахнули, увидев, что ноги пострадавшего превратились в сплошное кровавое месиво. Лама осторожно пощупал их. Китаец не пошевелился и не застонал, он был глубоко загипнотизирован. Сломанные кости пришли в движение, и присутствующие услышали звук, который напоминает пересыпание песка в полупустом мешке.

— Кости сломаны во многих местах, и поэтому срастить их не удастся, — сказал Наставник. — Ноги так искалечены, что нам придется их ампутировать.

— Достопочтенный Лама, — сказал староста, — можете ли вы сделать так, чтобы

он сказал нам, что он здесь делал? У нас есть опасения, что это наемный убийца.

— Сначала мы займемся его ногами, — ответил Лама, — и только *потом* будем его допрашивать.

Он еще раз склонился над человеком и посмотрел ему в глаза. Китаец расслабился еще больше и, казалось, погрузился в глубокий сон.

Я открыл баулы и приготовил в чашах стерилизующий травяной раствор. Наставник на некоторое время опустил в него руки. Его инструменты были опущены в другую такую же чашу. Мне он велел помыть ноги мужчины. Прикасаясь к ним, я чувствовал, будто кости в них раздроблены на множество маленьких кусочков. Они были посиневшими и окровавленными, вены вздулись и выглядели как толстые черные веревки. По приказу Наставника, который все еще продолжал держать руки в растворе, я туго перевязал бедра пострадавшего стерилизованными повязками как можно ближе к тому месту, где они соединялись с телом. Провед в петлю палочку, я затянул одну из повязок как можно туже, чтобы остановить в ноге кровообращение. Быстрыми движениями лама Мингъяр Дондуп вырезал ножом небольшие клинообразные куски мышц. Затем он перепилил кости — вернее, то, что от них осталось — и соединил срез так, чтобы защитить обрубок кости слоем мягких тканей. Я протянул ему стерилизованную нить, сделанную из жилы яка, и он быстро зашил раны. Медленно и осторожно я ослабил повязки, сдавливавшие бедра пострадавшего. В любой момент я был готов вновь затянуть их, если на швах выступит кровь. Но швы держались хорошо, кровь не выступила. Один из охранников, стоявших у нас за спиной, побледнел, потерял сознание и повалился на пол. Наставник аккуратно забинтовал раны и еще раз вымыл руки в растворе. Тем временем я принялся готовить к операции левую ногу, с помощью палочки затягивая на ней повязку. Лама похвально кивнул, когда увидел, как я справился со своей работой. Скоро вторая нога лежала рядом с первой. Наставник обратился к одному из стражников и велел ему завернуть ампутированные конечности в кусок ткани.

— Мы должны передать эти ноги в китайское посольство, а то они скажут, что мы пытали этого человека, — сказал Лама. — Я обращусь с просьбой к Высочайшему, чтобы этому человеку разрешили вернуться к себе на родину. Неважно, зачем он сюда прибыл. Он потерпел неудачу, как и все злоумышленники.

— Достопочтенный Лама! — воскликнул староста. — Этого человека нужно *заставить* рассказать о том, что он собирался совершить и по чьему приказу.

Мой Наставник ничего не сказал, а только снова повернулся к загнипнотизированному человеку и пристально посмотрел в его теперь уже открытые глаза.

— Что ты собирался сделать? — спросил он. В ответ мужчина: застонал. Однако Наставник продолжал спрашивать:

— Что ты намеревался здесь делать? Ты собирался убить высокопоставленного ламу в Потале?

На устах китайца выступила пена, а затем он, вопреки своей воле, утвердительно кивнул головой.

— *Говори!* — велел Наставник. — Кивать головой недостаточно!

Постепенно, слово за словом, мы узнали всю историю. Ему заплатили за то, что он приедет в Тибет и совершит здесь убийство. Однако это ему не удалось, потому что он, как все злоумышленники, не имел представления о том, какие средства безопасности задействованы в тибетских монастырях! Я все еще продолжал размышлять об этом, когда Наставник поднялся на ноги.

— Я должен повидаться с Высочайшим, Лобсанг, а ты пока останься здесь и присматривай за этим человеком, — сказал он. Китаец застонал.

— Вы убьете меня? — тихо спросил он.

— Нет, — ответил я, — мы никого не убиваем.

Я смочил ему губы водой и вытер пот со лба. Вскоре он снова успокоился. Думаю,

что после всего пережитого он наконец-то уснул. Староста сурово смотрел на него и думал о том, что ламы, должно быть, сошли с ума, если отпускают наемных убийц на свободу. Время шло медленно. Одни часовые ушли, их сменили другие. Мой желудок то и дело урчал от голода. И вот наконец до меня донеслись знакомые шаги, и в комнату вошел лама Мингьяр Дондуп. Сначала он посмотрел на пострадавшего и убедился, что раны этого человека не кровоточат и он чувствует себя настолько хорошо, насколько ему позволяют те обстоятельства, в которых он оказался. Затем он поднял голову, посмотрел на чиновника и сказал:

— Пользуясь полномочиями, возложенными на меня Высочайшим, я приказываю вам сейчас же взять носилки и доставить этого человека вместе с его ампутированными ногами в китайское посольство. — Затем он повернулся ко мне. — Ты поедешь вместе с ними и доложишь мне потом, как они обращались с пострадавшим.

Мне было неприятно это слышать, потому что я устал смотреть на этого человека с отрезанными ногами, и к тому же мой желудок был пустым, как барабан в храме. Пока служащие тюрьмы искали носилки, я забежал в соседнее помещение, где чиновники пили чай. Нетерпеливым голосом я попросил — и тут же получил — большую порцию тсампы. На ходу запихиваясь едой, я устремился обратно в комнату, где лежал китаец.

В угрюмом молчании в помещение вошли служащие с двумя парами носилок, которые представляли собой два шеста и кусок ткани между ними. С явным недовольством они положили на одни носилки ампутированные ноги, а затем под наблюдением ламы Мингьяра Дондупа аккуратно поместили на другие искалеченного человека. Его тело накрыли покрывалом, которое связали под носилками, чтобы пострадавшего не слишком трясло. Наставник обратился к старшему из охранников со словами:

— Вы будете сопровождать этих людей и передадите китайскому послу мои соболезнования по поводу происшедшего. Ты, Лобсанг, — сказал он мне, — тоже пойдешь вместе с ними и по возвращении расскажешь мне обо всем.

Наставник отошел в сторону, и охранники вышли из комнаты. На улице было прохладно, и я быстро продрог в своей легкой мантии. Наша процессия двигалась по Мани-Лакхангу: сначала шли охранники с носилками, на которых лежали ампутированные конечности, а затем люди с носилками, на которых находился китаец. Я шел с одной стороны, а тюремный чиновник — с другой. Вскоре мы повернули направо, прошли через два парка и вышли к китайскому посольству.

Далеко впереди сквозь просветы между деревьями блестели воды Счастливой Реки. Мы подходили к кордону, за которым начиналась китайская территория. Уставшие носильщики на некоторое время положили носилки на землю, чтобы немного передохнуть. Они опасливо поглядывали на стены китайского посольства. Китайцы вели себя очень недружелюбно по отношению к тем, кто без особого разрешения ступал на их территорию. Были случаи, когда они «случайно» стреляли в ребятишек, которые, играя, забегали за кордон. И вот теперь пересечь его должны были *мы!* Поплевав на ладони, служащие вновь взялись за свою ношу. Мы свернули с Лингкорской дороги на территорию посольства. Люди угрюмо подошли к двери, и старший чиновник сказал: — Мне выпала честь вернуть вам человека, который пытался проникнуть на Священную территорию. Он упал, и нам пришлось ампутировать ему ноги. Вот эти ноги, вы можете их осмотреть.

Сердитые охранники посольства схватили носилки и понесли китадца и его ноги внутрь здания. Другие, держа нас под прицелом, приказали нам удалиться. Мы направились назад по тропе. Я незаметно спрятался за деревом. Из дома донеслись громкие возгласы и крики. Осмотревшись, я убедился, что поблизости нет охранников посольства. Все они вернулись в здание. Повинуясь глупому побуждению, я выскочил из-за дерева и бесшумно подкрался к окну. Раненый лежал на полу. На груди у него сидел один охранник, а на руках — еще двое. Четвертый человек прижигал окурком раны пострадавшего. Внезапно этот четвертый человек вскочил на ноги, выхватил револьвер и

всадил лежащему пулю между глаз.

У меня за спиной хрустнула веточка. Я молниеносно присел и оглянулся. Рядом со мной стоял китайский охранник и целился в то место, где мгновение назад была моя голова. Я проскочил прямо у него между ногами, и толкнул его так, что он выронил ружье. Затем я побежал от дерева к дереву. Вскоре у меня над головой засвистели пули, и послышался топот тяжелых сапог. Однако все преимущества были на моей стороне: я бегал быстро, а китайцы то и дело останавливались, чтобы прицелиться и выстрелить. Я бросился удирать через сад — ворота теперь уже были закрыты — и вскоре подбежал к стене, окружавшей его. Здесь я выбрал одно из удачно расположенных деревьев и прополз по одной из его веток, чтобы спрыгнуть с нее на верхушку стены. Еще мгновение, и я уже был на дороге *впереди* своих спутников, которые принесли сюда раненого китайца. Услышав мой рассказ, они заметно ускорили шаги. Они больше не останавливались в надежде увидеть что-нибудь забавное: больше всего им хотелось оказаться как можно дальше отсюда.

Вдруг прямо перед нами соскочил со стены на дорогу китайский охранник и подозрительно уставился на меня. Как ни в чем не бывало, я тоже пристально посмотрел на него. Разразившись страшным ругательством в адрес моих родителей, он пошел прочь, а мы прибавили шагу.

Вернувшись в деревню Шо, я простился со служащими тюрьмы. Все еще с опаской оглядываясь, я побежал дальше по дороге в Чакпори. Отдыхавший у дороги старый монах окликнул меня:

— Лобсанг, что стряслось? По твоему виду можно подумать, что все демоны ада гонятся за тобой!

Ничего не ответив, я побежал еще быстрее и вскоре уже входил в комнату своего Наставника, ламы Мингьяра Дондупа. Некоторое время я стоял, тяжело дыша, и никак не мог прийти в себя от возбуждения.

— Китайцы убили этого человека! — вырвалось у меня. — Они *застрелили* его!

Поток моих слов не утихал до тех пор, пока я не поведал Наставнику о случившемся. Некоторое время он молчал. Затем он сказал:

— В своей жизни, Лобсанг, ты не раз столкнешься с насилием. Поэтому не принимай увиденное так близко к сердцу. Это традиционный дипломатический прием: убить того, кто потерпел неудачу, а затем говорить, что ничего особенного не произошло. Так поступают во многих странах по всему миру.

Сидя перед Наставником и постепенно приходя в себя после пережитого потрясения, я думал еще об одном важном для меня вопросе.

— Учитель! — воскликнул я. — Как работает гипноз? Наставник посмотрел на меня с улыбкой.

— Когда ты в последний раз ел? — поинтересовался он. Внезапно ко мне вернулся голод.

— Часов двенадцать назад, — уныло ответил я.

— В таком случае давай немного перекусим, а затем, подкрепившись, обсудим гипноз.

Он жестом велел мне молчать и сел в положение для медитации. Я перехватил его телепатическое обращение к слуге: «Еда и чай!» Мне также удалось разобрать еще одно послание к человеку в Потале, который должен был отправиться к Высочайшему с детальным отчетом о случившемся. Однако мое подслушивание телепатических посланий было прервано слугой, который вошел в комнату с едой и чаем!

Насытившись, я отодвинулся от стола. Теперь я чувствовал себя еще хуже, чем до этого. У меня был *действительно* трудный день, я много часов не ел, однако — эта мысль беспокоила меня — не поступил ли я глупо, что так плотно поел? Я быстро поднял глаза. Наставник смотрел на меня с нескрываемым удовольствием.

— Да, Лобсанг, — заметил он, — ты *на самом деле* съел больше, чем следовало бы.

И все же я думаю, что ты сможешь слушать мой рассказ о гипнозе.

Он смотрел некоторое время на мое покрасневшее лицо, и его взгляд смягчился еще больше.

— Бедняга Лобсанг, у тебя сегодня был трудный день. Иди сейчас отдохни, а разговор мы продолжим завтра.

Он поднялся и вышел из комнаты. Я с трудом встал на ноги и заковылял по коридору. Спать! Это было все, чего я хотел. Еда? Нет, только не это! Мне было нехорошо от всего, что я съел. Я добрался до того места, где спал, и завернулся в свою мантию. Мой сон был беспокойным. Мне снилось, что меня преследует в лесу безногий китаец, а другие охранники с ружьями стараются сбить меня с ног, прыгая прямо мне на плечи.

«Бам!» — ударила о землю моя голова. Китайский охранник стал пинать меня ногами. «Бам!» — еще один удар по голове. Не понимая, что происходит, я открыл глаза и увидел, как служка тормозит и бьет меня, стараясь разбудить.

— Лобсанг! — воскликнул он, когда увидел, что мои глаза открылись. — Лобсанг, мне казалось, что ты умер. Ты проспал всю ночь, пропустил все богослужения, и одно только вмешательство твоего Наставника, ламы Мингьяра Дондупа, спасло тебя от прокторов. Проснись! — закричал он, когда увидел, что я вот-вот засну опять.

Сознание постепенно возвращалось ко мне. Через окно я видел лучи утреннего солнца, которое выглядывало из-за Гималаев и уже осветило самые высокие здания в долине, отразившись от золотых крыш Серы и мерцая разноцветными бликами на верхушке Парго-Ка-линга. Вчера я ездил в деревню Шо. Нет, это был сон! А сегодня я надеялся не пойти на занятия и узнать кое-что от своего возлюбленного Мингьяра Дондупа. Он собирался рассказать мне о гипнозе! Я быстро позавтракал и направился в класс, где мне предстояло не просто декламировать наизусть отрывки из ста восьми священных текстов, но и объяснять, почему я отсутствовал!

— Учитель! — воскликнул я, как только увидел, что преподаватель вошел в класс. — Сударь! Сегодня мне предстоит заниматься с ламой Мингьяром Дондупом. Прошу вас освободить меня от занятий.

— Да-да, мой мальчик! — сказал учитель на удивление ласковым голосом. — Я разговаривал со Святым Ламой, твоим Наставником. Он был очень любезен и хорошо отзывался о твоих успехах под моим руководством. Должен признаться, я был весьма польщен, весьма польщен!

К моему удивлению, прежде чем войти в класс, он протянул руку и похлопал меня по плечу. Удивленный такой переменной в нем и размышляя о той магии, воздействию которой он подвергся, я пошел в направлении здания, где жили ламы.

Я беззаботно шагал по коридору. Вдруг из-за одной из приоткрытых дверей до меня донесся очень приятный запах.

— О! — воскликнул я, останавливаясь. — Да это же жареные грецкие орехи!

Я беззвучно подкрался к двери и заглянул внутрь. В середине комнаты стоял старый монах и смотрел на пол перед собой. При этом он бормотал не молитвы, а какие-то проклятия, потому что на полу лежала разбитая банка с жареными грецкими орешками, которые были привезены из Индии.

— Может, Вам помочь, благородный лама? — вежливо спросил я.

В ответ лама повернул ко мне свое гневное лицо и разразился такими ругательствами, что я пулей вылетел из комнаты и мчался по коридору до тех пор, пока не выбился из сил.

— И все эти слова из-за нескольких орешков! — воскликнул я, хотя поблизости никого не было.

— Входи, входи! — сказал Наставник, когда я приблизился к его двери. — А я думал, ты еще спишь.

— Учитель! Я пришел к Вам, чтобы слушать Ваш рассказ. Мне не терпится поскорее узнать о гипнозе.

— Лобсанг, ты должен будешь узнать намного больше, чем только о гипнозе. Сначала ты должен познакомиться с тем, что лежит в основе гипноза. В противном случае ты не будешь точно знать, что делает гипнотизер. Садись!

Я сел на пол со скрещенными ногами. Наставник сидел напротив меня. Некоторое время он казался глубоко погруженным в свои мысли, а затем заговорил:

— Ты уже, наверное, знаешь, что все вокруг — это электрические вибрации. Тело состоит из многочисленных химических соединений. Некоторые из них попадают в мозг вместе с кровью. Ведь мозг, как ты знаешь, лучше, чем другие части тела, снабжается кровью и содержащимися в ней веществами. Эти вещества — калий, магний, углерод и многие другие — образуют мозговую ткань. Взаимодействие между этими веществами заставляет молекулы особым образом колебаться, и это колебание мы называем электрическим током. Когда человек *думает*, он приводит в действие процессы, которые порождают электрический ток. Поэтому мысли можно считать «электрическими волнами в мозгу».

Я стал обдумывать это, но не мог понять, как это может быть. Если в моем мозгу действительно текут электрические токи, почему я этого не замечаю? Тот мальчик, который летал на воздушном змее, насколько я помню, делал это в грозу. Я видел, как его промокший змей прошила ярко-голубая вспышка. Я помню также, как он упал на землю, подобно маленькому зажаренному кусочку мяса. Однажды мне тоже довелось испытать подобный шок, и хотя удар был очень слабым, я отлетел в сторону на десяток футов.

— Достопочтенный Лама! — запротестовал я. — Неужели в мозгу человека может быть электричество? В этом случае человек должен сойти с ума от боли!

Наставник сел и засмеялся.

— Лобсанг, тот электрический удар, который тебе довелось пережить, — ласково сказал он, — дал тебе совершенно неверное представление об электричестве. В мозгу электричества намного меньше. Чувствительные измерительные приборы могут зарегистрировать его пульсации, когда человек думает или предпринимает какие-то физические действия.

Мысль о том, что один человек может измерить электрическое напряжение в мозгу другого, казалась мне слишком нелепой, и я стал смеяться. Наставник спокойно улыбнулся и добавил:

— Давай сегодня после обеда сходим в Поталу. У Высочайшего есть прибор, с помощью которого мы изучим это явление более конкретно. А сейчас займись чем-нибудь: сходи поешь, надень свою самую лучшую мантию и возвращайся сюда, когда солнце будет в зените. Я поднялся, поклонился и вышел.

В течение двух часов я слонялся по зданию и, забравшись на крышу, от нечего делать бросал маленькие камешки на головы ни о чем не подозревавших монахов. Когда мне это надоело, я повис головой вниз в отверстии люка, который вел с крыши вниз в темный коридор. Зацепившись за его края ногами, я висел в нем вверх тормашками, и вовремя услышал приближающиеся шаги. Я не мог видеть приближающегося человека, потому что люк размещался на повороте коридора.

Высунув язык и скорчив ужасную рожу, я принялся ждать. Из-за угла показался старик и, не заметив меня, ударился о мою голову. Мой влажный язык коснулся его лица. Он издал пронзительный крик, выпустил из рук поднос, который со звоном упал на пол, и помчался прочь по коридору со скоростью, неожиданной для столь старого человека. Я тоже был удивлен, столкновение со стариком нарушило мое равновесие, и мои ноги не удержались в отверстии люка. Я упал в коридор, ударившись спиной. Крышка люка со звоном захлопнулась и надо мной закружилось облако удушливой пыли! Подхватившись на ноги, я в беспомощности бросился наутек по коридору в противоположном направлении.

Все еще не придя в себя от шока, я переменял мантию и поел. Даже после такой переделки я не забыл об *этом!* Поступая как пунктуальный человек, я явился перед Наставником, как только солнце оказалось в зените и исчезли тени. Увидев меня, он

сделал над собой усилие, чтобы говорить спокойно:

— Пожилой монах клянется, что столкнулся с дьяволом в Северном коридоре. Трое лам направились туда, чтобы его изгнать. Мне кажется, я помогу им, если увезу этого дьявола — то есть тебя — в Поталу, как мы и договаривались. Поехали!

Он направился к двери. Я последовал за ним, подозрительно оглядываясь. В конце концов никогда не знаешь, что случится, если ламы займутся изгнанием дьявола. Меня одолевали неясные предчувствия, что я вот-вот должен подняться в воздух и понестись в каком-то неизвестном направлении.

Мы вышли из здания во двор. Конюхи держали на поводу двух пони. Лама Мингьяр Дондуп сел верхом на одного из них и направился по дороге, ведущей вниз по горному склону. Конюх помог мне сесть на пони и, шутя, хлопнул пони по спине. Пони тоже был не прочь пошутить. Он резко опустил голову вниз и поднял зад так, что я полетел на землю. Конюх снова взял пони за поводья и держал его, пока я отряхивал пыль. Садясь в седло, я теперь следил за тем, чтобы конюх не «пошутит» еще раз.

Пони чувствовал, что в седле неопытный наездник, он то и дело подходил к пропасти и останавливался на самом ее краю. Иногда он опускал голову и всматривался в скалы, которые виднелись далеко внизу. Я решил, что будет лучше, если я спешусь и буду вести его в поводу. Так будет быстрее. У подножия Железной горы я снова сел в седло и последовал за Наставником в деревню Шо. Там у него были какие-то дела, которые задержали нас на несколько минут. Мне хватило этого времени, чтобы перевести дух и привести в порядок свой внешний вид. Затем, снова верхом, мы стали подниматься по извилистой дороге в направлении Поталы. Я с удовольствием передал пони поджидавшим нас конюхам. С еще большим удовольствием я последовал за ламой Мингьяром Дондупом в его личные апартаменты. Моя радость росла, когда я думал о том, что здесь мне предстоит пробыть день, а может быть, и больше.

Вскоре пришло время посетить службу в храме. По-моему, здесь, в Потале, богослужения были очень формальными, а дисциплина очень строгой. В этот день случилось довольно много неожиданностей, я набил себе немало синяков и поэтому в течение всего богослужения сидел очень спокойно, и оно завершилось без приключений. Я уже постепенно свыкся с мыслью о том, что мы с Наставником прибыли в Поталу, и я теперь буду занимать комнату, расположенную рядом с его комнатой. Я пошел в эту комнату, сел и ждал его, зная, что он занят важными государственными делами, встречаясь с высокопоставленным чиновником, который недавно вернулся из Индии.

Выглянув в окно, я был очарован видом, открывающимся отсюда на Лхасу. Величавая красота города поражала меня. Ивы окаймляли долины, вдали сверкали на солнце крыши Джо-Калинга и виднелся бесконечный поток путников, столпившихся у подножия Железной горы в надежде увидеть Высочайшего, который находился в своей резиденции, или хотя бы Высших Лам. Нескончаемая вереница торговцев с их вьючными животными медленно двигалась по дороге, ведущей к Парго-Калинг. Я на некоторое время задумался о том, что везут они на своих животных, и тут позади меня послышались тихие шаги.

— Мы выпьем чаю, а затем продолжим наш разговор, — сказал Наставник, вернувшись.

Я пошел за ним в его комнату, где он поставил на стол еду, которая и близко не напоминала то, что получает на обед обычный бедный монах. Здесь был не только чай, но и индийские сладости. Все это пришлось мне по вкусу. Обычно монахи никогда не разговаривают во время еды, у них это считается проявлением неуважения по отношению к пище. Однако Наставник заговорил о том, что русские собираются развернуть кампанию против Тибета и начали засылать в нашу страну шпионов. Вскоре мы покончили с едой и направились в комнаты, где Далай-Лама хранил множество странных заморских предметов. В течение некоторого времени мы просто осматривали их, а лама Мингьяр Дондуп показывал мне диковинные вещи и объяснял, зачем они нужны. В конце концов

он остановился в углу комнаты и сказал:

— Посмотри сюда, Лобсанг! — Я подошел к нему, но то, что я увидел, не произвело на меня никакого впечатления.

Передо мной на маленьком столике стоял стеклянный сосуд. Внутри него на двух тоненьких ниточках болтались маленькие шарики, которые были сделаны из чего-то, напоминающего сердцевину ивового ствола.

— Это действительно сердцевина, — сухо заметил Наставник, когда я сообщил ему о своих наблюдениях. — Ты, Лобсанг, всегда считал, что электричество является силой, от которой можно пострадать. Однако электричество может быть и другого рода. В этом случае его называют статическим. Смотри!

Лама Мингьяр Дондуп поднял со стола блестящую палочку длиной в двенадцать или четырнадцать футов. Он быстро потер палочку о свою мантию и поднес ее к отверстию стеклянного сосуда. К моему великому удивлению, два маленьких шарика внутри него разлетелись в разные стороны и *остались* в таком положении даже после того, как он перестал касаться палочкой сосуда.

— Смотри внимательно! — велел Наставник.

Я смотрел. Через несколько минут деревянные шарики под воздействием земного тяготения постепенно вернулись в свое исходное положение. Через некоторое время они висели вертикально вниз, как и до начала эксперимента.

— Теперь твоя очередь, — сказал лама и протянул мне черную палочку.

— Благословенная Долма! — воскликнул я. — *Я никогда не прикоснусь к такой ужасной вещи!*

Увидев мой более чем испуганный вид, Наставник весело засмеялся.

— Попробуй, Лобсанг, — сказал он спокойно, — ведь я до сих пор тебя ни разу не обманывал.

— Ладно, — неохотно согласился я. — Но ведь когда-нибудь бывает первый раз!

Он вручил мне палочку. Я с неохотой взял в руки этот ужасный предмет. Медленно, не зная, что меня ждет, я потер палочку о свою мантию. При этом меня не ударило, и я не почувствовал даже малейшего пощипывания. В конце концов я поднес ее к стеклянному сосуду и — чудо из чудес! — *шарики снова разлетелись в разные стороны.*

— Ты видишь, Лобсанг, — заметил Наставник, — что здесь задействовано электричество, но ты ничего не чувствуешь. Подобное электричество присутствует и в мозгу человека. Идем со мной.

Он подвел меня к другому столу, на котором размещалось необычное устройство. На первый взгляд оно напоминало колесо, на поверхности которого было множество металлических пластин. Два стержня были укреплены так, чтобы провода, выходящие из каждого из них, касались металлических пластин. С другого конца провода вели к металлическим сферам, которые размещались на расстоянии в несколько футов. Устройство этой машины ровным счетом ничего не говорило мне.

Дьявольский механизм! — подумал я. И тут словно в подтверждение моих слов Наставник одним быстрым движением крутанул ручку, которая торчала из колеса. Колесо с ревом ожило, с него посыпались яркие искры. Между металлическими сферами, шипя и потрескивая, промелькнул большой язык голубого пламени. В комнате появился странный запах — казалось, сам воздух начал тлеть. Я не стал ждать, чем это кончится. Было очевидно, что это место *не* для меня. Я нырнул под ближайший стол и стал пробираться по полу в направлении двери.

Шипение и треск прекратились, их сменил другой звук. Я остановился, прислушался к этому звуку и вскоре понял, что это был... смех? Не может этого быть! Я озабоченно выглянул из своего укрытия. Лама Мингьяр Дондуп едва не падал от хохота. На глазах у него выступили слезы, а лицо покраснело.

— Лобсанг! — воскликнул он в конце концов. — Я впервые вижу, чтобы кто-то так боялся машины Вимшурста. Подобные устройства используются во многих странах для

того, чтобы демонстрировать свойства электричества.

Пристыженный, я вылез из-под стола и подошел поближе к машине, чтобы разглядеть ее как следует. Лама сказал:

— Я буду держать эти два проводка, а ты крути колесо, как можно быстрее. Ты увидишь надо мной вспышку молнии, но не бойся, она не причинит мне вреда и не сделает больно. Давай попробуем. Кто знает, может на этот раз у тебя будет возможность посмеяться надо мной.

Он взял по одному проводку в каждую руку и кивнул мне, чтобы я крутил. Предчувствуя недоброе, я ухватился за ручку и крутанул ее что было мочи. Я вскрикнул от удивления, когда увидел, что пурпурные и фиолетовые полосы света пробежали по рукам и лицу моего Наставника. Однако он выглядел так, словно ничего особенного не произошло. Между тем в воздухе снова появился странный запах.

— Это озон, он не ядовит, — заметил Наставник. Теперь пришел мой черед держать проводки, а Наставнику крутить колесо. Шипение и треск были ужасными, однако ощущения напоминали скорее прохладный ветерок, чем что-либо другое! Лама достал из ящичка какие-то стеклянные колбы и присоединил их проводами к машине. Когда он повернул колесо еще раз, я увидел, что внутри колбы загорелось яркое пламя. В других сосудах были металлические крестики и какие-то другие предметы — все они были окружены огненным свечением. Однако я ни разу не почувствовал удара электрическим током. С помощью машины Вимшурста Наставник показал мне, как неясновидящий человек может видеть человеческую ауру, однако об этом позже.

Приближение вечера вынудило нас прекратить эксперименты и направиться в комнату Ламы. Затем мы пошли на богослужение, потому что все, находящиеся на территории тибетского монастыря, обязаны соблюдать установленные правила и посещать все церемонии. После службы мы снова вернулись в комнату Наставника, ламы Мингьяра Дондупа. Здесь мы, как обычно, сели со скрещенными ногами на пол за низеньким столиком. Он располагался между нами, и его высота, должно быть, не превышала четырнадцати дюймов.

— А теперь, Лобсанг, — сказал Наставник, — мы с тобой поговорим о гипнозе, но прежде всего нам следует обсудить функционирование человеческого мозга. Надеюсь, что теперь ты уже не будешь спорить со мной, если я скажу тебе, что электрический ток может проходить через тело человека, который при этом не будет испытывать ни боли, ни каких-либо других нежелательных ощущений. Теперь я хочу обратить твое внимание на то, что, думая, человек вырабатывает в себе электрический ток. Мы не будем сейчас рассматривать вопрос о том, как электрический ток приводит в действие мышечные волокна и заставляет их сокращаться. Все свое внимание мы сосредоточим на тех электрических колебаниях в мозгу, которые точно измерены и рассчитаны западной наукой.

Я признался, что этот вопрос очень меня занимает. Ведь, несмотря на ограниченность моего жизненного опыта, мне уже приходило в голову, что мысль должна обладать силой. Я помнил, как мне удавалось вращать силой мысли цилиндр из грубого пергамента, когда я пробовал делать это в Лхасе.

— Ты отвлекаешься, Лобсанг! — сказал Наставник.

— Прошу прощения, достопочтенный Мастер, — ответил я. — Я просто задумался над природой мыслительных волн и вспомнил, сколько удовольствия мне доставил тот цилиндр, который вы мне показали несколько месяцев назад.

Наставник посмотрел на меня и сказал:

— Ты являешься отдельной сущностью, индивидом, и можешь мыслить независимо от других. Ты можешь решить, что тебе нужно выполнить какое-нибудь действие, например, поднять четки. Уже в ходе принятия этого решения в твоём мозгу с помощью химических процессов порождается электричество, которое готовит твои мышцы к предполагаемому действию. Если теперь в мозгу появятся более сильные

электрические сигналы, исходное намерение поднять четки может не осуществиться. Нетрудно видеть, что если я внушу тебе, что ты не можешь поднять четки, твой мозг — не поддающийся непосредственному контролю с твоей стороны — сгенерирует противоположную волну. В этом случае ты не сможешь поднять четки или осуществить какое-то другое действие.

Я посмотрел на него, подумал о его словах и пришел к выводу, что мне неясно, как ему удастся влиять на количество электричества, которое вырабатывается в моем мозгу. После некоторых размышлений я взглянул на него, чтобы решить, следует ли мне изложить свои сомнения вслух. Однако в этом не было необходимости, потому что он уже знал о них и тут же продолжил свои объяснения.

— Уверю тебя, Лобсанг, что все это можно проверить в ходе эксперимента. Окажись мы сейчас где-нибудь на Западе, мы бы могли подтвердить эти выводы с помощью специального прибора, который регистрирует три основные вибрации мозга. Однако в настоящее время в нашем распоряжении нет подобной аппаратуры, и мы можем только обсуждать все это на словах. Мозг порождает электричество, а оно порождает волны. Таким образом, если ты решишь поднять руку, от мозга к руке устремятся волны, с помощью которых твое намерение осуществится. Если я смогу — выражаясь техническим языком — внедрить в твой мозг отрицательный заряд, ты не сможешь сделать то, что вознамерился. Другими словами, ты окажешься загипнотизированным!

Только теперь я начал понимать. Я видел машину Вимшурста и различные эксперименты с ее участием. Теперь я уже знал, что можно изменить полярность электрического тока, который в этом случае потечет в обратном направлении.

— Достопочтенный Лама, — воскликнул я, — как вы можете внедрить электричество в мой мозг? Вы ведь не можете открыть дверцу в моей голове и поместить внутрь электричество. Как, в таком случае, вам это удается делать?

— Дорогой Лобсанг, — сказал Наставник, — мне не нужно вскрывать твою голову, потому что в действительности я не вырабатываю электричество, которое бы мне нужно было помещать тебе в голову. Я могу сказать тебе несколько слов, которые убедят тебя в правильности моих утверждений, и тогда ты сам — без всякого вмешательства с моей стороны — выработаешь у себя в мозгу отрицательный электрический ток.

Он посмотрел на меня и добавил:

— Я никогда не использую гипноз помимо воли человека, кроме случаев, когда он бывает нужен в терапевтических целях. Однако мне кажется, что с твоей помощью мне сейчас удастся проделать один простой опыт по гипнозу.

— О давайте, я очень хочу попробовать гипноз на себе! — радостно воскликнул я.

Увидев мое нетерпение, он улыбнулся и спросил:

— Ну, Лобсанг, скажи мне, что ты, как правило, очень не любишь делать? Я спрашиваю тебя об этом, потому что я хочу с помощью гипноза заставить тебя это сделать, в результате чего ты убедишься, что действуешь по воле стороннего влияния.

Я задумался на некоторое время, не зная, на чем мне остановить выбор, — так много было вещей, которые мне не нравились! Однако мои размышления были прерваны Наставником, который воскликнул:

— Я знаю! Тебе больше всего не хотелось читать тот запутанный отрывок из пятого тома Кангью. Ты, наверное, боялся, что некоторые термины окажутся непонятными тебе, и тогда выяснится, что ты не занимался так целеустремленно, как того желал твой учитель!

Эта идея мне не очень нравилась, и я должен признаться, что даже немного покраснел от смущения. Все это действительно было так: в Книге был пассаж, который казался мне невероятно трудным. Однако в интересах науки я был готов попытаться прочесть его под влиянием гипноза. На самом деле мне больше всего на свете не хотелось его читать! Наставник улыбнулся и заметил:

— Книга лежит вон там возле окна, принеси ее сюда, найди то место и читай вслух.

Если ты раньше не мог ее читать, а теперь сможешь, это будет очень хорошим подтверждением эффективности гипноза.

Я с неохотой прошел по комнате, принес Книгу и начал переворачивать страницы. У нас в Тибете формат книг намного больше, чем на Западе. Я долго искал нужное место, листая книгу как можно медленнее. В конце концов я нашел в ней соответствующий отрывок. Должен признаться, что из-за ссор с учителем уже одна мысль о чтении этой книги была для меня очень неприятной.

Я стоял, а Книга лежала передо мной. Как я ни пытался, я не мог правильно произносить слова. Я понимал, что строки этой книги были столь чуждыми мне именно потому, что я долго общался с очень недоброжелательным учителем. Наставник просто посмотрел на меня — просто посмотрел! — и я почувствовал, будто что-то переключилось во мне. К своему удивлению я обнаружил, что не просто читаю, а читаю бегло, легко и без напряжения. Когда я дочитал до конца абзаца, у меня возникло неизъяснимое ощущение. Отложив Книгу, я вышел на середину комнаты и принял стойку на голове.

Я схожу с ума, — мелькнуло у меня в голове. — Что обо мне подумает Наставник, когда увидит, как глупо я поступаю?

Но тут мне пришло в голову, что, возможно, Наставник сам хотел, чтобы я вел себя так. Я быстро вскочил на ноги и увидел, что он благосклонно улыбается, глядя на меня.

— На самом деле повлиять на человека очень легко, Лобсанг. Это совсем не трудно, если ты усвоишь основные принципы. Стоило мне подумать о чем-то, как ты телепатически подхватил мои мысли и неосознанно повел себя так, как я того хотел. При этом нормальное течение твоих мыслей было нарушено, и ты поступил довольно неожиданно для себя!

— Достопочтенный Лама, — сказал я, — значит ли это, что если мы сможем повлиять на электрические процессы в мозгу человека, то заставим его делать все, что захотим?

— Нет, не совсем так, — ответил Наставник. — Мы можем убедить человека делать то, что соответствует его желаниям, и в том случае, если нам удалось изменить колебания в его мозгу. Если таковы и его личные намерения, то теперь он будет действовать так, как ему велел гипнотизер. Когда человек подвергается гипнозу, в большинстве случаев он испытывает только воздействие слов гипнотизера. С помощью определенных простых уловок гипнотизеру удастся внушить человеку линию поведения, которая может не совсем совпадать с его собственными намерениями.

Наставник некоторое время смотрел на меня, а затем добавил:

— Мы с тобой, разумеется, наделены не только такой способностью. Ты сможешь гипнотизировать человека одним взглядом даже вопреки его воле. У тебя естественная склонность к таким способностям, и кроме того, ты получил этот дар потому, что тебе предстоит многое свершить и пройти через многие трудности.

Он умолк и посмотрел на меня, чтобы понять, воспринял ли я все то, о чем он говорил. Убедившись, что я его понял, он продолжал:

— Позже ты узнаешь еще больше о гипнозе и о том, как гипнотизировать мгновенно. Хочу также сказать тебе, что со временем твои телепатические способности улучшатся. Путешествуя в чужих краях, тебе часто придется общаться с нами, а телепатия, как ты знаешь, является самым быстрым и самым надежным способом передачи информации на большие расстояния.

Это наваяло на меня грусть. Мне казалось, что я все время что-нибудь изучаю, и чем больше я узнаю нового, тем меньше у меня остается времени на то, чтобы заняться своими делами. Создавалось впечатление, что старые трудности остаются, а к ним добавляются еще и новые!

— Достопочтенный Лама, — обратился я, — объясните, пожалуйста, как работает телепатия. Здесь не происходит ничего особенного, и в то же время вы знаете обо всем, что я думаю, особенно если я не хочу этого!

Наставник посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

— На самом деле овладеть телепатией очень просто. Ты должен лишь научиться управлять колебаниями своего мозга. Давай посмотрим на это так. Ты думаешь, и при этом твой мозг генерирует электрические колебания, которые флуктуируют в соответствии с течением мыслей. В нормальном состоянии твои мысли приводят в действие мышцы, и тело начинает двигаться. Если же ты думаешь об удаленном предмете, каким бы он ни был, твоя ментальная энергия передается ему — и это потому, что энергия — сила твоего мозга, всегда излучается во всех направлениях. Если ты сможешь концентрировать свои мысли, то окажется, что интенсивность мысленной энергии, излучаемой в некотором направлении, существенно возрастает.

Я посмотрел на него и вспомнил о небольшом эксперименте, который он показывал мне некоторое время назад. Тогда мы были там же, где и сейчас: на Вершине, как тибетцы именуют Поталу. Мой Наставник зажег в темноте свечу. Ее свет мерцал в ночи. Затем он поместил перед свечой увеличительное стекло и сфокусировал с его помощью на стене яркое пятно. Для того чтобы усилить этот эффект, Наставник расположил за свечой отражающую поверхность, в результате чего световое пятно на стене стало еще ярче. Я упомянул об этом, и он сказал:

— Совершенно верно! С помощью соответствующих средств можно сфокусировать мысль и послать ее в определенном направлении. Фактически, у каждого человека есть своя ментальная частота, а это значит, что мозг человека излучает большую часть энергии в определенном диапазоне. Если мы определим этот диапазон и настроим на него свои ментальные вибрации, нам без труда удастся передать телепатическое сообщение, на каком бы расстоянии от нас ни находился человек.

Он пристально посмотрел на меня и добавил:

— Запомни раз и навсегда, Лобсанг, для телепатии расстояние не имеет значения. С помощью телепатии можно передавать сообщения через океаны и даже в другие миры!

Признаюсь, мне очень хотелось испытать себя в области телепатии. Я воображал, что разговариваю с теми из моих друзей, которые находятся в других ламаистских монастырях, таких, как Сера, или даже в удаленных районах. К тому же, мне казалось, что все мои усилия должны быть направлены на овладение навыками, которые мне могут пригодиться в будущем, — а оно, в соответствии с пророчествами, не предвещало мне ничего хорошего.

Наставник снова прервал мои мысли:

— О телепатии мы поговорим позже. Когда-нибудь мы с тобой займемся также ясновидением, ведь у тебя имеется естественная склонность к нему. Ты сможешь развить свои способности быстрее, если будешь разбираться в механике процесса. Ясновидящий должен уметь управлять колебаниями своего мозга и настраиваться на частоту «Хроник Акаши». Однако приближается ночь, и мы должны прекратить нашу беседу и лечь спать, чтобы хорошенько отдохнуть до утреннего богослужения.

Он поднялся на ноги, а за ним и я. Я почтительно поклонился Наставнику и пожалел, что еще не способен выразить то глубокое уважение, которое питал к этому великому человеку.

По его устам пробежала мимолетная улыбка, он сделал шаг вперед, и я почувствовал, как мне на плечо легла теплая рука друга. Он ласково похлопал меня по плечу и сказал:

— Спокойной ночи, Лобсанг, мы не можем больше задерживаться, а то превратимся в сон, которые все никак не могут проснуться для участия в церемонии.

В своей комнате я некоторое время постоял у окна. В лицо мне дул холодный ночной воздух. Я смотрел на далекие огни Лхасы и размышлял обо всем, что сегодня узнал и что мне еще суждено узнать. Я ясно осознал, что, сколько ни учишься, впереди тебя ожидает еще больше неизвестного. Меня интересовало, придет ли этому когда-нибудь конец. Я вздохнул — как мне показалось, от отчаяния — и, завернувшись поплотнее в

мантию, улегся на холодном полу и уснул.

Глава 7 Выход из тела

Ледяной ветер дул с гор. Песок и даже мелкие камни проносились в воздухе, и казалось, большинство из них стремится попасть в наши съезжившиеся тела. Мудрые старые животные стояли, повернувшись к ветру и опустив головы, — чтобы он не забирался под шерсть и не отнимал драгоценное тепло. Обогнув угол Кунду-Линг, мы свернули в Мани-Лакханг. Внезапный сильный порыв ветра раздул мантию одного из моих товарищей и, словно бумажного змея, поднял его в воздух. Пораженные этим, мы стояли, раскрыв рты. С распростертыми руками и развевающейся на ветру мантией он казался летящим гигантом. Затем ветер приутих, и Юлгай — а это был он — камнем упал в Калинг-Чу. Мы сломя голову бросились туда, опасаясь, как бы он не утонул. Добравшись до берега, мы увидели, что Юлгай стоял по колено в воде. Вдруг с воем налетел новый порыв ветра, закружил Юлгай и бросил его обратно к нам. О чудо из чудес! — он оказался мокрым только ниже колен. Мы поспешили прочь, прижимая мантии к телу, чтобы ветер не смог повторить свою шутку.

Мы шли вдоль Мани-Лакханг. Идти было чрезвычайно легко — ветер дул в спину, и нам оставалось только поддерживать вертикальное положение. В деревне Шо мы встретили группу одетых в маски женщин, которые искали укрытие. Мне всегда было интересно угадывать, какие люди скрываются под масками. Обычно, чем «моложе» лицо, изображенное на маске, тем старше женщина, скрывающаяся под ней. Тибет — суровая страна, с завывающими ветрами, которые сдувают с гор потоки песка и камней. Чтобы защититься от штормовых ветров, мужчины и женщины часто носят маски. Эти маски делаются из кожи, с прорезями для глаз и рта. Носящие их люди обычно пытаются изобразить на масках свой характер.

— Давай пройдем по Торговой улице! — постарался перекричать ветер Тимон.

— Пустая трата времени, — ответил Юлгай. — При таком ветре торговцы закрывают ставни. Иначе ветер унес бы все их товары.

Мы спешили и шли вдвое быстрее обычного. Когда переходили мост Туркуаз, ветер дул так сильно, что нам приходилось держаться друг за друга. Оглядываясь назад, мы видели, что Потала и Железная Гора укрыты мрачными тучами, — с вечных Гималаев неслись огромные массы песка и камешков. Мы торопились, зная, что если не поспешим, эти черные тучи догонят нас. Мы миновали дом Доринга, находящийся сразу за Внутренним кольцом вокруг огромного Йо-Канга. Беснующийся ветер бил нас по незащищенным головам и лицам. Как раз когда мы находились перед собором Лхасы, Тимон инстинктивно поднял руки, пытаясь защитить глаза, и ветер тотчас же ухватился за его мантию и задрал ее выше головы так, что тот оказался совсем голым, словно очищенный от кожуры банан.

Камни и ветки катились вниз по улице нам навстречу, оставляя на ногах синяки, а иногда и царапая до крови. Небо потемнело еще больше и стало чернее ночи. Толкая перед собой Тимона, который боролся с обмотавшейся вокруг головы мантией, мы вошли в храм. Внутри царил глубокая успокаивающая тишина. Сюда на протяжении трех тысяч лет приходили паломники. Здесь сами стены излучали святость. Каменный пол покрылся выбоинами и трещинами от прошедших по нему ног многих поколений пилигримов. Даже воздух казался здесь живым — за прошедшие века здесь было воскурено столько фимиама, что, казалось, он одарил храм своей собственной духовной жизнью.

Здесь стояли потемневшие от времени колонны, и сквозь вечный мрак проникали тоненькие лучики света. Слабо мерцало золото, отражая свет масляных ламп и свечей, которые были не в состоянии рассеять царившую там тьму. Эти маленькие сияющие

огоньки заставляли метаться по стенам храма тени Святых фигур в гротескном танце. Бог с богиней танцевали в нескончаемой игре света и тени, в то время как мимо ламп проходила нескончаемая процессия паломников.

Тончайшие лучи света всех цветов радуги отражались от огромной горы драгоценностей. Алмазы, топазы, бериллы, рубины и жадеиты сверкали внутренним огнем, создавая постоянно меняющийся, словно в калейдоскопе, цветной узор. Большая ажурная железная сеть с ячейками настолько мелкими, что невозможно было просунуть руку, охраняла самоцветы от тех, чья алчность брала верх над честностью. Здесь и там в бриллиантовом мраке, возле железных занавесей, блестели пары красных глаз, как доказательство того, что храмовые кошки всегда настороже. Неподкупные, не боящиеся ни человека, ни зверя, они восседали на бархатных подушках. Но в их мягких лапках были спрятаны страшные в ярости когти. Эти кошки работают парами. Им, чрезвычайно умным, достаточно одного взгляда, чтобы понять ваши намерения. Малейшее подозрительное движение к охраняемым ими сокровищам, и они станут воплощением дьявола — одна вцепится вам в горло, в то время как вторая — в правую руку. Только смерть или подошедший вовремя монах могут заставить их ослабить хватку.

Что касается меня или других людей, обожающих этих кошек, то в нашем присутствии они будут кататься, мурлыкать и даже позволят нам поиграть с драгоценностями — поиграть, но не забрать. Черные, с ярко голубыми глазами, пылающими в сумраке кроваво-красным светом, они известны в других странах как «сиамские». Здесь, в холодном Тибете, они *все* черные. В тропиках же, как я говорил, они белые.

Мы бродили по залу, осматривая золотые фигуры. Снаружи ураган продолжал грохотать и носить тучи пыли, захватывая все, что было оставлено без присмотра, и создавая огромную опасность для тех, кого срочные дела заставили отправиться в путь. Но здесь, в храме, было настолько тихо, что слышалось шарканье ног многочисленных паломников, совершавших свой обход, и непрерывное «Клак-клак» вечно вращающихся молитвенных колес. Мы их не слышали. Колеса крутились день за днем, ночь за ночью с постоянным шелканьем, и этот звук стал частью нашего существования — мы слышали его не больше, чем стук сердец или шум дыхания.

Но все же *был* другой звук — резкое, настойчивое «Урр-урр» и звон металлических ставней, о которые терся головой старый Том, напоминая мне, что мы с ним уже давно знакомы. Я пропустил свои пальцы сквозь решетку и почесал ему голову. Приветствуя, он слегка куснул меня за пальцы, а затем стал с жаром вылизывать их своим старым шершавым языком. Подозрительное движение в глубине храма — и он, словно молния, помчался защищать «свои» сокровища.

— Давайте пройдем по торговым рядам! — шепотом предложил Тимон.

— Дурак! — прошептал в ответ Юлгай. — Ты же знаешь, что они закрыты во время урагана.

— Тихо! — послышался свирепый голос Проктора. Он вышел из тени и толкнул Тимона так, что тот потерял равновесие и растянулся на полу. Монах, стоявший неподалеку, неодобрительно посмотрел на происходящее и продолжал с остервенением крутить свое молитвенное колесо. Большой проктор, бывший почти семи футов ростом, возвышался над нами, как гора, и шипел:

— Если вы хоть раз еще пискнете... Я своими руками разорву вас на части и выброшу на улицу собакам. А теперь тихо!

Напоследок он сердито взглянул на нас и исчез во мраке. Осторожно, опасаясь даже зашелестеть мантией, Тимон поднялся на ноги. Мы сняли сандалии и на цыпочках подошли к двери. Снаружи продолжал бушевать ураган, ветер нес с гор острые, ослепительно белые снежные иголки. С более низких вершин Поталы и Чакпори летели черные тучи пыли. Вдоль Святого пути, в сторону Города, неслись гигантские пыльные столбы. Ветер ревел и завывал так, что казалось, будто спятивший дьявол играл

сумасшедшую какофонию, лишённую малейшего смысла.

Держась друг за друга, мы ползли вокруг Йо-Канга на юг, ища укрытия в нише за Залом совещаний. Кружащиеся воздушные потоки угрожали оторвать нас от земли и перебросить через стену в Цанг-Кунг-Наннери. От одной этой мысли душа уходила в пятки, и мы прижимались к стене. Мы достигли нашей цели. Для этого пришлось приложить огромные усилия, и дыхание с трудом вырывалось из наших легких.

— «****», — сказал Тимон. — Я бы хотел проклясть этого **** Проктора! Твой почтенный Наставник может это сделать, Лобсанг.

— Может тебе удастся убедить его превратить этого **** в свинью, — добавил он с надеждой. Я покачал головой:

— Я уверен, что он этого не сделает. Лама Мингьяр Дондуп никогда не причинит вреда человеку или животному. Хотя хорошо было бы превратить Проктора во что-нибудь. Он жестокий тип!

Ураган ослабевал. Завывание ветра становилось менее пронзительным. Щебень, который нес ветер, падал на дороги и грохотал по крышам. Все меньше пыли забивалось под наши мантии. Тибет — высокая и суровая страна. Рождающиеся над горами ветры с яростью устремляются через перевалы и часто становятся причиной смерти путников, — те находят свою смерть в ущельях. Завывающие ветры врываются в коридоры монастырей и «подметают» их, унося пыль и мусор, а затем снова вырываются на простор.

Шум и буйство ветра прекратились. Последние гроззовые облака развеялись и оставили после себя чистый небесный свод. Яркий свет ослепил нас. Со скрипом начали открываться двери и решетки окон, из которых люди рассматривали последствия очередного урагана. У бедного господина Ракса, возле дома которого мы стояли, ветер вдул передние окна в дом, а задние выдул наружу. В Тибете вместо оконного стекла используется толстая бумага, которая промасливается так, чтобы свет проходил сквозь нее. Стекло в Лхасе на самом деле встречается довольно редко, а бумага, которая здесь делается из многочисленных ив и тростника, достаточно дешевая. Мы отправились домой в Чакпори, останавливаясь всякий раз, когда что-нибудь привлекало наше внимание.

— Лобсанг! — заговорил Тимон. — Как ты думаешь, лавки сейчас открыты? Давайте сходим, это недолго!

Он свернул направо и пошел быстрее. Мы неохотно пошли за ним. Прибыв на Торговую улицу, мы стали рассматривать все подряд. Чего там только не было! Чай, все пропитавший своим запахом, благовония из Индии и Китая, драгоценности и странные вещи из далекой Германии, не имеющие для нас никакого смысла. Затем мы увидели лавку, в которой продавались сладости. Там были липкие леденцы на палочках, кексы, посыпанные сахарной пудрой или покрытые цветной глазурью. Мы не отводили от них глаз, но не имея за душой ни полушки, купить мы ничего не могли. Оставалось только смотреть.

Юлгай толкнул меня локтем в бок и прошептал:

— Лобсанг, тот большой парень — это случайно не Цзу, который присматривал за тобой?

Я посмотрел туда, куда он показывал. Да, это действительно был Цзу, который был со мной очень строг и многому меня научил.

— Цзу! — сказал я. — Я...

Увидев меня, он нахмурился и прорычал:

— Убирайтесь вон и не мешайте честным горожанам заниматься своими делами. Наше знакомство — не повод просить у меня.

Цзу резко повернулся и пошел прочь.

У меня чуть не брызнули слезы — но я испугался, что опозорюсь перед своими товарищами. Нет, я не позволил себе расплакаться, но Цзу проигнорировал меня, сделав вид, что меня не знает. Цзу, который учил меня с самого рождения! Я вспомнил, как он пытался научить меня ездить на моем пони Наккиме, как он учил меня борьбе. Теперь же

он отрекся от меня — отверг меня с презрением. Я повесил голову и стоял безутешный, шаркая ногой в пыли. Мои товарищи молча стояли возле меня. Им было неловко, они чувствовали то же, что и я, — нами пренебрегли. Внезапное движение привлекло мое внимание — ко мне приближался старый бородатый индеец с тюрбаном на голове.

— Молодой человек! — обратился он ко мне. Он говорил на тибетском, но со странным акцентом. — Я все видел, но думаю, что огорчаться из-за этого не стоит. Некоторые из нас забывают свое детство. Я не забыл. Пойдемте со мной.

Он привел нас к лавке, которую мы только что так внимательно рассматривали.

— Пусть эти молодые люди выберут себе что-нибудь, — обратился он к продавцу.

Мы нерешительно выбрали себе по одному из великолепных леденцов и поклонились старику.

— Нет, нет! — возразил он. — По одному недостаточно, пусть каждый возьмет себе еще один.

Мы так и сделали, и он заплатил улыбающемуся торговцу.

— Сударь! — горячо поблагодарил я его. — Пусть благословение Будды будет с Вами и защищает Вас, пусть в Вашей жизни будет много радостей!

Он широко улыбнулся и вернулся к своим делам.

Мы медленно возвращались домой и ели сладости, пытаясь растянуть удовольствие как можно дольше. Мы почти забыли вкус подобных лакомств, а эти казались еще вкуснее, потому что они были куплены для нас таким добрым человеком! Пока мы шли, я вспоминал, что мой отец отрекся от меня на ступенях Поталы, а теперь от меня отрекся и Цзу.

— Это забавный мир, Лобсанг, — нарушил тишину Юлгай, — мы сейчас мальчишки, и нам показали наше место, а когда мы станем ламами, «черноголовые» будут искать нашей благосклонности!

Я должен объяснить, что в Тибете мирян называют черноголовыми из-за их волос, так как все монахи бреют головы.

В тот вечер во время службы я был очень внимательным — решил поработать побольше, чтобы как можно быстрее стать ламой. Я представлял себе, как буду шагать среди «черноголовых» и с презрением отвергать их попытки прислужить мне. Я так старался, что привлек внимание Проктора. Он отнесся ко мне с большим подозрением, считая такое усердие неестественным! Когда служба закончилась, я поспешил в свое жилище, зная, что завтра меня ждет целый день с ламой Мингьяром Дондупом. Некоторое время я не мог заснуть — я ворочался в постели, вспоминая о прошлом, о лишениях, которые мне довелось пережить.

Утром я встал, позавтракал и собрался было идти к кельям лам. Но как только я вышел из своей комнаты, меня схватил огромный и неуклюжий монах, одетый в изорванную мантию.

— Эй ты! — сказал он. — Ты сегодня работаешь на кухне — будешь чистить жернова!

— Но, сэр! — ответил я. — Меня ждет мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп.

Я попробовал улизнуть от него.

— Нет, ты пойдешь со мной. И неважно, кто там тебя ждет. Я сказал: ты будешь работать на кухне.

Он поймал меня за руку и вывернул ее так, что я не мог убежать. Мне пришлось нехотя пойти с ним.

В Тибете мы все выполняем ручную и грязную работу.

— Это учит нас смирению! — говорят одни.

— Предотвращает высокомерие у мальчишек! — отмечают другие.

— Ликвидирует классовые различия! — утверждают третьи.

Мальчишки и монахи выполняют такую работу только ради дисциплины, поскольку, разумеется, существует штат низших монахов для домашних работ. Но все

мальчишки и монахи участвуют в наиболее неприятных работах. Мы ненавидим это, потому что низшие используют нас как рабов, зная, что у нас нет возможности жаловаться. Жаловаться? Да ведь это *специально предназначено* для создания трудностей!

Мы спустились вниз по каменному коридору, затем по ступеням, которые были сделаны из двух деревянных поперечин, прикрепленных к брускам, и оказались в кухне.

— Здесь! — сказал монах, державший меня. — Вычисти дырки в камнях.

Я взял острый металлический шип, забрался на один из огромных жерновов и принялся выковыривать остатки, застрявшие в выбоинах. Камень был запущенный и теперь уже не молот ячмень, а портил. Мне надо было вычистить поверхность, чтобы она снова стала чистой и твердой. А монах в это время стоял рядом и лениво ковырялся в зубах.

— Эй! — крикнул кто-то у входа. — Тьюзди Лобсанг Рампа! Тьюзди Лобсанг Рампа здесь? Благородный Лама Мингьяр Дондуп срочно хочет его видеть.

Я инстинктивно поднялся и спрыгнул с камня.

— Я здесь! — закричал я.

Монах поднял свой круглый кулак и сильно ударил меня по голове, свалив на землю.

— Я сказал: ты останешься здесь и будешь делать свою работу, — прорычал он. — Если ты кому-то нужен, пусть он придет сюда лично.

Схватив за нос, он поднял меня и бросил на камень. Я ударился головой об угол, и все звезды Вселенной засверкали у меня в глазах. Затем они погасли, оставив мир пустым и черным.

Я чувствовал себя странно, мне казалось, что я поднимался горизонтально, а затем стал на ноги. Я слышал звуки огромного звонкого колокола, и создавалось впечатление, что он отсчитывает секунды моей Жизни:

— *Бом! Бом! Бом!*

С последним ударом мне показалось, что меня поразила синяя молния. В одно мгновение все озарилось ярким желтоватым светом, в котором окружающий мир воспринимался выразительнее, чем обычно.

— О – о – о, — сказал я себе, — итак, я вышел из своего тела! О! Это действительно выглядит странно!

У меня был значительный опыт астральных путешествий — я побывал далеко за пределами нашей старушки-Земли, а также посетил множество величайших городов на нашей планете. Но несмотря на это, происходящее со мной было моим первым опытом «выпрыгивания из тела». Я стоял рядом с большим жерновом и смотрел на грязную, одетую в весьма изодранную мантию маленькую фигурку, растянувшуюся на земле. Я внимательно смотрел вниз. Единственным, что меня интересовало, было то, как мое астральное тело соединяется с этой фигурой при помощи голубовато-белой волокнистой нити, которая все время пульсировала, то вспыхивая ярче, то угасая. Затем я еще внимательней присмотрелся к своему телу, растянувшемуся на каменной плите, и испугался. На левом виске зияла большая рана, из которой струилась темно-красная кровь. Кровь стекала в дыры камней и смешивалась с остатками ячменя, которые еще не были оттуда вычищены.

Внезапное волнение привлекло мое внимание. Я повернулся и увидел своего Наставника, ламу Мингьяра Дондупа, входившего в кухню с белым от гнева лицом. Он прошел вперед и остановился возле монаха, который заведовал кухней, — монаха, так сильно ударившего меня. Вокруг была мертвая тишина, никто не произнес ни одного слова. Глаза Наставника, казалось, извергали молнии. Он посмотрел на монаха, и тот со вздохом, будто проткнутый воздушный шар, медленно сполз на каменный пол. Наставник отвернулся от него и подошел к моему хрипящему телу, которое лежало на каменном кругу. Я посмотрел на себя. Я действительно был очарован мыслью о том, что теперь я могу выйти из тела на небольшое расстояние. Совершать дальние странствия в астрале

было чрезвычайно легко, и я всегда имел такую способность, но выход из собственного тела и созерцание его со стороны были новым и интересным опытом.

Не обращая внимания на происходящее с моим телом, я позволил себе возноситься все выше и выше.

— О! — непроизвольно сказал я, пройдя сквозь потолок и попав в комнату над кухней.

Здесь находилась группа лам, погруженных в глубокое созерцание. Я с интересом заметил, что перед ними находится что-то вроде модели мира, — круглый шар, на котором были обозначены континенты и острова, океаны и моря. Он был закреплен под углом, соответствующем наклону Земли в пространстве. Я не стал задерживаться здесь, поскольку это показалось мне слишком сложным для одного урока, и отправился выше, пронизывая потолок за потолком. Наконец я оказался в Комнате Смерти! Меня окружали величественные золотые стены, подпиравшие огромный надгробный камень Инкарнаций Далай-Ламы. Я замер здесь на несколько мгновений в благоговейном созерцании, а затем снова устремился вверх, и наконец увидел под собой Поталу. Она сияла золотым светом с алыми и багровыми оттенками, а ее белые стены казались вросшими в живые горные склоны.

Справа перед моим взором открывался вид на деревню Шо и возвышающуюся над ней Лхасу — все это на фоне голубых гор. Поднимаясь выше, я несколько раз останавливался и подолгу любовался бесконечными просторами нашей прекрасной мирной страны. И хотя погода в этих местах иногда бывает суровой и меняется непредсказуемо, я любил эту землю, которая была моим домом!

Что-то сильно потянуло меня вниз, и я стал вращаться, как часто бывает с воздушным змеем, парящим высоко в небе. Я опускался все ниже и ниже — к Потале, через полы, становившиеся потолками, пока, наконец, не достиг цели и не оказался снова стоящим на кухне, возле своего тела.

Лама Мингьяр Дондуп осторожно промывал мой висок, вытаскивая из раны какие-то осколки.

— Боже мой! — удивился я. — Неужели моя голова настолько крепкая, что раздробила камень?

Затем я заметил, что большинство вынутого из моей раны представляет собой осколки камней и остатки ячменя. Я наблюдал за происходящим с интересом, и даже, признаюсь, с некоторым удовольствием — находясь в астральном теле я не чувствовал никакой боли, никакого неудобства, а только полное спокойствие.

Наконец лама Мингьяр Дондуп закончил обрабатывать рану, наложил на нее компресс из трав и перевязал голову шелковистой тканью. Затем он подошел к двум монахам с носилками и велел осторожно поднять меня.

Эти люди — монахи нашего ордена — аккуратно приподняли меня и положили на носилки. Они несли меня, а лама Мингьяр Дондуп шел рядом.

Я смотрел вокруг, не переставая изумляться, но вдруг темнота начала сгущаться. Неужели все это продолжалось так долго, что уже наступил вечер? Но я не успел это выяснить — желто-голубой спиритуальный свет стал тускнеть, и я почувствовал совершенно неодолимую потребность отдохнуть — заснуть и ни о чем не беспокоиться.

Я не замечал хода времени, а голову пронизывала терзающая меня боль, боль, из-за которой перед глазами плыли красные, синие, зеленые, желтые пятна, боль, из-за которой мне казалось, что я в последней агонии схожу с ума. Вдруг чья-то холодная рука опустилась на мою голову, и мягкий голос произнес:

— Все хорошо, Лобсанг. Все хорошо. Отдыхай. Отдыхай, спи!

Мир вдруг превратился в большую пушистую подушку. Она была мягкой, как лебединый пух, и я погрузился в нее, благодарный и спокойный. Я снова перестал замечать происходящее вокруг. Моя душа парила где-то в пространстве, в то время как измученное тело отдыхало на земле.

Должно быть прошло много времени, прежде чем я снова пришел в себя. Я открыл глаза, и в них хлынул вечерний свет. Рядом со мной сидел Наставник и держал меня за руку. Я слабо улыбнулся, и Лама улыбнулся в ответ. Затем он взял со стоявшего рядом столика чашку с каким-то сладко пахнущим напитком. Слегка прижав ее к моим губам, он сказал:

— Выпей, это должно тебе помочь!

Я выпил и почувствовал такой прилив сил, что даже попытался сесть. Но для меня это усилие оказалось непомерным, — я почувствовал, как большая дубина опустилась на мою голову, в глазах засверкали яркие звезды, и я отказался от своей попытки.

Вечерние тени удлиннились, снизу послышался приглушенный шум, похожий на шум морской раковины. Я знал, что вот-вот должна начаться служба. Мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, сказал:

— Я должен на полчаса уйти, Лобсанг, чтобы предстать перед Высочайшим. Но твои друзья, Тимон и Юлгай, присмотрят за тобой в мое отсутствие и при необходимости позовут меня.

Он пожал мою руку, поднялся и вышел из комнаты.

Передо мной появились два знакомых лица, немного испуганных и сильно возбужденных. Мои друзья присели, и Тимон стал рассказывать:

— О, Лобсанг! Здесь столько всего произошло. Старший по кухне получил хороший нагоняй за то, что он сделал!

— Да, — добавил Юлгай, — и его выгнали из монастыря за излишнюю и чрезмерную грубость. Его только что вывели из монастыря! От возбуждения у них заплетались языки.

— Я думал, ты умер, Лобсанг, — снова заговорил Тимон, — у тебя кровь текла так сильно, словно у убитого яка.

Я не мог не улыбнуться, глядя на них. Такие события были редкостью в однообразно-серой жизни монастыря, и голоса моих товарищей выдавали охватившее их волнение. Я и не думал обижаться на них, потому что вел бы себя так же, окажись жертвой кто-то другой. Я улыбнулся им, и в это время на меня накатила гнетущая усталость. Я закрыл глаза, чтобы несколько секунд отдохнуть, и снова провалился в беспамятство.

На протяжении нескольких дней, возможно семи или восьми, я лежал, и мой Наставник был моей нянькой. Если бы не его заботы, я бы не выжил. Для жизни в монастыре нежность и доброта не являются необходимыми, здесь действительно выживают наиболее приспособленные. Лама был добрым и любящим человеком, но даже у него была особая причина заботиться о моей жизни. Как я уже упоминал раньше, у меня в жизни было особое задание, и я предположил, что все лишения и страдания, которым я подвергался, были предназначены для того, чтобы сделать меня тверже. Согласно некоторым пророчествам — а я был знаком с несколькими, — моя жизнь должна быть преисполнена страданиями и горестями.

Но все-таки жизнь состояла не только из мук. Когда мое состояние улучшилось, у меня появилось много возможностей для бесед с Наставником. Мы разговаривали о многих вещах, обсуждали общие дисциплины и более специфические предметы. Мы также имели дело с различными оккультными науками. Помню, я однажды сказал:

— Это, наверное, прекрасно, благородный Лама, быть библиотекарем и владеть всеми знаниями в мире. Я, вероятно, стал бы библиотекарем, если бы не все эти пророчества насчет моего будущего.

Мой Наставник улыбнулся мне:

— У китайцев есть пословица: рисунок стоит тысячи слов, Лобсанг, но я тебе скажу, что сколько бы книг ты ни прочел и сколько бы картин ни увидел, ничто тебе не заменит личный опыт и знания.

Я посмотрел на Наставника, чтобы увидеть, не шутит ли он, а затем вспомнил

японского монаха Кэндзи Тэкэучи, который почти семьдесят лет изучал печатное слово и потерпел неудачу при попытке понять что-нибудь из прочитанного или применить свои знания на практике.

Наставник прочел мои мысли и сказал:

— Да! Этот старый человек глуп. Читая все подряд и не понимая ничего из прочитанного, он заработал себе умственное расстройство. Этот монах вообразил себя великим человеком, духовно всех превосходящим. Хотя на самом деле он бедный старый слепец, способный обмануть только самого себя.

Лама грустно вздохнул и добавил:

— Он духовный банкрот, знающий все и в то же время не знающий ничего. Неразумное и беспорядочное чтение всего подряд опасно. Этот человек считает себя последователем всех великих религий, но не понимает ни одной из них и при этом считает себя духовным человеком.

— Благородный Лама! — спросил я. — Если читать книги столь вредно, тогда для чего они существуют?

Наставник некоторое время смотрел на меня невидящими глазами. (Ага! — подумал я. — А на *этом* вопрос у него нет ответа!) Затем он опять улыбнулся и произнес:

— Но, мой дорогой Лобсанг, ведь ответ так очевиден! Читай, читай и снова читай, но не позволяй *никакой* книге главенствовать над твоими проницательностью и интуицией. Книги предназначены для руководства, для обучения или даже для развлечения. Но книга — это *не* Мастер, за которым надо следовать слепо и без размышлений. Ни одна личность, обладающая интеллектом, не должна быть порабощена ни книгами, ни словами других.

Я сидел и кивал головой.

— Да, это имеет смысл. Но тогда зачем возиться с книгами?

— Книги, Лобсанг? — сказал Наставник в ответ на мой вопрос. Конечно, книги нужны! Библиотеки мира содержат огромное количество знаний, но только идиот может сказать, что человечество порабощено книгами. Они существуют лишь в качестве ориентира для человечества, для наведения справок и для разумного использования. Действительно, неразборчивое чтение книг может принести вред, они могут создать у человека впечатление, что он более значителен, чем есть на самом деле, и таким образом завести его на ложный путь, путь, на котором он не получит ни знаний, ни ума, чтобы завершить дело своей жизни.

— Но, благородный Лама, — спросил я снова, — как же использовать книги?

Мой Наставник сурово посмотрел на меня и ответил:

— Ты не можешь побывать везде и учиться у всех величайших Мастеров мира, а печатное слово — книги, могут принести их учение к тебе. Ты не должен верить всему прочитанному, более того, большие писатели и не говорят, что ты должен безоговорочно верить. Тебе надо полагаться на свои суждения и использовать их мудрость лишь как указатель на то, что может стать и твоей мудростью. Могу уверить тебя, что человек, не готовый изучать какой-либо предмет, может сильно навредить себе изучением книг, как это уже бывало много раз при попытках преодолеть карму изучением чужих слов и работ. Это бывает тогда, когда читатель находится на низкой ступени духовного развития. В этом случае при изучении вещей, для восприятия которых он еще неподготовлен, вместо ускорения духовного развития можно получить противоположный эффект. Я знаю много таких случаев, и наш японский друг — только один из них.

Наставник позвонил, чтобы нам принесли чай, который казался необходимым приложением ко всем нашим дискуссиям. И когда монах-слуга принес чай, мы возобновили наш разговор.

— Лобсанг! — продолжил Лама. — Тебя ждет очень необычная жизнь, поэтому твое обучение будет ускорено. Твои телепатические способности будут усиливаться всеми методами, которыми мы владеем. Теперь я хочу сказать, что всего через несколько

месяцев ты будешь учиться при помощи телепатии и ясновидения. Ты будешь изучать величайшие книги и литературные шедевры независимо от того, на каких языках они написаны.

Я, наверное, открыл от удивления рот — как можно изучать книги, не зная языка? Этот вопрос привел меня в сильное недоумение, но вскоре я получил ответ.

— Когда твои телепатия и ясновидение станут острее, — а это будет скоро, — ты сможешь узнать все заключенные в книге мысли от человека, только что прочитавшего или читающего ее. Это — один из наименее известных способов использования телепатии, которая в этом случае должна быть объединена с ясновидением. Люди, живущие в других частях света, не всегда могут попасть в публичную библиотеку или в ведущий библиотечный центр страны. Они не могут прийти туда до тех пор, пока не докажут, что они талантливые студенты. Перед тобой не будет такого препятствия — ты сможешь путешествовать и учиться в астрале, и это будет помогать тебе всю жизнь.

Он рассказал мне об оккультизме. Неправильное использование силы оккультизма или господство над другими людьми с помощью средств оккультизма влечет за собой действительно ужасное наказание. Эзотерические и метафизические силы, а также экстрасенсорное восприятие должны использоваться только для добрых дел, только на благо людям или для увеличения общего количества знаний в мире.

— Но, благородный Лама! — поспешил спросить я. — Как насчет людей, которые выходят из тела просто из любопытства или из-за перевозбуждения, — они покидают свои тела, и затем умирают от страха — неужели нельзя ничего сделать, чтобы предупредить их?

В ответ мой Наставник грустно улыбнулся и сказал:

— Да, это правда, Лобсанг, что очень много людей читают книги и пытаются экспериментировать, не имея соответствующего наставника. Они иногда оставляют свои тела с помощью различных снадобий, из-за перевозбуждения или через какое-нибудь другое вредное для духа излишество, а затем впадают в панику. Существует только один способ помочь им — на протяжении всей своей жизни ты должен предостерегать всех, интересующихся оккультизмом, что **единственное, чего надо бояться, — это страх.** Он способствует появлению нежелательных мыслей и сущностей, даже начинает управлять человеком и овладевает им, и ты, Лобсанг, должен снова и снова повторять, что нет ничего страшнее страха. Избавляясь от него, мы становимся гуманнее сами и делаем гуманнее мир. Именно страх становится причиной войн, сеет распри в мире, заставляет человека поднять руку на своего ближнего. Страх и только страх является нашим врагом, и если мы сумеем отбросить страх раз и навсегда, тогда — поверь мне — больше нечего будет бояться.

Страх? Что значил весь этот разговор о страхе? Я посмотрел на Наставника с надеждой, что он увидит в моих глазах невысказанный вопрос. Возможно, он просто прочел мои мысли при помощи телепатии, тем не менее он вдруг произнес:

— Итак, ты удивлен? Ты еще юн и неопытен! Я подумал: О! Не настолько, насколько *он* считает! Лама улыбнулся, словно ему понравилась моя шутка, хоть я не произнес ни слова, и сказал:

— Страх — очень реальная и осязаемая вещь. Ты еще услышишь рассказы о тех, кто склонен к алкоголю и бывал сильно опьянен. Эти люди видели особые создания. Некоторые из пьяниц рассказывают о слонах с фиолетовыми полосами или о еще более странных существах. И я скажу тебе, Лобсанг, что животные, которых они видели, не созданы их воображением — они вполне реальны.

Я все еще не понял природы этого страха. Конечно, я знал, что такое физический страх. Я вспомнил о времени, когда должен был оставаться неподвижным за пределами монастыря Чакпори. Я тогда подвергался испытанию на выносливость, чтобы быть принятым как один из смиреннейших послушников. Я спросил Наставника:

— Благородный Лама, что *такое* этот страх? В разговорах я слышал о созданиях

низшего астрала, но во всех своих астральных путешествиях я никогда не встречал ничего такого, что хотя бы на мгновение испугало меня. Что *такое* этот страх?

Наставник посидел минутку и, приняв внезапное решение, поднялся на ноги и сказал: — идем со мной!

Я тоже встал, и мы пошли по каменному коридору, свернули направо, затем налево и снова направо. Продолжая наше путешествие, мы наконец зашли в комнату, в которой было совсем темно. Казалось, мы погружаемся в наполненный темнотой бассейн. Наставник вошел первым и зажег масляную лампу, которая находилась рядом с дверью, жестом велел мне лечь и сказал:

— Ты уже достаточно взрослый, чтобы встретиться с существами низшего астрала. Я готов помочь тебе увидеть эти создания и удостовериться, что ты будешь в безопасности, — с ними нельзя встречаться до тех пор, пока не будешь соответственно подготовлен и защищен. Я погашу свет, а ты успокойся и позволь себе уплыть из своего тела куда захочешь, без цели, без намерений — просто плыви и гуляй, словно легкий ветерок.

Сказав это, он погасил свет. Затем он закрыл дверь, и в комнате не осталось ни малейшего проблеска света. Я не замечал даже дыхания Наставника, а только успокаивающее тепло его присутствия.

Астральные путешествия для меня не новинка. Я родился с такими способностями и всегда все хорошо помнил. Теперь, растянувшись на земле, я положил скатанную мантию под голову, согнул руки, положил вместе ноги и сосредоточился на выходе из тела. Для тех кто знаком с этим процессом, он очень прост. Я уже почувствовал легкую вспышку, свидетельствующую об отделении астрального тела от физического, и вместе с ней хлынул поток света. Я плавал на конце своей *Серебряной нити*. Подо мной находилась полнейшая тьма только что покинутой мною комнаты, в которой не было ни малейшего огонька. Я посмотрел вверх, но не увидел ничего, что отличалось бы от увиденного в обычных астральных путешествиях, которые я предпринимал раньше. Я захотел подняться над Железной Горой, и только подумал об этом, как оказался уже не в комнате, а парил примерно в двух-трех сотнях футов над горой. Внезапно я перестал осознавать окружающую меня местность — я уже не видел ни Поталы, ни Железной Горы, ни Тибета, ни Лхасы. Я ощутил себя слабым из-за плохих предчувствий — моя *Серебряная нить* неистово билась, а свечение, постоянно испускаемое ею, вдруг из серебристо-белого стало болезненно желто-зеленым.

Внезапно что-то сильно потянуло за мою *нить*, словно сумасшедший злой дух пытался намотать меня на катушку. Я инстинктивно посмотрел вниз, и чуть не потерял сознание от увиденного.

Возле меня, скорее даже подо мной, находились чрезвычайно странные и отвратительные существа, наподобие тех, которых видели пьяницы. Одно из них, страшнее и противнее всех виденных мною до тех пор, было похоже на огромного слизняка с безобразным человеческим лицом совершенно невероятной расцветки — само лицо было красным, нос и уши зеленые, глаза непрерывно вращались в глазницах. Там были и другие существа, одно другого ужаснее и тошнотворнее. Я видел создания, которые нельзя описать никакими словами. Им были присущи обычные черты человеческой жестокости. Одни из них тянулись ко мне, чтобы напугать и оторвать меня от моей *нити*, другие — подбирались к *нити* и дергали за нее, пытаясь оторвать от меня. Я смотрел на них и вздрагивал. Затем я подумал: «Страх! Так вот *это* и есть страх! Хорошо! Они не смогут повредить мне, я защищен от их проявлений, защищен от их атак!» Как только я так подумал, существа исчезли и больше не появлялись. Эфирная *нить*, соединяющая меня с моим физическим телом, посветлела и вернулась к своему первоначальному виду. Я почувствовал себя свободным и повеселел. Я знал, что, подвергшись этому испытанию и выдержав его, больше не буду бояться ничего, что может случиться в астрале. Происшедшее окончательно убедило меня в том, что то, чего

мы опасаемся, не может повредить нам до тех пор, пока мы своим страхом сами не позволим ему это сделать.

Внезапно что-то снова потянуло за *нить*. Я, не колеблясь, без малейшего страха, посмотрел вниз и увидел слабое мерцание — мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, зажег маленькую масляную лампу, и мое астральное тело начало возвращаться в физическое. Я опустился через крышу Чакпори так, что оказался в горизонтальном положении как раз над своим телом. Затем я очень мягко поплыл вниз, и мое астральное тело соединилось с физическим, став одним целым. Тело, которое теперь стало *мною*, слегка вздрогнуло, я поднялся и сел.

Мой Наставник посмотрел на меня с любовью и улыбнулся:

— Молодец, Лобсанг! Открою тебе огромный секрет — свою первую попытку ты сделал лучше, чем я. Я горжусь тобой.

Я все еще был озадачен этими страхами, так что снова спросил:

— Благодородный Лама, так чего же на самом деле надо бояться? Наставник выглядел очень серьезным, даже мрачным. Он ответил:

— У тебя была хорошая жизнь, Лобсанг, тебе нечего бояться, поэтому ты и не боишься. Но есть люди, которые в своей жизни совершали преступления, приносили другим зло, и, когда они остаются одни, их серьезно беспокоит совесть. Создания низшего астрала питаются страхами таких людей. Люди создают мыслеформы. Возможно, когда-нибудь ты побываешь в очень старом, стоявшем несчетные века соборе или храме. Из стен подобных зданий — как, например, из нашего Йо-Канга — всегда исходит ощущение совершенного в них добра. Но если тебе вдруг придется попасть в старую тюрьму — место многочисленных страданий, ты ощутишь противоположный эффект. Это случается потому, что жители здания создают мыслеформы, которые заселяют стены, и поэтому здания, в которых творились добрые дела, заселены хорошими формами, а дьявольские места обладают сатанинскими формами. Человек, одаренный ясновидением, находясь в астрале, сможет увидеть и ощутить их.

Наставник задумался на минутку и затем продолжил: — Существуют случаи, и ты о них еще много раз услышишь, когда монахи или другие люди представляют себя великими, в отличие от того чем они являются на самом деле. Эти люди создают мыслеформы, которые со временем становятся их сущностью. Я сейчас вспоминаю случай, происшедший со старым, поразительно невежественным монахом из Бирмы. Вначале это был рядовой монах. Он ничего не понимал, но, поскольку был нашим братом, принадлежал нашему ордену, всегда мог получить у нас свой кусок хлеба. Как многие из нас, он вел одинокий образ жизни, но не уделял должного внимания занятиям медитацией, созерцанием или другими полезными вещами. Он воображал себя не рядовым монахом, идущим по пути Просвещения, а могущественнейшим человеком Бирмы, великим Принцем, принадлежащим к всеильному сословию и обладающим огромными богатствами. Вначале это было просто бесполезное и безобидное развлечение. Но никто не осудил его ни за бесполезные фантазии, ни за пренебрежение духовными задачами, и с течением времени смиренный монах исчез, а на его месте появился надменный принц — несчастный действительно поверил в свои фантазии. И однажды он заговорил с Настоятелем так, словно тот был его слугой. К сожалению, Настоятель не был столь миролюбивым, как некоторые из нас, и шок, пережитый бедным монахом, был настолько велик, что поверг его в состояние психической неуравновешенности. Но ты, Лобсанг, не должен беспокоиться о таких вещах, ты устойчив и не подвержен страху. Просто запомни еще одно предостережение: страх разрушает душу. Тщетные и бесполезные иллюзии — еще один из ложных путей, так как по прошествии времени рассудок теряет связь с реальностью, а мечтания заменяют ее, и это длится на протяжении нескольких инкарнаций. Не сходи с пути и не позволяй мечтам или фантазиям исказить реальность. Это мир иллюзий, но только для тех, кто это знает. Для остальных же он может стать реальностью.

Я думал обо всем этом, и должен признаться, что я уже слышал о монахе, превратившемся в принца, так как читал об этом в книгах из Библиотеки лам.

— Благородный Наставник! — обратился я. — Каким же должно быть использование оккультных сил?

Лама сложил руки и посмотрел на меня:

— Использование оккультных знаний? Это довольно просто, Лобсанг! Мы призваны помогать тем, кто достоин нашей помощи, но не тем, кто не желает нашей помощи и не готов к ней. Мы не используем оккультные силы и способности для собственной выгоды или ради вознаграждения. Общей целью оккультизма является помощь в чем-то развитии и помощь миру в целом, не только человеческому, но и животному, и Природе вообще.

Мы снова были прерваны службой, начавшейся в храме рядом. Поскольку продолжать разговор во время богослужения было бы непочтительно по отношению к Высочайшему, мы умолкли и сидели в тишине, освещаемой мерцающим светом слабо горевшей масляной лампы.

Глава 8 АУРА ЧЕЛОВЕКА

Было очень приятно лежать в прохладной высокой траве у подножия Парго-Калинга. Сзади надо мной круто поднималась к небу стена древних камней, и мне казалось, что ее верхняя точка касается облаков. Довольно удачно «Бутон лотоса», венчающий эту точку, символизировал Дух, а «листья», которые поддерживали этот «Бутон», представляли Воздух. Я удобно расположился около изображения «Жизни на Земле». Немного приподнявшись, я мог видеть «Ступени достижения». Ну что же, в этот момент я как раз делал попытку «достижения».

Было приятно лежать здесь и наблюдать за торговцами из Индии, Китая и Бирмы, двигавшимися мимо. Некоторые из них шли пешком, ведя за собой длинные вереницы животных, несущих экзотические товары из очень, очень далеких стран. Другие, более благородные, или, возможно, просто более уставшие, ехали верхом и внимательно осматривали по сторонам. Я лениво размышлял о содержимом тюков, навьюченных на животных, затем, вздрогнув, взял себя в руки: *я вспомнил, зачем я нахожусь здесь!* Я был здесь, чтобы наблюдать за аурой возможно большего числа людей и «угадывать» по ауре и с помощью телепатии занятия этих людей, их мысли и их намерения.

Прямо напротив меня на противоположной стороне дороги сидел жалкий слепой нищий, весь покрытый пылью. Этот оборванный человек всегда сидел у дороги и начинал жалобно причитать, когда путники проходили мимо. Меня удивило, что почти каждый бросал ему монету, с удовольствием наблюдая, как он вслепую обшаривал землю в поиске упавших монет и в конце концов находил их по звуку удара о землю, а иногда по звону при ударе о камень. Изредка он упускал какую-то небольшую монету, и бросивший ее путник обычно поднимал ее и бросал снова. Думая о нищем, я лениво повернул голову в его направлении и от неожиданности сел. Его аура! Мне никогда не приходилось видеть такую ауру раньше. Сейчас, рассматривая ее внимательно, я увидел, что он не слепой. Я понял, что он был богат, обладал деньгами и товарами и притворялся бедным слепым нищим потому, что это притворство было наилучшим из всех известных ему способов заработать на жизнь. Нет! Этого не могло быть, я ошибался, причина ошибки — в моей самоуверенности или в чем-то еще. Возможно, мои способности оказались несостоятельными. Вздвигнутый этой мыслью, вскочил и отправился на поиски разъяснения у своего Наставника, Ламы Мингьяра Дондупа, который пребывал в Канду-Линг, напротив. Несколькими неделями ранее мне сделали операцию, чтобы мой Третий глаз мог шире открыться. От рождения я обладал необыкновенными способностями ясновидения, имея возможность видеть «ауру» вокруг тел людей, животных и растений. Тяжелая операция завершилась намного большим увеличением моих способностей, чем

предвидел даже лама Мингъяр Дондуп. Теперь мое развитие значительно ускорилось; мое обучение всем оккультным предметам занимало все время бодрствования. Я чувствовал себя сжатым могучими силами, когда *этой* лама и *той* лама «накачивали» меня знаниями с помощью телепатии и других необычных воздействий, возможности которых я сейчас так интенсивно изучал. Зачем ходить в школу, если можно обучаться с помощью телепатии? Зачем интересоваться намерениями человека, если можно видеть их по его ауре? Но меня просто потряс этот слепой нищий!

—О, Достопочтенный Лама! Где вы? — кричал я, перебегая дорогу поисках Наставника. Забежав в маленький парк, я чуть было не споткнулся о свои собственные ноги.

— Вот как! — улыбался мой Наставник, мирно сидя на стволе спавшего дерева. — Ты возбужден, потому что обнаружил, что «слепой» человек видит не хуже тебя.

Я стоял, тяжело дыша, задыхаясь от обиды и недостатка воздуха.

— Да! — воскликнул я. — Этот человек обманщик, грабитель, потому что ворует у этих милосердных людей. Он должен быть заключен в тюрьму!

Лама рассмеялся мне в лицо, раскрасневшееся и обиженное.

— Но, Лобсанг, — сказал он мягко, — из-за чего здесь поднимать шум? Этот человек продает услугу так, как другой — молитвенные колеса. Люди дают ему мелкие монеты, чтобы их считали щедрыми, это позволяет им чувствовать себя добродетельными. На некоторое время такой поступок увеличивает уровень их молекулярной вибрации, возвышает духовно и приближает к Богам. Это способствует их нравственному совершенствованию. Монеты, которые они дают? Пустяк! Они не ощущают их потери.

— Но он не слепой! — сказал я сердито. — Он *грабитель!*

— Лобсанг, — сказал Наставник, — продавая услугу, он не причиняет вреда. Впоследствии, побывав в западном мире, ты обнаружишь, что там рекламируются вещи, которые вредны для здоровья, делают уродами еще не родившихся детей и превращают практически нормальных людей в сумасшедших маньяков.

Он похлопал по упавшему дереву и жестом предложил мне сесть рядом. Я сидел и барабанил пятками по коре дерева.

— Ты должен учиться использовать одновременно способности к телепатии и видению ауры, — сказал Наставник. — При использовании одной из них без другой твои умозаключения могут быть неверными — как в данном случае. Важно использовать одновременно все способности, сосредоточивая все силы на решении любой проблемы. Сегодня после полудня я должен уехать, и достопочтенный лама-врач Чинробнобо из больницы в Мензеканге будет говорить с тобой. И ты будешь говорить с ним.

—О! — сказал я уныло, — но он никогда не разговаривает со мной, даже никогда не замечает меня!

— Все изменится — так или иначе — сегодня после полудня, — сказал Наставник.

Так или иначе! — подумал я. Это выглядело очень зловеще.

Мы с Наставником пошли назад к Железной Горе, задержавшись на один миг, чтобы по-новому взглянуть на древнюю, но всегда насыщенную свежими красками резьбу на камне. Затем мы поднялись по крутой каменистой тропе.

— Эта тропа как жизнь, Лобсанг, — сказал лама. — Жизнь похожа на трудную и каменистую тропу, со многими ловушками и западнями, но если настойчиво стремиться — вершина будет достигнута.

Когда мы достигли вершины тропы, прозвучал призыв к службе в храме, и мы разошлись в разные стороны — он к своим коллегам, а я в свой класс. После окончания службы и совместной трапезы ко мне подошел, слегка нервничая, незнакомый мальчик, который был моложе меня.

— Тьюзди Лобсанг, — сказал он робко, — Святой Лама-врач Чинробнобо хочет немедленно видеть тебя в медицинской школе.

Я привел в порядок одежду, сделал несколько глубоких вдохов, чтобы снять нервное напряжение, и двинулся к медицинской школе с уверенностью, которой на самом деле не испытывал.

—А! — гудел мощный голос, напомнивший мне низкий насыщенный звук раковины в храме.

Я стоял перед ним, выражая должным образом почтение. Лама был крупным человеком, высоким, массивным, широкоплечим; весь его облик внушал маленькому мальчику страх. Я ощущал, что ударом одной из могучих рук он мог бы снести мою голову с плеч и швырнуть ее на горный склон. Однако он предложил мне сесть перед ним, причем сделал это настолько мягко, что я почти упал на предложенное место!

— Итак, молодой человек! — произнес он сильным низким голосом, звуки которого были подобны раскатам грома над далекими горными вершинами.

— Я много слышал о тебе. Твой Наставник, прославленный лама Мингьяр Дондуп, считает тебя чудом, а твои сверхъестественные способности огромными. Мы попробуем убедиться в этом!

Я сидел и дрожал.

— Видишь ли ты меня? Что ты видишь? — спросил он.

Я задрожал еще сильнее и произнес первые слова, которые пришли в голову:

— Я вижу такого огромного человека, Святой Лама, что, увидев вас впервые, подумал, что вы похожи на гору.

Его неистовый смех сопровождался таким порывом ветра, какой мог, пожалуй, сдуть с меня мантию.

— Посмотри на меня, мальчик, *посмотри на мою ауру* и скажи мне, что ты видишь! — приказал он. Затем он произнес: — Скажи мне, что ты видишь в моей ауре и как ты понимаешь увиденное.

Я смотрел на него, не сосредоточивая взгляд непосредственно на нем, чтобы видеть туманные очертания ауры тела, покрытого одеждой, я смотрел в его направлении, но не прямо на него.

— Сударь! — сказал я. — Прежде всего я вижу физические очертания вашего тела, слегка размытые, потому что вы в одежде. Затем, непосредственно возле тела, я вижу слабое голубоватое сияние, имеющее цвет дыма от сжигания недавно срубленного дерева. Этот цвет говорит мне, что в последнее время вы очень много работали, не спали по ночам и уровень вашей эфирной энергии низок.

Глаза у него слегка расширились, и он удовлетворенно кивнул.

— Сударь! — продолжал я. — Ваша аура простирается во все стороны на расстояние около трех метров от тела. Ее цвета расположены в виде горизонтальных и вертикальных слоев. Преобладает желтый цвет, что свидетельствует о высокой духовности. В настоящий момент вы поражены тем, что человек моего возраста может так много рассказать вам, и думаете, что мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, все-таки кое в чем разбирается. Вы думаете, что должны извиниться перед ним за сомнения, высказанные вами относительно моих способностей.

Меня прервал громкий взрыв смеха.

— Ты прав, мальчик, ты прав! — сказал он восхищенно. — *Продолжай!*

— Учитель! (Все это было для меня детской игрой!) Вас недавно постигла неудача, и вы получили удар по печени, которая болит, когда вы слишком энергично смеетесь. Вы желаете знать, следует ли использовать траву под названием татура для обезболивания с целью проведения глубокого массажа печени. И вы считаете знамением судьбы, что из более чем шести тысяч трав недостаточен запас именно татуры.

Теперь он не смеялся. Он смотрел на меня с нескрываемым уважением.

Я добавил:

— Кроме того, сударь, ваша аура показывает, что в ближайшее время вы будете самым выдающимся Настоятелем-врачом Тибета. Он внимательно посмотрел на меня с

некоторым опасением.

— Мой мальчик! — сказал он. — У тебя огромные способности — ты далеко пойдешь! Никогда, *никогда* не злоупотребляй своими способностями. Это может быть опасно. Теперь давай поговорим об ауре как равные. Но лучше заняться обсуждением за чаем.

Он поднял маленький серебряный колокольчик и зазвонил так яростно, что колокольчик готов был вылететь из его рук. Через несколько секунд молодой монах торопливо внес чай и — о великая радость! — некоторые дары матери-Индии. Пока мы садились, я отметил, что все ламы высокого ранга живут в комфортабельных жилищах. Под нами я мог видеть большие парки Лхасы, а до Додпал и Кхати, казалось, рукой подать. Немного левее, подобно стражу, стоял Кесар-Лакханг, Чортен наших окрестностей, а через дорогу, дальше на север, было мое любимое место, Парго-Калинг (Западные Ворота), с башнями наверху.

— Что порождает ауру, Учитель? — спросил я.

— Как сказал тебе Достопочтенный Наставник, лама Мингьяр Дондуп, — начал он, — мозг получает сообщения от Высшего Я. В мозгу генерируются электрические токи. Все жизненные процессы связаны с электричеством. Аура является проявлением электрической энергии. Вокруг головы человека, как ты хорошо знаешь, существует ореол или нимб. На старых картинах святой или Бог всегда изображен с «золотой сферой» вокруг головы.

— Почему так мало людей видят ауру и ореол вокруг головы, Учитель? — спросил я.

— Некоторые люди сомневаются в существовании ауры, потому что *они* не могут ее видеть. Они забывают, что не могут также видеть воздух, а без воздуха люди вообще не могут обойтись. Очень, очень немногие люди видят ауру. Остальные не видят ее. Точно так же некоторые люди могут слышать более высокие или более низкие частоты, чем другие. Наличие у конкретного человека подобных способностей говорит об уровне его духовности не больше, чем умение ходить на ходулях.

Он улыбнулся мне и добавил:

— Я, бывало, хаживал на ходулях почти так же, как ты. Сейчас мое тело слишком массивно для подобного занятия.

Я также улыбнулся, подумав, что ему в качестве ходуль потребовались бы стволы деревьев.

— Когда мы оперировали тебя с целью большего раскрытия «Третьего глаза», — сказал великий лама-врач, — мы имели возможность увидеть, что лобовые доли твоего мозга развиты гораздо сильнее, чем у среднего человека, и поэтому предположили, что физически ты *рожден* для ясновидения и телепатии. Это является одной из причин столь интенсивного и углубленного обучения, которое ты уже получил и *еще* получишь.

Он посмотрел на меня с огромным удовлетворением и продолжал:

— Тебе придется побыть здесь, в медицинской школе, несколько дней. Мы намерены основательно исследовать тебя и посмотреть, как можно увеличить твои способности и чему еще обучать тебя.

В дверях раздался тихий кашель, и в комнату вошел мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп. Я вскочил на ноги и поклонился ему, как и великий Чинробнобо. Мой Наставник улыбался.

— Я получил Ваше телепатическое сообщение, — сказал он великому ламе-врачу, — поэтому поспешил к Вам с наибольшей скоростью, на которую способен, чтобы, возможно, испытать благодаря вам удовольствие, услышав подтверждение моих находок в отношении моего молодого друга. Он остановился, улыбнулся мне и сел. Великий лама Чинробнобо также улыбнулся и сказал:

— Уважаемый коллега! Я с радостью преклоняюсь перед Вашим Высшим знанием, проявившемся в принятии этого молодого человека на обучение. Уважаемый коллега,

Ваши собственные таланты многочисленны, Вы поразительно многосторонни, но никогда еще Вы не находили мальчика, подобного этому.

Затем, совершенно неожиданно, они рассмеялись, и лама Чинробнобо нащупал где-то позади себя и извлек наружу три чаши из мореного орехового дерева! Я, должно быть, выглядел глупо, потому что они повернулись ко мне и стали смеяться.

— Лобсанг, ты не используешь телепатические способности. Если бы ты сделал это, ты бы понял, что Достопочтенный Лама и я оказались настолько грешными, что заключили пари. Мы условились, что, если твои способности будут соответствовать моим утверждениям, то Достопочтенный Лама-врач подарит тебе три чаши из мореного орехового дерева, а в случае твоего несоответствия стандарту, провозглашенному мною, я буду вынужден совершить длительное путешествие и выполнить определенную медицинскую работу для моего друга.

Мой Наставник снова улыбнулся мне и сказал:

— Конечно, я отправлюсь в путешествие ради него в любом случае, и ты отправишься со мной, но мы должны были навести порядок в наших отношениях, и теперь честь защищена.

Он указал на три чаши и произнес:

— Забери их, Лобсанг, когда будешь уходить из этой комнаты, — забери их с собой, так как они являются добычей победителя, а в данном случае победителем являешься ты.

Но я не чувствовал себя победителем, на самом деле я был совершенно растерян. Было очевидно, что я не мог использовать телепатические способности по отношению к этим двум ламам. Одна только мысль о подобной вещи вызывала нервную дрожь в моем позвоночнике. Я любил своего Наставника, очень уважал знания и мудрость Великого Ламы Чинробнобо. Подслушивание, даже телепатическое, считалось бы признаком очень плохих манер и было бы оскорблением подслушиваемых. Лама Чинробнобо повернулся в мою сторону и сказал:

— Да, мой мальчик, твои чувства делают тебе честь. Я очень рад тебя приветствовать и принять в наш круг. Мы поможем тебе в дальнейшем развитии.

Наставник добавил:

— Лобсанг, теперь тебе придется пробыть в этом специальном здании приблизительно неделю, чтобы ты мог узнать много нового об ауре.

— Ах, да! — сказал он, увидев выражение моего лица. — Я знаю, ты думаешь, что знаешь все об ауре. Ты можешь видеть ауру и читать ее, но сейчас ты должен изучить все связанные с нею тонкости и узнать, как много других людей не видят ее и почему. Сейчас я намерен покинуть тебя, но утром мы увидимся.

Он поднялся, и мы, конечно, тоже встали. Мой Наставник попрощался с нами и покинул эту довольно уютную комнату. Лама Чинробнобо повернулся ко мне и сказал:

— Не нервничай так, Лобсанг, с тобой не случится ничего плохого — мы просто попытаемся помочь тебе и ускорить твое развитие.

Прежде всего давай немного поговорим об ауре человека. Конечно, ты непосредственно воспринимаешь ауру и можешь понять, о чем идет речь, но представь себя на месте не столь одаренного и талантливого человека, поставь себя на место девяноста девяти и девяти десятых процента, и даже большего числа людей на Земле.

Он снова яростно затряс своим серебряным колокольчиком, и снова служитель быстро принес чай и, конечно, все необходимые «прочие вещи», которые больше всего нравились мне при чаепитии. Возможно, читателю будет интересно узнать, что мы в Тибете иногда пили более шестидесяти чашек чая в день. Конечно, Тибет — холодная страна, и горячий чай согревал нас. У нас не было возможности выйти из дома и купить различные напитки, как это делали люди на Западе, мы ограничивались чаем и тсампой, если какой-нибудь истинно добросердечный человек не доставлял нам из других краев, например из Индии, вещи, недоступные в Тибете.

Мы уселись, и лама Чинробнобо сказал:

— Мы уже обсуждали происхождение ауры. Она является жизненной силой человеческого тела. Лобсанг, я хочу на минуту предположить, что ты не можешь видеть ауру и ничего не знаешь о ней, так как только в этом случае я смогу рассказать тебе, что видит и чего не видит обычный человек.

Я кивком подтвердил, что понимаю его. Конечно, я от рождения обладал способностями видеть ауру и подобные ей вещи, и эти способности увеличились благодаря операции над «Третьим глазом». Во многих случаях в прошлом я едва не попадал впросак, говоря о том, что вижу, и не осознавая, что другие не видят непосредственно воспринимаемых мною вещей. Мне припомнился случай из прошлого, когда я видел, что человек, которого мы со старым Тзу обнаружили возле дороги, еще жив, а Тзу заявил, что я совершенно не прав, и этот человек мертв. Я тогда сказал:

— Но Тзу, этот человек еще светится!

К счастью, как я понял позже, в тот момент порыв ветра, дувшего нам в спину, исказил мои слова, и Тзу не воспринял их. Однако, благодаря какому-то внутреннему импульсу, он осмотрел лежавшего человека и обнаружил, что тот жив! Но вернемся к рассматриваемой теме.

— Средние мужчина и женщина, Лобсанг, не могут видеть ауру человека. Некоторые из них склонны считать, что на самом деле такой вещи, как аура человека, вообще не существует. Точно так же они вполне могут сказать, что не существует такой вещи, как воздух, потому что они не видят его!

Лама-врач взглянул на меня, чтобы убедиться, что я внимаю его словам, не отвлекаясь на созерцание ореховых чаш. Удовлетворенный проявлением моего внимания, он глубокомысленно кивнул и продолжал:

— Пока в теле есть жизнь, вокруг него существует аура, которая видна людям, имеющим соответствующий дар, или талант, или способность — называй это как хочешь. Я должен сказать, Лобсанг, что для наиболее четкого восприятия ауры рассматриваемый человек должен быть абсолютно обнаженным. Причину этому мы обсудим позже. Для обычного прочтения ауры достаточно взглянуть на человека в легкой одежде, но если ты намерен рассматривать ауру с медицинскими целями, исследуемый человек должен быть совершенно обнажен. Далее, вокруг тела существует эфирная оболочка, простирающаяся от него на расстояние от долей сантиметра до семи и даже десяти сантиметров. Хотя она имеет вид голубовато-серого тумана, ее трудно назвать туманом, потому что сквозь нее все видно совершенно отчетливо. Это эфирное покрытие — чисто животного происхождения, оно порождается, в частности, животной жизненной силой тела, так что вокруг очень здорового человека существует довольно значительный эфирный слой, ширина которого может достигать семи или даже десяти сантиметров. Только наиболее одаренные, Лобсанг, воспринимают следующий слой, который находится между эфирным и собственно аурой, и имеет вид полосы толщиной до семи с половиной сантиметров. Нужно быть очень одаренным и талантливым, чтобы увидеть какие-либо цвета в этой полосе. Признаюсь, что я ничего не вижу в этом слое, кроме бесцветного пространства.

Я обрадовался этим словам, потому что мог видеть все цвета в этом пространстве и поспешил сказать об этом.

— Да, да, Лобсанг! Я знаю, что ты можешь различать цвета в этом пространстве, поскольку ты один из самых ярких талантов в ясновидении, однако я пользовался предположением, что ты совершенно не можешь видеть ауру, чтобы объяснить тебе все это.

Лама-врач посмотрел на меня с порицанием за то, несомненно, что я прервал ход его мыслей. Когда он решил, что я достаточно укрощен, чтобы воздерживаться от последующих высказываний, он продолжал:

— Таким образом, во-первых, существует эфирный слой. За ним следует зона, цвета в которой могут видеть лишь очень немногие люди. За этой зоной располагается

собственно аура. Вид ауры определяется не столько животной жизненной силой, сколько духовной жизненной силой. Аура образуется завихрением лент и полос всех цветов видимого спектра и включает большее число цветов, чем может видеть физический глаз, потому что ее воспринимают с помощью органов чувств, отличающихся от физического зрения. Каждый орган человеческого тела посылает наружу сообщение в виде собственного потока света, своего потока лучей, который колеблется и изменяется в соответствии с изменением мыслей человека. Многие из подобных сообщений органов присутствуют в очень заметной степени в эфирной оболочке и в пространстве над ней, а при рассмотрении обнаженного тела кажется, что его аура усиливает сообщения о здоровье или болезни, из чего ясно, что достаточно ясновидящие могут по ауре рассказать человеку о состоянии его здоровья.

Я знал все об этом, все это было детской игрой для меня, и я упражнялся в подобных вещах с момента операции над «Третьим глазом». Я знал о группах лам-врачей, которые сидели возле больных людей и изучали их обнаженные тела, чтобы понять, как можно помочь им. Я подумал, что, возможно, меня собираются обучить такой же работе.

— Теперь, — сказал лама-врач, — тебя специально обучают, давая интенсивную подготовку. Мы рассчитываем и надеемся, что когда ты отправишься отсюда в огромный западный мир, ты сможешь изобрести прибор, с помощью которого даже совсем не обладающие оккультными способностями смогут увидеть ауру человека. Врачи, изучая ауру человека и видя воочию его недуги, смогут излечивать их. Этот вопрос мы рассмотрим позже. Я понимаю, что все это достаточно утомительно, многое из того, что я сказал, тебе очень хорошо известно, но это может быть утомительно и по другой причине. Ты ясновидящий по своей природе, ты, возможно, никогда не думал о механизмах работы твоего дарования, и именно это твое отношение к делу нужно исправить, потому что человек, знающий только половину изучаемого предмета, является недоучкой и полезен лишь наполовину. Стремись быть максимально полезным, мой друг! Однако давай сейчас закончим это занятие, Лобсанг, разойдемся по своим комнатам — поскольку кое-кто косо посматривает в твою сторону — отдохнем и подумаем о вещах, которых мы коснулись лишь слегка. В течение этой недели тебе разрешено не посещать ни одной службы — это приказ самого Высочайшего. Вся твоя энергия, все твои молитвы должны быть направлены только на овладение предметами, которым я и мои коллеги намерены обучить тебя.

Он встал, и я поднялся вслед за ним. Серебряный колокольчик опять был схвачен мощной рукой и сотрясен с такой силой, что, казалось, бедная вещь разлетится на куски. Монах-служитель вбежал в комнату, и лама-врач Чинробнобо сказал:

— Вы будете заботиться о Тьюзди Лобсанге Рампе. Как вы понимаете, он здесь почетный гость. Обращайтесь с ним так, как вы обращались бы с монахом высокого ранга, находящимся у нас в гостях.

Он повернулся ко мне и поклонился, и, конечно, я немедленно ответил на его поклон. Затем служитель предложил мне следовать за ним.

— Стой! — взревел лама Чинробнобо. — Ты забыл свои чаши!

Я бросился назад и, улыбаясь в некотором замешательстве, торопливо схватил драгоценные чаши, а затем поспешил к ожидающему меня служителю.

Мы прошли по короткому коридору, и служитель ввел меня в очень приятную комнату с окном, выходящим в сторону парома на Счастливой Реке.

— Моя обязанность заботиться о вас, Мастер, — сказал служитель. — Для удобства здесь есть звонок, используйте его при необходимости.

Он повернулся и вышел. Я подошел к окну. Вид на Святую долину привел меня в восторг. Паром из надутых шкур яка уже отошел от берега, и лодочник, отталкиваясь шестом, пересекал быструю реку. На противоположной стороне реки я увидел трех или четырех человек, которые, судя по их одеждам, были важными людьми, — впечатление, подтверждавшееся подобострастным поведением паромщика. Я наблюдал за ними несколько минут и затем почувствовал невообразимую усталость. Я сел на землю, не

позабывшись даже о подушке для сиденья, и, не осознавая этого, упал на спину уже спящим.

Часы гудели под аккомпанемент щелкающих молитвенных колес. Вдруг я сел прямо, дрожа от страха. *Служба!* Я опоздал на службу. Склонив голову набок, я внимательно прислушался. Где-то голос пел молитву. Этого было достаточно — я вскочил на ноги и помчался в привычном направлении к двери. Но ее там не было! Раздался глухой стук от удара моего тела о каменную стену и, отскочив от нее, я упал на пол навзничь. Из-за очень сильного удара о камень в голове на некоторое время возникла вспышка голубовато-белого света, затем я оправился и еще раз поднялся на ноги. В панике из-за опоздания, я помчался по периметру комнаты, в которой, казалось, вообще не было двери. Хуже того, в ней также не было и окна!

— Лобсанг! — раздался голос из темноты. — Вы не заболели? Голос служителя отрезвил меня подобно ушату холодной воды.

— О! — сказал я робко. — Я забыл, я думал, что опоздал на службу. Я забыл, что освобожден от нее!

Раздался сдавленный смешок и голос сказал:

— Я зажгу лампу, потому что сегодня очень темная ночь.

Слабое мерцание появилось в дверном проеме — в *самом* неожиданном месте! — и служитель вошел в комнату.

— Чрезвычайно забавное происшествие, — сказал он, — я вначале подумал, что стадо яков вырвалось на свободу и оказалось здесь.

Его улыбка исключала возможность какой-либо обиды. Я снова устроился на полу, и служитель с лампой удалился. В более светлой части комнаты, где находилось окно, вспыхнула, раскалившись добела, падающая звезда и закончила путешествие по бесконечным просторам космического пространства. Я повернулся на бок и уснул.

На завтрак была все та же пресная и приевшаяся тсампа с чаем. Питающая, поддерживающая, но не вдохновляющая. Потом появился служитель и сказал:

— Если вы уже готовы, я должен проводить вас в другое место.

Я встал, и мы вышли из комнаты. На этот раз мы шли незнакомой дорогой в такую часть Чакпори, о существовании которой я не знал. Вниз, такая длинная дорога вниз, что, казалось, мы погружаемся во внутренности самой Железной Горы. В крошечной тьме мерцала только наша лампа. Наконец служитель остановился и указал направление:

— Идите прямо и войдите в эту дверь слева.

Поклонившись, он повернулся и пошел в обратном направлении.

Я устало двинулся вперед, полный любопытства:

— Что теперь?

Я дошел до указанной двери, вошел в нее и остановился в изумлении. Первой вещью, привлекшей мое внимание, было молитвенное колесо, стоявшее посреди комнаты. У меня была возможность лишь бегло взглянуть на него, и это молитвенное колесо показалось мне очень странным. Затем было произнесено мое имя.

— Вот и ты, Лобсанг! Мы рады видеть тебя здесь.

Осмотревшись, я увидел моего Наставника, ламу Мингьяра Дондупа. С одной стороны от него сидел Великий Лама-врач Чинробнобо, а с другой — резко выделяющийся своей внешностью индийский лама по имени Марфата. Индийский лама когда-то изучал западную медицину и даже учился в Германии в одном из университетов, я полагаю, в Гейдельбергском. Сейчас он был буддийским монахом — ламой, конечно, а не обычным членом буддийской общины.

Индиец взглянул на меня таким пытливым и пристальным взглядом, как будто через мое тело рассматривал на моей спине материал, из которого была изготовлена мантия, — казалось, он смотрит сквозь меня. Однако в данном конкретном случае я не чувствовал за собой никакой вины и так же пристально посмотрел на него. В конце концов, почему я не могу пристально смотреть на него? Я был ничем не хуже его, потому

что меня обучали лама Мингьяр Дондуп и Великий Лама-врач Чинробнобо. Вымученная улыбка появилась на его губах, она, казалось, причиняла ему сильную боль. Он кивнул и обратился к моему Наставнику:

— Да, я удовлетворен, этот мальчик именно таков, как вы говорите.

Мой Наставник улыбался, но не было никакой натянутости в его улыбке — она была естественной, искренней и очень сердечной.

Великий Лама-врач сказал:

— Лобсанг, мы пригласили тебя в эту секретную комнату, чтобы показать некоторые вещи и побеседовать о них с тобой. Твой Наставник и я исследовали тебя и вполне удовлетворены твоими способностями, развитие которых будет продолжаться. Наш индийский коллега, Марфата, сомневается, что подобное чудо существует в Тибете. Мы надеемся, что ты докажешь истинность всех наших утверждений.

Я посмотрел на индийца и подумал: «Вот человек, у которого преувеличенное мнение о себе».

Обращаясь к ламе Чинробнобо, я сказал:

— Уважаемый Учитель! Высочайший, который настолько добр, что несколько раз удостоил меня аудиенции, специально предупреждал, чтобы я не давал никаких доказательств, заметив, что доказательство является лишь временной помощью для ленивого разума. Жаждающие доказательства не способны воспринять доказываемую истину, независимо от того, насколько хорошо она доказана.

Лама-врач Чинробнобо захохотал с такой силой, что меня, казалось, вот-вот сдует порывом ветра, мой Наставник также смеялся. Они взглянули на индийца, который сидел, сердито глядя на меня.

— Мальчик! — сказал индиец. — Твои слова верны, но слова ничего не доказывают, как ты сам сказал. Теперь скажи, мальчик, что ты видишь во мне?

Я почувствовал беспокойство, потому что многое из того, что я увидел, мне не понравилось.

— Прославленный господин! — сказал я. — Я боюсь, что услышав слова о том, что я вижу, вы можете очень обидеться и подумать, что я просто дерзко веду себя, а не отвечаю на ваш вопрос.

Мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, утвердительно кивнул, а лицо Великого Ламы-врача Чинробнобо стало расплываться в широкой сияющей улыбке, становясь похожим на восходящую полную луну.

— Говори что хочешь, мальчик, у нас нет времени на пустые разговоры, — сказал индиец.

Я стоял некоторое время, так пристально глядя на великого индийского ламу, что он даже слегка зашевелился от силы моего взгляда. Затем я сказал:

— Прославленный господин! Вы велели мне описать все, что я вижу, и я знаю, что мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп и Великий Лама-врач Чинробнобо также хотят, чтобы я говорил откровенно. Так вот, я вижу то, чего никогда раньше не видел, а по вашей ауре и мыслям я обнаружил следующее: вы много путешествовали и пересекли два великих океана. Вы прибыли на небольшой остров, название которого мне неизвестно, на нем живут только белокожие люди, и возле него находится еще островок поменьше, который можно сравнить с жеребенком, если большой остров сравнивать с кобылой. Вы были очень враждебно настроены по отношению к местным людям, и они хотели предпринять против вас какое-то действие из-за чего-то, связанного с... — здесь я запнулся, поскольку картина была довольно непонятной, в ней были вещи, о которых я не имел ни малейшего представления.

Однако я напряженно работал дальше.

— Было что-то, связанное с индийским городом, который называется Калькутта, и было что-то, связанное с черной дырой, где люди упомянутого острова испытывали большие неудобства и затруднения. Они почему-то думали, что вы могли бы избавить их

от неприятности, вместо того чтобы доставлять ее.

Великий лама Чинробнобо снова расхохотался, и мне было приятно слышать его хохот, так как он показывал, что я на правильном пути. Мой Наставник остался безучастным, а индеец фыркнул.

Я продолжал:

— Вы направились в другую страну, и я могу отчетливо видеть название Гейдельберг в вашей голове. В этой стране вы изучали медицину в соответствии с массой варварских ритуалов, много резали, рубили и пилили, но не использовали систем, которые мы применяем здесь, в Тибете. В результате вы получили большой лист бумаги со многими печатями. По вашей ауре я вижу также, что вы страдаете от болезни.

Здесь я глубоко вздохнул, потому что не знал, как будут восприняты мои следующие слова:

— Болезнь, от которой вы страдаете, неизлечима, при ней клетки тела дичают и растут беспорядочно, подобно сорной траве. Сильно разрастаясь, они блокируют и сжимают все жизненные органы. Вы завершаете жизненный путь на этой Земле из-за природы ваших мыслей, которая исключает возможность признания добродетельности других людей.

В течение нескольких минут — для меня сравнимых с годами! — стояла полная тишина, а затем Великий Лама-врач Чинробнобо сказал:

— Это совершенно верно, Лобсанг, это совершенно верно! Индеец сказал: — Мальчик, вероятно, по всем вопросам был натаскан заранее.

Мой Наставник заявил:

— Никто не обсуждал ваши проблемы, совсем наоборот, многое из сказанного Лобсангом является новостью для нас, так как мы не изучали ни вашу ауру, ни ваше сознание, потому что вы не предлагали нам сделать это. Но главное здесь то, что мальчик Тьюзди Лобсанг Рампа обладает такими способностями, и их развитие будет продолжаться. Вместо того чтобы ссориться, мы должны выполнить серьезную работу. Начнем!

Он встал и повел меня к большому молитвенному колесу.

Я взглянул на эту странную вещь и увидел, что это совсем не молитвенное колесо, а прибор высотой около метра, имеющий около полутора метров в поперечнике, размещенный на высоте приблизительно один метр над землей. С одной стороны в нем были два маленьких окошечка, казавшихся застекленными. С другой стороны этой машины было два намного больших окна, установленных со смещением. Сбоку торчала длинная рукоятка, но назначение этой вещи для меня было полной тайной, я не имел о ней ни малейшего представления. Великий Лама-врач сказал:

— Это — устройство, Лобсанг, с помощью которого люди, не обладающие ясновидением, могут видеть человеческую ауру. Великий индийский лама Марфата прибыл сюда, чтобы посоветоваться с нами, и не раскрыл нам природы своей болезни, считая, что раз мы так много знаем об эзотерической медицине, то сможем сами распознать его болезнь. Мы привели его сюда, чтобы исследовать с помощью этой машины. Он согласен снять свою мантию, ты посмотришь на него первым и точно определишь его болезнь. Затем мы используем эту машину и посмотрим, насколько совпадают твой и машинный диагнозы.

Мой Наставник указал место возле темной стены, индеец направился туда, снял мантию и другую одежду и встал, обнаженный и коричневый, возле стены.

— Лобсанг! Хорошенько взгляни на него и скажи нам, что ты видишь, — сказал мой Наставник. Я смотрел не на индийца, а чуть в сторону от него, расфокусировав взгляд, так как это самый легкий способ видения ауры. Другими словами, я не использовал нормальное бинокулярное зрение, а смотрел каждым глазом отдельно. Это очень трудно объяснить, но суть состоит в независимом рассматривании ауры каждым глазом, что является полностью делом техники — фокусом, который может освоить почти

каждый.

Я смотрел в направлении индийца, его аура пылала и пульсировала. Я видел, что он действительно великий человек и обладает огромной интеллектуальной силой, но, к несчастью, весь его вид нес отпечаток таинственной болезни. Рассматривая его, я высказывал свои мысли, как только они появлялись. Я не осознавал, насколько внимательно прислушиваются к моим словам мой Наставники Великий Лама-врач. — Несомненно, причиной болезни являются многочисленные напряженности в теле. Великий индийский лама был неудовлетворен и расстроен, что подействовало на его здоровье, привело к необузданному росту клеток тела, отходу от Высшего Я. Итак, его болезнь находится здесь — я указал на его печень, и поскольку у него довольно раздражительный характер, болезнь обостряется при каждом тяжелом испытании. По ауре видно, что, если он станет более спокойным, более безмятежным, подобно моему Наставнику, он сможет дольше пробыть на Земле, завершит большую часть своего дела и не будет иметь настоящей потребности возвращаться снова.

Опять наступила тишина, и мне было приятно видеть, что индийский лама кивнул, как будто был полностью согласен с моим диагнозом. Лама-врач Чинробнобо приблизился к странной машине и глянул сквозь маленькие окошечки. Мой Наставник взялся за ручку и начал вращать ее с нарастающей силой, пока Лама-врач не попросил его поддерживать скорость вращения на постоянном уровне. В течение некоторого времени лама Чинробнобо внимательно смотрел в окошечки, затем выпрямился. Не вымолвив ни слова, его место занял лама Мингьяр Дондуп, а Лама-врач стал вращать рукоятку, как это делал ранее мой Наставник. В конце концов они закончили исследование и некоторое время стояли молча, общаясь, очевидно, с помощью телепатии. Я не делал ни малейшей попытки перехватить их мысли, потому что подобное действие означало бы большое неуважение и стремление занять «незаслуженно высокое место». Наконец они обратились к индийцу:

— Все, что сказал вам Тьюзди Лобсанг Рампа, соответствует действительности. Мы исследовали вашу ауру более тщательно и считаем, что у вас рак печени. Мы думаем также, что его причиной является определенный недостаток вашего характера. Мы считаем, что, ведя спокойную жизнь, вы сможете прожить еще несколько лет, в течение которых сможете завершить свое дело. Мы готовы представить вас властям, и если вы согласны с нашим планом, вам разрешат остаться здесь, в Чакпори.

Индиец некоторое время обсуждал возникшие вопросы, затем сделал знак Чинробнобо и вместе с ним покинул комнату. Мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, похлопал меня по плечу и сказал:

— Хорошая работа, Лобсанг, хорошая работа! Теперь я хочу показать тебе машину.

Он направился к странному прибору и поднял с одной стороны его крышку. Внутри я увидел вращающийся центральный вал, к которому веером был прикреплен ряд спиц. На свободных концах спиц находились призмы из стекла рубиново-красного, голубого, желтого и белого цвета. При вращении рукоятки ремни, соединявшие ее ось с валом, приводили в движение спицы, и я видел, как призмы одна за другой пересекали линию взгляда через окошечки-окуляры. Мой Наставник показал мне, как работает прибор, а затем сказал:

— Конечно, это очень сырая и громоздкая штука. Это всего лишь экспериментальный образец, и в будущем мы надеемся создать более миниатюрный вариант. У тебя никогда не возникла бы необходимость его использования, но в мире немного людей, обладающих такой же, как у тебя, способностью отчетливо видеть ауру. Через некоторое время я объясню тебе работу прибора более детально, но, если говорить кратко, в нем используется принцип гетеродина, причем быстро вращающиеся цветные призмы прерывают линию взгляда и таким образом размывают нормальный образ человеческого тела и усиливают очень слабое излучение ауры.

Он возвратил крышку на место и направился к другому прибору, стоявшему на

столе в дальнем углу. Он еще не дошел до него, когда лама-врач Чинробнобо вошел в комнату и присоединился к нам.

— А! — произнес он, подходя к нам. — Вы собираетесь проверить силу его мыслей? Хорошо! Я должен присутствовать при этом!

Мой Наставник указал на странный цилиндр из шершавой бумаги.

— Это, Лобсанг, толстая шершавая бумага. Ты можешь увидеть в ней большое количество отверстий, сделанных очень тупым инструментом, так что бумага изогнулась и содержит выступы. Этот лист бумаги свернут в цилиндр, причем выступы расположены снаружи. Поперек верха цилиндра прикреплена жесткая соломинка, опирающаяся на острую иглу, закрепленную на небольшой подставке. Так мы обеспечили вращение цилиндра на подшипнике, почти не имеющем трения. Теперь следи за мной!

Он сел и, не прикасаясь к цилиндру, охватил его руками с обеих сторон, пальцами от себя, на расстоянии примерно трех сантиметров от выступов. Цилиндр начал вращаться, и я был поражен, глядя, как он постепенно набирал скорость, которая вскоре стала довольно значительной. Прикоснувшись к цилиндру, мой Наставник прекратил его вращение и снова охватил его, разместив ладони противоположным образом, т. е. направив пальцы в сторону тела. Цилиндр начал вращаться, но в противоположном направлении!

— Вы дуете на него! — сказал я.

— Все говорят это! — заявил лама-врач Чинробнобо — Но это совершенно неверно.

Великий врач-лама отправился к нише у дальней стены и, возвратившись с довольно толстым стеклянным листом, осторожно поднес его к ламе Мингьяру Дондупу. Мой Наставник прекратил вращение цилиндра и спокойно сидел, пока Великий Лама-врач Чинробнобо размещал стеклянный лист между ним и бумажным цилиндром.

— Думайте о вращении, — сказал лама-врач. Мой Наставник, очевидно, так и делал, поскольку цилиндр снова начал вращаться. Стекло совершенно исключало возможность вращение колеса струей воздуха, выдуваемой моим Наставником или кем-либо еще. Он снова остановил цилиндр, а затем обратился ко мне:

— Попытайся ты, Лобсанг!

Наставник освободил мне место, и я занял его.

Усевшись, я расположил руки точно так же, как это делал Наставник. Лама-врач Чинробнобо держал стеклянный лист передо мной, чтобы мое дыхание не влияло на вращение цилиндра. Я сидел, чувствуя себя глупцом. Очевидно, цилиндр думал обо мне то же самое, потому что ничего не происходило.

— Думай, что ты заставляешь его вращаться, Лобсанг! — сказал мой Наставник. Я так и сделал, и цилиндр немедленно начал вращаться. На некоторое время я забыл обо всем на свете и видел только вращающийся цилиндр — я думал, что эта вещь заколдована, — затем возоблаго разумие (один из видов здравого смысла), и я сидел абсолютно спокойно.

— Этот прибор, Лобсанг, — сказал мой Наставник, — вращается силой человеческой ауры. Ты думаешь о вращении, и твоя аура образует завихрение вокруг цилиндра, заставляя его вращаться. Тебе, возможно, будет интересно узнать, что с прибором, подобным этому, экспериментировали во всех развитых странах мира. Все величайшие ученые пытались отделаться поверхностным объяснением принципа работы этого прибора, но они на Западе, конечно, не могли поверить в воздействие эфира и поэтому придумали объяснения даже более необычные, чем фактически используемое здесь действие эфира!

Великий Лама-врач сказал:

— Я совершенно голоден, Мингьяр Дондуп, я чувствую, нам пора возвратиться в комнаты, чтобы отдохнуть и поесть. Мы не должны злоупотреблять способностями молодого человека и его терпением, поскольку в будущем это в избытке предоставит ему

сама жизнь.

Мы согласились. Все огни в комнате были потушены, и мы двинулись вверх по каменному коридору к главному зданию Чакпори. Вскоре я был в одной из комнат этого здания с моим Наставником, ламой Мингьяром Дондупом. Скоро — удачная мысль — я принимал пищу и чувствовал себя все лучше благодаря этому.

— Ешь получше, Лобсанг, — сказал мой Наставник, — вскоре мы снова встретимся и обсудим другие вопросы.

Час или больше я отдыхал в своей комнате, глядя в окно. Я всегда любил наблюдать с высоты за жизнью, протекающей внизу. Я любил наблюдать за торговцами, медленно идущими через Западные ворота и каждым своим шагом выражающими радость от близкого завершения длинного и напряженного путешествия через высокие горные перевалы. Когда-то торговцы рассказывали мне об удивительной панораме, которая открывалась из определенной точки на высоком перевале при движении от индийской границы. Там можно было взглянуть между ущельями в горах и увидеть Священный город с его пылающими золотом верхушками крыш и далее, со стороны гор — белые стены «Рисовой кучи», очень похожие на кучу риса, рассыпанного щедрой рукой по склонам гор. Я любил наблюдать за паромщиком, пересекающим Счастливую Реку, и всегда надеялся, что его суденышко из надутых шкур получит пробоину; мне очень хотелось видеть, как он будет постепенно погружаться в воду, пока на поверхности не останется только его голова. Но мне ни разу не удалось увидеть это, паромщик всегда переправлялся на другую сторону, брал свой груз и возвращался назад.

Вскоре я снова был в той же комнате в нижней части горы вместе с моим Наставником, ламой Мингьяром Дондупом, и Великим Ламой-врачом Чинробнобо.

— Лобсанг! — сказал Великий Лама-врач, — собираясь исследовать пациента с целью оказания ему помощи, ты должен позаботиться о том, чтобы он или она сняли с себя все одежды.

— Достопочтенный Лама-врач! — сказал я в некотором смущении. — Я не вижу никакого смысла в полном обнажении людей при наших холодах, поскольку я прекрасно могу видеть их ауру, когда они в одежде, и нет никакой необходимости снимать с них хоть что-нибудь. О, уважаемый Лама! Как я смогу попросить женщину снять одежду?

Мои глаза полезли на лоб в ужасе от одной этой мысли. Я, должно быть, выглядел довольно комично, потому что оба моих Наставника залились смехом. Они даже уселись, чтобы удобнее было смеяться. Я стоял передними, ощущая себя совершенно глупым, полностью озадаченный всем этим. Я мог превосходно видеть ауру — совершенно без всяких усилий — и не видел причины для отказа от привычных условий восприятия.

— Лобсанг! — сказал Лама-врач, — ты очень одаренный ясновидящий, но существуют некоторые вещи, которых ты еще не видишь. Мы были свидетелями прекрасной демонстрации твоих возможностей видения человеческой ауры, но ты не увидел бы заболевания индийского ламы Марфаты, если бы он не снял одежду.

Я поразмыслил над этими словами и вынужден был признать, что они были справедливы; рассматривая необнаженного индийского ламу, я увидел многие вещи, связанные с его характером и человеческими качествами, но не заметил болезни печени.

— Вы совершенно правы, Достопочтенный Лама-врач, — сказал я, — и мне хотелось бы получить от вас дополнительные знания по этому вопросу.

Мой Наставник взглянул на меня и сказал:

— Когда ты смотришь на ауру какого-либо человека, ты хочешь видеть именно его ауру, тебя совершенно не интересует овца, из шерсти которой сделана мантия рассматриваемого человека. Аура искажается любой помехой, появляющейся на пути ее лучей. Если подышать на стеклянный лист, который мы недавно использовали, это повлияет на то, что ты сможешь увидеть сквозь него. Хотя это стекло и кажется прозрачным, на самом деле оно изменяет яркость или, скорее, цвет света, проходящего сквозь него. Точно так же изменяется интенсивность всех вибраций, которые ты

воспринимаешь от предмета, рассматриваемого сквозь осколок цветного стекла, вследствие влияния этого стекла. Именно поэтому аура необнаженного человека искажается в соответствии с эфирным состоянием одежды или украшений.

Я поразмыслил над этим и вынужден был согласиться, что в его словах было много существенного, а он продолжал:

— Необходимо учитывать также, что для каждого органа характерна собственная картина излучения, отражающая состояние его здоровья или болезни в эфирном слое. Аура обнаженного тела, свободная от влияния одежды, увеличивает и усиливает возможности восприятия. Совершенно очевидно, что, если ты собираешься помочь здоровому или больному человеку, ты должен исследовать его без одежды.

Он улыбнулся мне и сказал:

— А если погода холодная, почему бы, Лобсанг, не отвести человека в теплое место!

— Достопочтенный Лама! — сказал я. — Недавно вы сообщили мне, что работали над прибором, который позволит исцелять болезнь с помощью ауры.

— Совершенно верно, Лобсанг, — сказал Наставник, — болезнь — это просто отсутствие гармонии в вибрациях тела. Если у органа нарушена частота собственных молекулярных вибраций, его считают больным. Если мы действительно сможем увидеть, насколько вибрации органа отличаются от нормальных, то, восстановив должную частоту вибраций, получим эффект исцеления. В случае душевных болезней мозг обычно получает от Высшего Я сообщения, которые не может правильно проинтерпретировать, в результате чего рассуждения и действия человека отличаются от тех, которые считаются нормальными. О таком человеке говорят, что он психически нездоров. Устраняя несоответствия — рассогласование вибраций, — мы можем помочь человеку восстановить нормальное равновесие. Вибрации могут быть ниже нормальных, приводя к недостатку стимуляции, или выше нормальных, порождая картину воспаления мозга. Совершенно очевидно, что болезнь можно вылечить путем воздействия на ауру.

Здесь его прервал Великий Лама-врач, отметив:

— Между прочим, уважаемый коллега, лама Марфата обсуждал со мной этот вопрос и сказал, что в Индии, в некоторых удаленных ламаистских монастырях, проводятся эксперименты с устройствами для создания очень высоких напряжений, известных как — он запнулся и продолжал, — как генераторы де Граафа.

Он был не совсем уверен в точности приведенных терминов, но предпринял воистину мужественную попытку дать нам точную информацию.

— Этот генератор, очевидно, вырабатывает очень высокое напряжение при очень малом токе; подав определенным образом это напряжение на тело, можно так сильно увеличить интенсивность свечения ауры, что ее могут легко видеть даже не ясновидящие. Известно также, что при этих условиях можно делать фотографии ауры человека.

Мой Наставник утвердительно кивнул и сказал:

— Да, ауру человека можно видеть также с помощью специальной жидкой краски, которая помещается между двумя стеклянными пластинками. Обеспечив подходящее освещение и фон и рассматривая человеческое тело сквозь такой экран, многие люди действительно могут видеть ауру.

Я включился в беседу со словами:

— Но, Достопочтенные Наставники! Зачем людям использовать все эти хитрости? Я могу видеть ауру, почему же они не могут?

Оба Наставника снова рассмеялись. На этот раз они не сочли необходимым объяснять различие между обучением, которое получил я, и обучением среднего мужчины или женщины.

Лама-врач сказал:

— Сейчас мы действуем вслепую, мы пытаемся исцелять наших пациентов по правилу большого пальца, с помощью трав, пилюль и микстур. Мы подобны слепым,

пытающимся найти иголку в стоге сена. Нам нужен небольшой прибор, с помощью которого любой не ясновидящий мог бы видеть ауру человека, видеть все дефекты ауры и, рассматривая ее, устранять несоответствия или расхождения, которые являются истинной причиной болезни.

В оставшиеся дни недели мне показали действие гипноза и телепатии. Мои способности увеличились и усилились; мы вели беседу за беседой о наилучших способах видения ауры и разработки машины, способной видеть ауру. В последнюю ночь этой недели я пришел в свою маленькую комнатку ламаистского монастыря в Чакпори и, глядя в окно, думал, что утром снова возвращусь в гораздо большую общую спальню, где я спал вместе с многими другими людьми.

В деревне засветились огоньки. Последние затухающие лучи, появившись над скалистой окраиной нашей деревни, сверкнули внизу, коснулись золотых крыш, подобно искрящимся пальцам, посылающим вверх потоки золотого света, распадающегося на радужные цвета с золотым оттенком. Голубые, желтые, красные и даже зеленоватые цвета радовали глаз, постепенно тускнея с ослаблением света. Вскоре вся деревня была окутана темным бархатом — темно-синим или пурпурным бархатом, который, казалось, можно было пощупать пальцами. Через открытое окно я ощущал запах ив, запах растений в далеком саду подо мной. Легкий ветерок-бродяга доносил до моих ноздрей сильные запахи пыльцы и распускающихся цветов.

Исчезли последние слабые лучи солнца, длинные пальцы лучей света уже не пробивались между скал к окруженной горами деревне, зато они коснулись темнеющего неба и отразились от низких облаков, окрасив их в красные и голубые цвета. По мере того, как солнце все дальше и дальше опускалось за пределы нашего мира, ночь постепенно становилась все темнее. Вскоре на темно-пурпурном небе появились яркие капельки света, лучи Сатурна, Венеры и Марса. Затем засиял свет висевшей в небе выпуклой Луны с совершенно ясно и отчетливо видимыми неровностями поверхности, которую пересекало легкое перистое облачко. Луна напомнила мне женщину, надевающую одежду после исследования ауры. Я отвернулся, приняв каждой клеточкой своего существа решение сделать все, что смогу, чтобы расширить круг знаний о человеческой ауре и помочь тем, кто выходит в большой мир и несет помощь и облегчение миллионам страдающих людей. Я лег на каменный пол и крепко уснул почти в тот же момент, как моя голова коснулась сложенной мантии.

Глава 9 КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ТИБЕТЕ

Тишина была полной. В воздухе чувствовалась напряженность. Через длительные промежутки времени раздавался неуловимый шелест, который вскоре снова сменялся мертвой тишиной. Я осмотрелся и увидел длинные шеренги неподвижных фигур в мантиях, сидящих на полу с прямыми спинами. Это были настойчивые люди, они сосредоточились на делах внешнего мира. Некоторые, конечно, больше интересовались делами мира, *внешнего* по отношению к нашему! Мои глаза блуждали, останавливаясь то на одной, то на другой величественной фигуре. Здесь был великий Настоятель из удаленного округа. Был лама в бедной и скромной одежде, спустившийся с гор. Я неосознанно передвинул один из длинных низких столов, чтобы занять побольше места. Тишина была гнетущей, *живая* тишина, которой не должно быть при таком количестве людей в помещении.

Ба-бах! Тишина внезапно раскололась от сильного шума. Сидя со скрещенными ногами, я подскочил на треть фута от пола и одновременно каким-то образом повернулся вокруг себя. На полу, вытянувшись во всю длину, неподвижный от изумления, лежал библиотечный посыльный с книгами в деревянных обложках, которые еще продолжали постукивать вокруг него. Войдя тяжело нагруженным, он не заметил передвинутого мною стола. Стол, высотой всего лишь с полметра, оказался коварной подножкой. Сейчас этот

стол лежал на нем.

Заботливые руки аккуратно поднимали книги и стирали с них пыль. Книги почитаются в Тибете. Книги содержат знания, они никогда не должны оскверняться и неправильно использоваться. Сейчас все думали о книгах, а не о человеке. Я поднял стол и убрал его с дороги. О чудо, никто даже не подумал, что я заслуживаю порицания! Посыльный, потирая голову, пытался разобраться в том, что произошло. Я был далеко от него; очевидно, я не мог подставить ему подножку. Потряхивая головой от удивления, он вышел. Вскоре спокойствие было восстановлено, и ламы возвратились к своей работе в библиотеке.

Поскольку я повредил макушку и зад (в прямом смысле), работая на кухне, меня постоянно изгоняли оттуда. Теперь для «подсобной» работы я вынужден был отправляться в большую библиотеку и очищать от пыли резные изображения на обложках книг, и вообще следить за чистотой этого места. Тибетские книги большие и тяжелые. Деревянные обложки покрыты замысловатой резьбой, содержащей название, а также какое-нибудь изображение. Это была тяжелая работа — поднимать книги с полки, тихо относить их к своему столу, стирать пыль и затем возвращать на положенное место. Библиотекарь был очень аккуратным человеком, он тщательно проверял каждую книгу, чтобы убедиться, что она действительно чиста. Некоторые деревянные обложки использовались для хранения иностранных журналов и газет. Я особенно любил их рассматривать, хотя не мог прочитать ни одного слова. Во многих из этих иностранных газет многомесячной давности были фотографии, и я обычно внимательно рассматривал их, когда это было возможно. Чем больше библиотекарь пытался помешать мне, тем больше я копался в этих запрещенных книгах, как только его внимание отвлекалось от меня.

Фотографии колесных экипажей восхищали меня. Экипажей на колесах, конечно, не было во всем Тибете, и наши пророчества совершенно ясно указывали, что с появлением колес в Тибете наступит «начало конца». Тибет в будущем будет захвачен какой-то злой силой, распространяющейся в мире подобно раковой болезни. Мы надеялись, что, вопреки пророчеству, более крупные — более могущественные — нации не заинтересуются нашей маленькой страной, не имеющей воинственных намерений и не претендующей на жизненное пространство других наций.

Я увлекался и восхищался фотографиями одного из журналов (конечно, я не знал его названия). На некоторых фотографиях — в целой серии, — был показан процесс печатания журналов. Там были огромные машины с большими вращающимися цилиндрами и громадными зубчатыми колесами. На фотографиях люди работали, как маньяки, и я подумал, что в Тибете работают совершенно иначе. Здесь работают, гордясь своим мастерством, гордясь хорошо выполненной работой. Мысль о малейшей выгоде никогда не приходит в голову мастера в Тибете. Я переворачивал и рассматривал снова эти страницы, а потом думал о том, как изготавливаются вещи в Тибете.

Внизу в деревне Шо печатались книги. Умелые монахи-резчики вырезали на досках из прекрасного дерева тибетские буквы, делая это с неторопливостью, которая обеспечивала абсолютную точность, абсолютную верность малейших деталей. После того, как резчики завершали работу над печатной доской, другие работники брали ее и полировали так, чтобы на ней не осталось ни малейшей трещинки или шероховатости. Затем доску брали другие мастера с целью проверки правильности текста, так как в тибетской книге всегда запрещалось появление малейшей ошибки. Время несущественно, точность — это главное.

Изготовленные доски передавались монахам-печатникам. Они клали доску резьбой вверх на скамью и накатывали краску на выступающие резные слова. Конечно, изображения слов были обратными, чтобы после печати они выглядели должным образом. Покрытую краской доску еще раз тщательно проверяли, чтобы убедиться в отсутствии неокрашенных мест, после чего на окрашенную поверхность быстро накладывали лист

плотной бумаги, похожей на египетский папирус. К листу несколько раз прикладывали плавно нарастающее давление, а затем одним быстрым движением снимали его с поверхности доски. Монахи-инспекторы немедленно тщательно проверяли отпечатанную страницу, чтобы убедиться в отсутствии дефектов — малейшей линии. При выявлении дефекта бумажные листы не выбрасывались и не сжигались, а складывались в пачки.

Печатное слово в Тибете считалось почти священным. Уничтожение или хозяйственное использование бумаги, хранящей слова знаний или религии, считалось оскорблением идеи знания, поэтому со временем в Тибете, пачка за пачкой, кипа за кипой, накопилась масса листов бумаги с незначительными дефектами.

Если лист считался отпечатанным удовлетворительно, печатникам давали «добро», и они продолжали производство листов, в каждом из которых проверялось отсутствие дефектов так же тщательно, как и в первом. Я часто наблюдал за работой печатников и в процессе учебы должен был сам овладеть этой профессией. Я вырезал обратные изображения печатных слов, затем заглаживал заусенцы и под дотошным контролем покрывал доски краской, а позднее печатал книги.

В отличие от западных, тибетские книги не сшиваются. Создание тибетской книги является длительным делом или, возможно, было бы лучше сказать, что это широкое и одновременно очень короткое дело, потому что длина тибетской печатной линии — несколько страниц, а высота страницы может быть только около тридцати сантиметров. Все листы, содержащие необходимые страницы, раскладываются и в свое время — здесь нет спешки — просыхают. После многократной просушки книги собираются. Для сборки вначале берется нижняя доска переплета, к которой прикреплены две ленты, затем на эту доску в правильном порядке складываются страницы книги, и затем на собранную таким образом книгу, т. е. на пачку печатных страниц, помещается крышка — другая тяжелая доска. Крышка покрыта замысловатой резьбой, возможно изображающей сцены из книги, и, конечно, содержит название книги. С помощью двух лент крышка скрепляется с нижней доской и к ней прикладывается значительное давление, чтобы сжать все листы в плотную массу. Особа ценные книги затем тщательно упаковываются в шелк, и на такие пакеты ставятся печати, чтобы читатели только с соответствующими полномочиями могли открыть упаковку и нарушить спокойствие столь заботливо отпечатанной книги!

Мне казалось, что женщины на многих западных фотографиях были изображены в почти обнаженном виде; я решил, что в этих странах, должно быть, очень жаркий климат — по какой иной причине могли бы женщины расхаживать в одежде, едва прикрывающей наготу? На некоторых фотографиях лежали люди, очевидно мертвые, возле них стоял человек злодейского вида, держа в одной руке кусок металлической трубки, из которой вился дымок. Я никогда не мог понять смысл таких фотографий, поскольку, если судить по моим впечатлениям, казалось, что основное хобби людей западного мира — приходить в гости и убивать друг друга. После убийства появлялись мужчины в странных одеждах и надевали какие-то металлические предметы на запястья человека с дымящейся трубкой.

Полураздетые женщины совершенно не взволновали меня, не возбудили во мне какого-либо особого интереса, так как буддисты, индуисты и, фактически, все люди Востока знают, что секс необходим в человеческой жизни. Я знал, что сексуальные переживания являются, возможно, наивысшей формой экстаза, доступной человеку во время его телесного существования. По этой причине многие из наших религиозных картин изображают мужчину и женщину — которые обычно считаются богом и богиней — в очень тесных объятиях. Благодаря тому, что реальные факты жизни и рождения были так хорошо известны, отсутствовала особая необходимость скрывать сущность этих фактов, и иногда какая-то деталь картины была почти фотографической. Для нас такая деталь ни в коей мере не была порнографией, непристойностью, а считалась просто наиболее подходящим способом иллюстрации того факта, что союз мужчины и женщины порождает определенные особые чувства. Нам было известно, что союз душ позволяет испытывать намного большие удовольствия, но, конечно, не в этом мире.

Из бесед с торговцами в городе Лхаса и в деревне Шо, а также со странниками, отдохавшими на обочине дороги возле Западных ворот, я получил изумительную информацию о том, что в западном мире считалось непристойным показывать свое тело другим людям. Я не понимал причины этому, поскольку наиболее элементарным фактом жизни является существование двух полов. Я помнил беседу со старым торговцем, часто путешествовавшим между Калимпонгом в Индии и Лхасой. В течение довольно значительного времени я старался встречать его у Западных ворот и приветствовать с еще одним успешным посещением нашей страны. Мы часто стояли и болтали в течение некоторого времени, я сообщал ему новости Лхасы, а он рассказывал мне новости большого внешнего мира. Кроме того, он часто приносил книги и журналы для моего Наставника, ламы Мингьяра Дондуца, и у меня появлялась приятная задача их доставки. Этот знакомый торговец однажды сказал мне:

— Я много рассказывал тебе о западных людях, но я до сих пор не понимаю их. Одна из их поговорок особенно непонятна мне. Они говорят: «человек создан по образу Бога», и в то же время они боятся показывать свое тело, созданное, по их утверждениям, по подобию Бога. Не означает ли это, что они стыдятся внешнего вида Бога?

Он вопросительно взглянул на меня, и я, конечно, был в совершенной растерянности, я не знал правильного ответа на этот вопрос. Человек создан по образу Бога. Мы, так называемые язычники, не стыдились своих тел, мы знали, что без секса невозможно продолжение рода. Мы знали, что секс, в определенных случаях и при определенных условиях, конечно, увеличивает духовность мужчины и женщины.

Я был так же поражен, когда услышал, что некоторые, возможно, годами состоявшие в браке мужчины и женщины никогда не видели обнаженных тел друг друга. Когда он сообщил, что они «занимаются любовью» только с опущенными шторами и без света, я, помню, подумал, что мой информатор принимает меня за неуклюжего деревенского парня, который слишком глуп, чтобы знать о вещах, происходящих в мире. После одной из подобных встреч я решил при первой возможности расспросить своего Наставника, ламу Мингьяра Дондуца, о сексе в западном мире. Я повернулся спиной к Западным Воротам и помчался по дороге к узкой, опасной тропе, которую мы, чела Чакпори, предпочитали использовать вместо общедоступной дороги. Эта тропа могла испугать альпиниста, часто она пугала также и нас, но было делом чести не использовать обычную тропу, когда мы были с ребятами постарше и, по-видимому, получше нас. Способ подъема по тропе делал необходимым подтягивание на остроконечные «зубы» скалы, осторожный спуск на руках с некоторых открытых уступов и постоянное выполнение таких действий, которые не станет делать ни один человек в здравом уме, если судьба не гарантирует ему удачу. В конце концов я достиг вершины и поднялся в Чакпори маршрутом, от которого наших прокторов хватил бы удар, если бы они узнали о нем. И вот наконец я стоял во внутреннем дворе, намного более уставший, чем при подъеме по ортодоксальной тропе, но, по крайней мере, честь была сохранена. Я поднялся по этому маршруту несколько быстрее, чем некоторые другие чела спустились бы по нему вниз.

Я стряхнул пыль и мелкие камешки со своей мантии и очистил чашку, в которую набились различные небольшие растения, а затем, чувствуя себя вполне представительным, направился на поиски моего Наставника, ламы Мингьяра Дондуца. Огибая угол, я увидел его идущим в противоположную от меня сторону и позвал:

— О Достопочтенный Лама!

Он остановился, повернулся и направился ко мне — действие, которое, возможно, не совершил бы ни один человек в Чакпори, поскольку только мой Наставник рассматривал каждого мужчину и мальчика как равного и обычно говорил, что в каждом видит не внешнюю форму, не тело, в которое человек сейчас облачен, а то — что внутри, что управляет телом. Наставник сам был Великим Воплощением, которое легко опознавалось по его возвращению в тело. Для меня запомнившимся навсегда уроком была

смирность этого великого человека и его постоянное внимание к чувствам не только тех, кто был просто «не так велик», но и тех, кто был — грубо говоря — явно низким человеком.

— Ну что же, Лобсанг, — сказал мой Наставник. — Я видел твоё восхождение по запрещенной тропе, и если бы я был проктором, ты бы испытывал сейчас массу страданий в различных местах; для тебя было бы радостью стоять на ногах в течение многих часов.

Он засмеялся и сказал:

— Однако я сам проделывал точно такие же трюки и до сих пор ещё испытываю нервное возбуждение, возможно непозволительное, наблюдая за теми, кто совершает поступки, уже недоступные мне. Ну а все-таки, из-за чего спешка?

Я взглянул на него и сказал:

— Достопочтенный Лама! Я слышал ужасные вещи о людях западного мира, и мой ум, воистину, пребывает в постоянном смятении, поскольку я не могу понять, смеются ли надо мной — возможно, меня хотят сделать большим дураком, чем я есть, — или чудеса, описанные мне, на самом деле являются фактами.

— Пойдем, Лобсанг, — сказал Наставник, — я как раз направлялся в свою комнату, намереваясь медитировать, но давай вместо этого обсудим твои проблемы. Медитация может подождать.

Мы пошли вместе в комнату ламы Мингьяра Дондупа, которая возвышалась над парком Сокровищ. Я вошел в комнату вслед за ним.

Вместо того чтобы сразу начать беседу, он позвонил служителю и попросил его принести нам чай. Затем он (и я рядом с ним) пересек комнату и посмотрел в окно на прелестный уголок земли. Уголок, который, возможно, был одним из самых прекрасных мест во всем мире. Под нами, чуть левее, был плодородный густой парк, известный как Норбу-Линга, или парк Сокровищ. Прекрасная чистая вода блестела среди деревьев, и небольшой храм Высочайшего, расположенный на острове, светился в солнечных лучах. Кто-то пересекал реку по каменистой дамбе — тропе поперек течения реки, сделанной из плоских камней, расположенных в шахматном порядке, чтобы не создавать помех воде и рыбе. Я внимательно присмотрелся и подумал, что идущий человек похож на одного из высших членов правительства.

— Да, Лобсанг, он направляется на встречу с Высочайшим, — сказал мой Наставник в ответ на мою невысказанную мысль. Вместе мы наблюдали в течение некоторого времени, так как было приятно смотреть на парк, за которым вилась, сверкая, Счастливая Река, как будто радуясь прекрасному дню. Мы могли также видеть паром внизу, одно из моих любимых мест — для меня неиссякаемым источником удовольствия и восхищения было наблюдение за тем, как паромщик садится на свое суденышко из надутых шкур и весело гребет, двигаясь к другой стороне реки.

Ниже, между нами и Норбу-Линга, по Лингкорской дороге медленно шли паломники. Они проходили, едва взглянув на наш Чакпори, но постоянно следя за тем, чтобы увидеть, если удастся, что-нибудь интересное в парке Сокровищ. Они всегда были начеку, поскольку наверняка знали, что Высочайший находится в Норбу-Линга. Я мог видеть также Кашья-Линга, маленький густой парк, примыкавший к Паромной дороге. Была видна небольшая дорога, идущая от Лингкорской дороги вниз к Кай-Чу, она использовалась главным образом путешественниками, которые хотели переправиться на пароме. Некоторые, однако, использовали его, чтобы добраться до сада Лам, который был на другой стороне Паромной дороги.

Служитель принес нам чай и вкусную пищу. Мой Наставник сказал:

— Прошу, Лобсанг, давай прервем наш пост, поскольку у мужчин, которые собираются дискутировать, не должно быть пусто в желудке, иначе их головы также окажутся пустыми!

Он опустился на одну из плотных подушек, которые в Тибете используются вместо стульев и на которых сидят скрестив ноги. Усевшись, он жестом предложил мне следовать

его примеру, и я с готовностью сделал это, потому что вид пищи всегда заставлял меня поторапливаться. Мы ели в относительной тишине. В монастырях Тибета только чтец Священных Текстов мог нарушать эту тишину. Этот чтец размещался на высоком месте и, помимо чтения книги, мог наблюдать за собранием монахов и немедленно замечать тех, кто настолько увлечен поглощением пищи, что не успевает слушать его слова. На подобных собраниях также должны присутствовать прокторы, чтобы пресекать разговоры. Но мы были одни; мы обменялись несколькими отрывистыми замечаниями, зная, что многие из старых обычаев, таких, как молчание во время еды, хороши для обеспечения дисциплины в толпе, но совершенно излишни для пары человек, подобных нам. Таким образом в своем тщеславии я причислил себя к кругу коллег одного из истинно великих людей своей страны.

— Ну, что же, Лобсанг, — сказал мой Наставник, когда мы покончили с едой, — скажи мне, что так сильно беспокоит тебя?

— Достопочтенный Лама! — сказал я в некотором возбуждении. — Я получил удивительную информацию о людях Запада от торговца из Индии, с которым обсуждал у Западных Ворот некоторые детали одного интересного вопроса. Он сказал мне, что эти люди считают наши религиозные картины непристойными. Он сообщил мне невероятные вещи об их сексуальных привычках, и я совершенно не уверен, что он не принимает меня за дурака.

Наставник взглянул на меня, подумал минуту или две и сказал:

— Чтобы разобраться в этом вопросе, Лобсанг, потребуется более одной беседы. Мы сейчас должны идти на службу, ее время уже приближается. Давай вначале обсудим один из аспектов вопроса, согласен?

Я кивнул, очень нетерпеливо, потому что действительно был очень озадачен всем этим. Затем мой Наставник сказал:

— Все это идет от религии. Религия Запада отличается от религии Востока. Мы должны учесть этот момент и увидеть его роль в рассматриваемой теме.

Он оправил на себе мантию и звонком пригласил служителя убрать со стола. Когда это было сделано, он повернулся ко мне и начал обсуждение, которое я нашел захватывающе интересным.

— Лобсанг, — сказал он, — мы должны провести параллель между одной из религий Запада и нашей буддийской религией. На занятиях ты поймешь, что учение нашего Великого Гаутамы несколько изменилось с течением времени. За те годы и столетия, которые протекли с момента ухода Гаутамы из этого мира и его вознесения к Просветлению, Учение, которое проповедовал он лично, изменилось. Многие из нас считают, что это было изменение в худшую сторону. Другие думают, что Учение было приведено в соответствие с современной мыслью.

Он взглянул на меня, чтобы убедиться, что я следую за его мыслями с достаточным вниманием и понимаю, о чем он говорит. Я понимал и слушал очень внимательно. Коротко кивнув, он продолжал:

— У нас есть Великий, которого мы называем Гаутамой и которого некоторые называют просто Буддой. У христиан также есть свой Великий. Их Великий предложил определенное Учение. Легенды и, фактически, реальные записи, подтверждают тот факт, что христианский Великий, который, согласно христианскому священному писанию, скитался в Пустыне, действительно посетил Индию и Тибет в поисках информации, в поисках знания о религии, которая была бы пригодна для западных религиозных взглядов и склада ума. Этот Великий прибыл в Лхасу и действительно посетил наш собор Те-Йо-Канг. Этот Великий возвратился затем на Запад и создал религию, которая была во всех отношениях превосходна и приемлема для людей Запада. После ухода этого Великого из нашего мира — как и после ухода Гаутамы — в христианской церкви возникли некоторые разногласия. Приблизительно через шестьдесят лет после ухода* был созван съезд, или Собор, в городе Константинополе. В христианской догме были сделаны определенные

изменения — определенные изменения были сделаны в христианской вере. Вероятно, некоторые из священников того времени чувствовали, что должны пойти на некоторые уступки, чтобы сохранить добрые отношения со своими наиболее непокорными прихожанами.

Снова он взглянул на меня, чтобы убедиться, что я слежу за его мыслями. Снова я продемонстрировал, что не только понимаю их, но и крайне заинтересован беседой.

— Люди, собравшиеся на съезде в Константинополе в шестидесятом году, были мужчинами, без сочувствия относившимися к женщинам, точно так же, как некоторые из наших монахов испытывают слабость при одной только мысли о женщине. Большинство из них рассматривало секс как что-то нечистое, к чему можно прибегать только в случае абсолютной необходимости с целью увеличения народонаселения. Это были мужчины, не имевшие никаких сексуальных побуждений. Несомненно, у них были другие побуждения, возможно, некоторые из этих побуждений были духовными, — я не знаю, — я только знаю, что в шестидесятом году они решили, что секс является чем-то нечистым, является делом дьявола. Они решили, что дети приходят в мир нечистыми и не заслуживают благодати, пока не будут определенным образом очищены.

* Так в оригинале. На самом деле Константинополь был основан в 324—330 гг. н. э. Когда состоялся упоминаемый здесь Собор, выяснить не удалось. — *Прим. ред.*

Он сделал короткую паузу и затем, улыбнувшись, сказал:

— Я не знаю, что, по их мнению, должно было случиться с миллионами детей, рожденных до этого съезда в Константинополе!

— Ты поймешь, Лобсанг, что я даю тебе информацию о христианстве в соответствии со своими представлениями о нем. Возможно, когда ты окажешься среди этих людей, у тебя будет другая информация и другие впечатления, которые могут переменить моё мнение и впечатления.

Едва он закончил, зазвучали раковины, заревели храмовые трубы. Вокруг началась упорядоченная суэта дисциплинированных мужчин, готовящихся к службе. Мы также поднялись и привели в порядок наши мантии, прежде чем направиться к храму на службу. Расставаясь на входе, мой Наставник сказал:

— Приходи в мою комнату после службы, Лобсанг, и мы продолжим обсуждение.

Я вошел в храм и занял свое место среди чела, и молился, и благодарил своего сугубо личного Бога за то, что я такой же тибетец, как мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп. Я превосходно себя чувствовал в старом храме, в атмосфере обожания, в легких плывущих облачках ладана, обеспечивающего наше общение с людьми на других планах существования. Дым ладана — не просто приятный запах, не средство для «дезинфекции» храма — это активное воздействие, организованное таким образом, что при помощи выбора подходящего вида благовоний мы можем управлять частотой вибраций. В этот вечер в храме носившийся в воздухе запах ладана придавал этому месту атмосферу доброго старого мира. Со своего места среди чела моей группы я смотрел в туманную мглу помещения храма. Раздавались низкие звуки поющих голосов старых лам, время от времени сопровождаемые звоном серебряных колокольчиков. Сегодня вечером среди нас был японский монах. Он прошел все дороги по нашей земле, некоторое время перед этим пробыв в Индии. Он был великим человеком в своей родной стране и принес с собой деревянные барабаны, которые играли такую большую роль в религии японских монахов. Я был в изумлении от разносторонности этого монаха, от замечательной музыки, которую он извлекал из своих барабанов. Мне казалось поистине удивительным, что удар по какой-то разновидности деревянного ящика может звучать настолько музыкально. У него был деревянный барабан и особая трещотка с прикрепленными к ним маленькими колокольчиками. Кроме того, наши ламы сопровождали его музыку серебряными колокольчиками, а большая храмовая раковина гудела в подходящий момент. Мне казалось, что весь храм вибрирует, стены танцуют, а мерцание и туман в удаленных

нишах превратились в лица давно умерших лам. Но, в кои-то веки, служба слишком быстро закончилась, и я поспешил, как было условлено, к своему Наставнику, ламе Мингьяру Дондупу.

— Ты не теряешь времени даром, Лобсанг! — сказал мой Наставник приветливо. — Я предполагал, что ты не упустишь хотя бы одну из тех многочисленных закусок!

— Нет, Достопочтенный Лама. Я очень хочу разобраться в вопросах секса, поскольку, признаюсь, вопрос секса в западном мире привел меня в изумление после того, как я так много услышал о нем от торговцев и других людей.

Он засмеялся и сказал:

— Секс везде вызывает массу интереса! В конце концов, именно секс держит людей на этой Земле. Мы обсудим этот вопрос, раз это тебе так нужно.

— Достопочтенный Лама, — сказал я, — ранее вы говорили, что секс является второй величайшей силой в мире. Что вы хотели этим сказать? Если секс настолько необходим для поддержания народонаселения мира, почему он не является наиболее важной силой?

— Величайшей силой в мире, Лобсанг, — сказал мой Наставник, — является не секс, величайшей из всех является сила воображения, поскольку без воображения не было бы и сексуальных импульсов. Если самец не имеет воображения, он не может интересоваться самкой. Без воображения не было бы ни писателей, ни артистов, не было бы ничего, что является конструктивным и добропорядочным!

— Но, Достопочтенный Лама, — сказал я, — не утверждаете ли вы, что воображение необходимо для секса? И если так, то применимо ли понятие воображения к животным?

— Воображение присуще животным, Лобсанг, точно так же, как человеку. Многие люди думают, что животные являются неразумными созданиями, совершенно не обладающими интеллектом и не способными к рассуждению, тем не менее я, прожив достаточно много лет, скажу тебе другое.

Наставник посмотрел на меня и затем, погрозив пальцем, сказал:

— Ты заявляешь, что любишь котов, живущих в храме, мог ли ты сказать мне это, если бы они не имели воображения? Ты всегда беседуешь с котами в храме, останавливаешься, чтобы приласкать их. После того как ты был ласков с ними один раз, они будут ожидать тебя второй раз, и третий и т. д. Если бы это была простая бесчувственная реакция, если бы это были просто условные рефлексы, то коты не ждали бы тебя во втором и в третьем случае, а ожидали бы, пока у них не выработается соответствующая привычка. Нет, Лобсанг, любое животное имеет воображение. Животное воображает удовольствие от общения со своим партнером, и затем происходит неизбежное!

Когда я стал размышлять над этим вопросом, мне стало совершенно ясно, что мой Наставник был абсолютно прав. Я видел маленьких птичек, маленьких самочек, трепетавших крылышками почти так же, как молодая женщина мигает своими ресницами. Я наблюдал за маленькими птичками и видел их вполне реальную тревогу при ожидании возвращения самцов, постоянно занятых поиском пищи. Я видел радость, с которой любящая маленькая птичка приветствует своего супруга при его возвращении. Теперь, когда я подумал об этом, мне стало ясно, что животные действительно имеют воображение, и таким образом я смог понять смысл замечания моего Наставника о воображении как величайшей силе на Земле.

— Один торговец сказал мне, что чем духовнее человек, тем враждебнее он относится к сексу — сказал я. — Правда это, или надо мной насмеются? Я услышал так много странных историй, что действительно не знаю, какую занять позицию в этом вопросе.

Лама Мингьяр Дондуп ответил, печально наклонив голову:

— Это совершенная правда, Лобсанг, что многие люди, интересующиеся

окультурными предметами, испытывают сильное отвращение к сексу; тебе уже говорили, что величайшие оккультисты не являются нормальными людьми, т. е. что у них какие-то физические отклонения. Человек может страдать от тяжелой болезни, такой, как туберкулез, рак или что-нибудь еще в этом роде. У человека может быть нервная болезнь, и, какова бы она ни была, это — болезнь, и подобная болезнь усиливает метафизическое восприятие.

Он слегка нахмурился и продолжал:

— Многие люди считают сексуальный импульс сильным стимулом. Некоторые по той или иной причине используют методы сублимации сексуального стимула, и они могут обратиться к духовным предметам. Как только мужчина или женщина отворачиваются от какой-то вещи, они становятся смертельными врагами этой вещи. Нет более великого реформиста — участника антиалкогольной компании, чем излечившийся пьяница! Точно так же мужчина или женщина, отрешившись от секса (возможно, потому, что они не могут удовлетворить или быть удовлетворенными), обратятся к оккультным предметам, и вся сила стимула, которая раньше была направлена (успешно или безуспешно) на сексуальные приключения, теперь посвящается оккультным приключениям. Но, к несчастью, эти люди очень часто слишком неуравновешенны в этом вопросе; они имеют склонность нести вздор — что прогресс возможен только при отказе от секса. Ничто не может быть более фантастическим, ничто не может быть более искаженным. Некоторые из величайших людей способны наслаждаться нормальной жизнью и одновременно быстро прогрессировать в метафизике.

Как раз в этот момент вошел Великий лама-врач Чинробнобо, мы приветствовали его, и он присел рядом.

— Я как раз рассказываю Лобсангу некоторые вещи о сексе и оккультизме, — сказал мой Наставник.

— Ах, да! — сказал лама Чинробнобо. — Пора дать ему некоторую информацию об этом, я уже давно об этом думаю. Мой Наставник продолжал:

— Ясно, что люди, использующие секс нормально — как его предназначено использовать, — увеличивают свою духовную силу. Секс не такая штука, которой стоит злоупотреблять, но, с другой стороны, и не такая, чтобы от нее отказываться. Передавая вибрацию другому человеку, можно увеличить его духовность. Я хочу, однако, обратить твое внимание, — сказал он, строго глядя на меня, — сексу следует предаваться только людям влюбленным, связанным духовной близостью. Недозволенный, незаконный акт является по сути проституированием тела и может навредить, так же как законный может помочь. По этой же причине каждый должен иметь только одного партнера, избегая всех соблазнов, которые уведут с пути правды и справедливости.

Лама Чинробнобо сказал:

— Есть еще один вопрос, на котором Вы должны остановиться, уважаемый коллега, он связан с управлением рождаемостью. Я оставлю вас, чтобы вы могли заняться этим вопросом.

Он поднялся, степенно поклонился нам и покинул комнату. Мой Наставник помолчал некоторое время, а потом спросил:

— Ты еще не устал от беседы, Лобсанг?

— Нет, Учитель! — ответил я.

— Далее, тебе следует знать, что в начальный период жизни на Земле люди жили племенами. В различных районах мира существовали небольшие племена, которые со временем разрослись. Между племенами начались ссоры, неизбежные, как представляется, в мире людей. Племена воевали друг с другом. Победители убивали мужчин побежденных племен, а женщин забирали. Скоро стало ясно, что чем больше семья, которую сейчас называют родом, тем она сильнее и защищеннее от агрессивных действий других семей.

Он немного печально посмотрел на меня и продолжал:

—Роды разрастались годами, столетиями. Некоторые люди становились священниками, обладающими небольшим политическим влиянием, но смотревшими в будущее! Эти священники решили, что у них должен быть священный закон — который они могли бы назвать велением Бога, — и который помог бы роду как целому. Они учили, что человек должен плодиться и размножаться. В те дни это было насущной необходимостью, потому что, если люди не «размножались», их племена слабели и, возможно, полностью исчезали. Таким образом, священники, которые внушали людям необходимость плодиться и размножаться, просто гарантировали будущее своему собственному роду. После многих и многих столетий, однако, стало совершенно ясно, что люди размножаются с такой скоростью, что миру угрожает перенаселение. Людей стало больше, чем допускают пищевые ресурсы Земли. С этим нужно было что-то делать.

Я мог воспринимать его мысли, они имели смысл для меня, и я был рад осознать, что мои друзья по Парго-Калинг—торговцы, путешествовавшие так долго и на такие большие расстояния, — сказали мне правду. Мой Наставник продолжал:

—Даже сейчас некоторые религии запрещают накладывать какие-либо ограничения на количество рождающихся детей, но если взглянуть на мировую историю, можно видеть, что причиной большинства войн является недостаток жизненного пространства у агрессора. В стране быстро растет население, и там понимают, что если рост будет продолжаться с той же скоростью, у народа не будет ни достаточного количества пищи, ни перспектив. Тогда они начинают войну, заявляя, что должны иметь жизненное пространство!

— В таком случае, Достопочтенный Лама, — сказал я, — как вы предложили бы решить эту проблему?

—Лобсанг! — ответил он. — Проблема легко решается, если мужчины и женщины доброй воли собираются для ее обсуждения. Старые виды религии — старые религиозные учения — были вполне пригодны, когда мир был молодым, когда людей было мало, но сейчас неизбежно появление новых подходов — и они возникнут в свое время. Ты спрашиваешь, что бы я делал в данной ситуации? Что ж, я бы сделал следующее: я бы сделал легальным управление рождаемостью. Я бы научил всех людей управлять рождаемостью, объяснив, что это такое, как это осуществляется, и все остальные вещи, известные по этому вопросу. Я бы позаботился о том, чтобы люди, желающие иметь детей, могли иметь, возможно, одного или двух, а тем, кто не желает, дал бы знания, позволяющие избежать деторождения. Согласно нашей религии такое решение проблемы не является преступлением. Я изучил старые книги, появившиеся за много-много веков до того, как появилась жизнь в западных частях земного шара, ибо, как тебе известно, жизнь вначале появилась в Китае и в областях вокруг Тибета, а затем распространилась в Индии, после чего начала продвигаться в западном направлении. Однако у нас речь не об этом.

Именно в этот момент и в этом месте я решил как можно скорее упросить моего Наставника рассказать побольше о происхождении жизни на этой Земле, но тут же вспомнил, что сейчас пытаюсь разобраться во всех вопросах, связанных с сексом. Наставник наблюдал за мной, и, как только увидел, что я внимательно слушаю, продолжил:

— Как я говорил, причиной большинства войн является перенаселенность. Это факт, что войны будут в будущем — войны будут всегда, — пока существует огромное и постоянно увеличивающееся население. И так должно быть в силу необходимости, потому что в противном случае мир был бы абсолютно переполнен людьми, точно так же, как мертвая крыса быстро начинает кишеть массой муравьев. Когда ты покинешь Тибет, где очень мало населения, и попадешь в некоторые большие города мира, ты будешь удивлен и напуган огромными толпами людей. Люди должны приходить на Землю, чтобы учиться различным вещам, и если бы здесь не было войн и болезней, то не было бы и никакого способа управлять населением и обеспечивать его достаточным количеством пищи. Люди были бы подобны стае саранчи, съедающей все на своем пути, загрязняющей

все, и в конце концов они должны были бы полностью уничтожить самих себя.

— Достопочтенный Лама! — сказал я. — Некоторые торговцы, рассказывавшие об управлении деторождением, сообщили, что очень многие считают такое управление злом. И все же, почему они так думают?

Мой Наставник подумал некоторое время, вероятно удивляясь тому, как много он должен сказать мне, еще такому юному, а затем сказал:

— Управление деторождением кажется некоторым людям убийством нерожденного человека, но по нашей вере, Лобсанг, дух не входит в нерожденного ребенка. Согласно нашей вере, преднамеренное убийство вообще невозможно, но, как бы там ни было, совершенно абсурдно, конечно, считать, что убийством является принятие мер предотвращения зачатия. Точно так же можно считать, что мы убиваем массу растений, когда не даем прорасти их семенам. Люди слишком часто воображают, что являются самыми превосходными существами, когда-либо появлявшимися в этой великой Вселенной. На самом деле люди являются только одной из форм жизни, и при этом не самой высшей формой, однако у нас нет времени углубляться в эти вопросы в настоящее время.

Я подумал о другой вещи, которую слышал и которая казалась настолько шокирующей — такой ужасной! — что я с трудом заставил себя сказать о ней. Однако я сделал это.

— Достопочтенный Лама! Я слышал, что некоторых животных, например коров, оплодотворяют неестественными способами. Верно ли это?

Мой Наставник был шокирован на мгновение, а затем сказал:

— Да, Лобсанг, это абсолютно верно. В западном мире есть люди, пытающиеся увеличить поголовье крупного рогатого скота с помощью метода, который они называют искусственным оплодотворением и при котором корова оплодотворяется человеком с помощью огромного шприца вместо использования быка для выполнения необходимой работы. Кажется, эти люди не представляют себе, что сотворение ребенка — независимо от того, будет это детеныш человека, медведя или коровы — означает больше, чем просто механическое спаривание. Если нужна хорошая порода, то должна быть любовь или какая-то форма любовной привязанности в процессе спаривания. Если бы человек рождался в результате искусственного оплодотворения, он был бы существом, рожденным без любви, он был бы неполноценным человеком. Повторяю тебе, Лобсанг, что рождение более совершенного человека или животного будет возможно только тогда, когда родители любят друг друга, когда у обоих возрастает как духовная, так и физическая вибрация. Искусственное оплодотворение, осуществляемое в обстановке равнодушия и отсутствия любви, приводит к вырождению породы. Я думаю, что искусственное оплодотворение является одним из серьезных преступлений на этой земле.

В комнату украдкой заползали вечерние сумерки, окутывая ламу Мингьяра Дондупа нарастающим полумраком, и когда полумрак сгустился, я увидел его ауру, пылающую благородным золотым цветом духовности. Для меня, ясновидящего, свет ауры казался очень ярким и пронизывающим полумрак. Мое восприятие сказало мне — как будто я не знал этого раньше, — что я нахожусь рядом с одним из величайших людей Тибета. Я ощутил наполняющее меня тепло, почувствовал, что все мое существо преисполнено любви к нему, моему Наставнику и Учителю.

Внизу снова заревели храмовые раковины, но на этот раз они звали не нас, они звали других. Вместе мы подошли к окну и посмотрели в него. Наставник положил руку на мое плечо, мы смотрели на деревню под нами, которая была окутана пурпурным полумраком.

— Пусть твое сознание будет твоим Наставником, Лобсанг, — сказал лама Мингьяр Дондуп. — Ты всегда узнаешь, что правильно и что ошибочно. Ты пойдешь далеко — дальше, чем можешь вообразить, — и у тебя будет много соблазнов. Пусть твое сознание будет твоим Наставником. Мы, тибетцы, — мирный народ, мы малочисленны,

мы живем спокойно, верим в святых, верим в святость Духа. Где бы ты ни был, каким бы испытаниям ни подвергался, пусть твое сознание будет твоим Наставником. Мы пытаемся помочь тебе расширить сознание. Мы пытаемся дать тебе величайшие телепатические способности и ясновидение, чтобы в будущем, пока будешь жив, ты всегда мог телепатически связываться с Великими Ламами, живущими здесь, высоко в Гималаях, которые позднее будут посвящать все свое время ожиданию твоих сообщений.

Ожиданию моих сообщений? Я боюсь, что моя нижняя челюсть отвисла от удивления: «мои» сообщения? Что такого особенного было во мне? Почему Великие Ламы должны все время ждать моих сообщений? Мой Наставник засмеялся и похлопал меня по плечу.

— Смысл твоего существования, Лобсанг, заключается в выполнении специальной задачи. Вопреки всем лишениям, вопреки всем страданиям ты успешно выполнишь эту задачу. Но было бы явно несправедливо оставить тебя одного во враждебном мире, где тебя будут высмеивать, называть лжецом и аферистом. Никогда не отчаивайся, никогда не отрекайся, ибо справедливость восторжествует. Ты, Лобсанг, одержишь победу!

Вечерние сумерки сменились ночной темнотой, под нами помигивали огоньки древнего города. Сверху, из-за кромки гор, за нами подглядывал молодой месяц. Многие миллионы планет мерцали в пурпурных небесах. Я взглянул вверх, думая обо всех предсказаниях моей судьбы, обо всех пророчествах в отношении меня. Я думал также о надежде и доверии, выраженном моим другом, моим Наставником, ламой Мингьяром Дондулом. И я был удовлетворен.

Глава 10 ШКОЛА ЖИЗНИ

Учитель был в плохом настроении; возможно, его чай оказался слишком холодным, или тсампа не была поджарена, или они были смешаны не по его вкусу. Учитель был в плохом настроении; мы сидели в классе, дрожа от страха. Он уже успел неожиданно наброситься на учеников, сидевших справа и слева от меня. У меня была хорошая память, я знал урок в совершенстве и мог повторить наизусть главу и стих любого раздела каждого из ста восьми томов Кангьяра.

«Шмяк! Шмяк!» Я и еще несколько мальчиков слева и справа от меня от неожиданности подпрыгнули на фут от пола. Некоторое время мы не могли понять, кому из нас достаются побои, затем, когда учитель приложился покрепче, мне стало ясно, что этим несчастным был я. Он продолжал избиение, бормоча все время:

— Любимец лам! Избалованный идиот! Я научу тебя усваивать хоть что-нибудь!

Пыль из моей мантии поднялась удушливым облаком и заставила меня чихать. По непонятной причине это еще сильнее взбесило учителя, и он заработал по-настоящему, выколачивая из меня еще больше пыли. К счастью, он не знал, что я предвидел его плохое настроение и постарался надеть на себя больше одежды, чем обычно, так что — он стал бы еще злее, узнав об этом, — удары не очень сильно беспокоили меня.

Этот учитель был тираном. Он добивался во всем совершенства, сам не будучи совершенным. Мы не только должны были безупречно знать слова нашей классной работы, но если произношение или спряжение точно не соответствовало его желанию, он извлекал палку, быстро заносил ее назад для размаха и затем обрушивал на наши спины. Сейчас он как будто выполнял физическое упражнение, и я почти задышался от пыли. Маленькие мальчики в Тибете, как и маленькие мальчики в любом другом месте, катаются в пыли, когда дерутся или играют, и если они полностью изолированы от любого женского внимания — нет гарантии, что пыли не будет в их одежде; моя одежда была полна пыли, и ситуация очень напоминала весеннюю уборку. Учитель продолжал наносить сильные удары:

— Я покажу тебе, как неправильно произносить слово! Выказывать неуважение к священному знанию! Избалованный идиот, всегда пропускающий занятия и после

возвращения знающий больше, чем те, кого учу я. Никуда не годный мальчишка, я проучу тебя, ты научишься у меня кое-чему так или иначе!

В тибетской школе ученики сидят скрестив ноги на полу или чаще на подушках высотой около десяти сантиметров. Перед ними находятся столы высотой примерно от тридцати до сорока пяти сантиметров в зависимости от роста ученика. Учитель внезапно с силой надавил рукой на мой затылок и прижал мою голову к столу, на котором лежала грифельная доска и несколько книг. Придав мне подходящее положение, он занялся мной всерьез. Я извивался просто по привычке, не из-за боли, потому что вопреки самым серьезным стараниям, он не достигал цели. Мы были закаленными школьниками, почти буквально «выдубленными, как кожа», а подобные ситуации были для нас обычным явлением. Кто-то из шести или семи мальчиков справа от меня потихоньку захихикал, учитель отбросил меня, как будто я вдруг раскалился докрасна, и как тигр набросился на другого мальчика. Я был достаточно осторожен, чтобы не подавать никаких признаков радости, когда увидел облако пыли, поднимающееся над несколькими мальчиками в ряду! Справа раздавались разнообразные возгласы, выражавшие боль, страх и ужас, поскольку учитель начал наносить удары без разбора, не пытаясь найти виновного. Наконец, задыхаясь и, несомненно, почувствовав себя немного лучше, он прекратил экзекуцию.

— Ха! — он дышал с трудом. — Это научит вас, маленькие бестии, обращать внимание на мои слова. Теперь, Лобсанг Рампа, встань снова и убедись, что твое произношение стало безупречным.

Я опять начал все сначала, а когда я думал о деле, я действительно мог делать его достаточно хорошо. На этот раз я думал, все время думал, так что больше не было нежелательных эмоций и безжалостных ударов учителя.

В течение всего занятия, длившегося пять часов, учитель гордо расхаживал по классу и очень внимательно следил за нами. Без особого повода он мог схватить и отхлестать какого-нибудь неудачника, решившего, что за ним не наблюдают. В Тибете наш день начинается в полночь, с начала Службы. Службы повторяются, конечно, через регулярные интервалы времени. Затем мы выполняем подсобную работу, чтобы сохранить смиренность, чтобы не смотреть «сверху вниз» на обслуживающий персонал. Затем наступает период отдыха, после которого мы направляемся в классы. Конечно, мы занимаемся больше пяти часов, но именно это послеобеденное занятие длится пять часов, и в течение всего этого времени учителя действительно заставляют нас старательно учиться.

Время тянулось медленно; казалось, что мы находимся в классе уже несколько дней, что тени предметов еле двигаются и солнце над головой пригвождено к одной точке. Мы вздыхали от раздражения и скуки, мы желали, чтобы явился один из Богов и убрал этого придирчивого учителя из нашей среды, потому что он был хуже всех, забыв, по-видимому, что когда-то — о, как давно! — также был молод. Наконец зазвучали раковины, и высоко над нами, на крыше, раздался голос трубы, отражаясь отголосками от деревни и возвращаясь эхом от Поталы. Учитель сказал со вздохом:

— Ну, боюсь, что должен сейчас отпустить вас, мальчики, но поверьте мне, когда я увижу вас снова, то постараюсь убедиться, что вы чему-то научились.

Он сделал знак в сторону двери. Мальчики в ближайшем ряду вскочили и бросились к ней. Я тоже почти дошел до двери, когда он вернул меня.

— Ты, Тьюзди Лобсанг Рампа, — сказал он, — уходи к своему учителю и учись, но, если, вернувшись сюда, ты будешь рассказывать моим ученикам, что обучаешься гипнозу и другим методам, я посмотрю, не вышвырнуть ли тебя отсюда.

Он дал мне затрещину и продолжал:

— Сейчас убирайся с моих глаз, я терпеть не могу твоего присутствия здесь: кое-кто жалуется, что ты усваиваешь больше, чем мои ученики.

Как только он отпустил мой воротник, я помчался к двери и даже не потрудился закрыть ее за собой. Он громко заорал что-то, но я уже слишком разогнался, и мне было

не до возвращения.

Снаружи, за пределами слышимости учителя, конечно, меня ожидали несколько мальчиков.

— Мы должны что-то сделать с ним, — сказал один из них.

— Да! — сказал другой, — кто-то действительно физически пострадает, если он будет так необуздан, как сегодня.

— Ты, Лобсанг, — сказал третий, — всегда хвастаешься своим Учителем и Наставником, почему бы тебе не рассказать ему, как с нами обращаются?

Я подумал, и идея показалась мне приемлемой. Конечно, мы должны учиться, но не было оправдания подобной жестокости нашего обучения. Чем больше я думал, тем лучше казалась эта идея; я пойду к моему Наставнику и расскажу ему, как с нами обращаются, и он явится и наложит заклятия на этого учителя, и превратит его в жабу или во что-нибудь подобное.

— Да! — воскликнул я. — Я пойду сейчас.

Сказав это, я убежал.

Я мчался по хорошо знакомым коридорам, поднимаясь все выше и выше, пока почти не достиг крыши. Наконец я повернул в коридор лам и обнаружил, что мой Наставник уже сидит в своей комнате с открытой дверью. Он предложил мне войти и сказал:

— В чем дело, Лобсанг? Ты возбужден. Тебя сделали Настоятелем или случилось что-то другое в этом роде?

Я довольно уныло посмотрел на него и сказал:

— Благородный Лама, почему с нами, учениками, так плохо обращаются в классе?

Наставник серьезно посмотрел на меня и сказал:

— Но в чем именно выражается плохое обращение с тобой? Сядь и расскажи мне, чем ты так сильно обеспокоен.

Я уселся и начал свое печальное повествование. Пока я говорил, Наставник не сделал ни одного замечания и ни разу не прервал меня. Он дал мне выговориться, и, на последнем дыхании, я завершил наконец свой скорбный рассказ.

— Лобсанг, — сказал мой Наставник, — не приходило ли тебе в голову, что сама жизнь является именно школой?

— Школой! — я смотрел на него, как будто он вдруг потерял сознание. Я бы меньше удивился, если бы он сказал мне, что солнце исчезло, и луна заняла его место!

— Достопочтенный Лама! — сказал я в изумлении. — Вы утверждаете, что жизнь является школой?

— Я утверждаю это самым серьезным образом, Лобсанг. Отдохни немного, давай мы выпьем чаю и затем поговорим.

Вызванный служитель скоро принес нам чай и вкусные вещи к чаю. Наставник ел очень умеренно. Как-то он сказал, что я ем за троих таких, как он! Но он сказал это с такой сияющей улыбкой, что я не испытал ни малейшей обиды. Он часто подшучивал надо мной, и я знал, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не скажет ничего, что может повредить другому человеку. Я никогда не возражал против того, что он говорил мне, зная, как добры его намерения. Мы сидели и пили чай, а затем мой Наставник написал небольшую записку и вручил служителю с просьбой отнести ее другому ламе.

— Лобсанг, я сообщил, что мы с тобой не будем на службе в храме сегодня вечером, потому что должны многое обсудить, и хотя храмовые службы являются очень важным делом, тем не менее — в силу особых обстоятельств, — тебе необходимо дать больше знаний, чем обычно.

Он встал и направился к окну. Я также поспешил вскочить на ноги, чтобы присоединиться к нему, поскольку наблюдать за тем, что происходит вокруг, было одним из немногих моих удовольствий, а комната Наставника находилась выше почти всех других в Чакпори, и из нее можно было видеть широко и далеко. Кроме того, у него была

одна из самых приятных вещей — телескоп. Я проводил с этим инструментом многие часы. Я подолгу рассматривал безлесую равнину Лхасы, наблюдал за торговцами в самом городе, смотрел на женщин Лхасы, идущих по своим делам, делающих покупки, заходящих в гости и просто (так я считал) попусту теряющих время. Мы постояли десять или пятнадцать минут, глядя в окно, затем мой Наставник сказал:

— Давай присядем снова, Лобсанг, и обсудим вопрос о школе, не возражаешь? Я хочу, чтобы ты внимательно слушал меня, потому что это вопрос, который должен быть ясен для тебя с самого начала. Если ты будешь не полностью понимать мои слова, останавливай меня немедленно, поскольку существенно, чтобы ты понимал все, слышишь?

Я кивнул и затем вежливо повторил:

— Да, Достопочтенный Лама, я буду слушать и стараться понять вас. Если мне что-то будет неясно, я скажу вам. Он кивнул и сказал:

— Жизнь подобна школе. Когда мы находимся за пределами этой жизни в астральном мире, то, прежде чем спуститься в лоно женского тела, мы обсуждаем с другими, чему мы собираемся научиться. Как-то раньше я рассказывал тебе историю о старом Сенге, китайце. Я говорил тебе, что мы обычно используем китайское имя, потому что ты, — будучи самим собой! — постарайся связать любое тибетское имя со своим знакомым тибетцем. Будем считать, что старый Сенг, который умер и увидел все свое прошлое, решил, что он должен получить определенные уроки. Далее, люди, помогающие ему, будут искать для него родителей или, точнее, будущих родителей, с учетом обстоятельств и условий, которые позволят духу, который раньше был старым Сенгом, получить требуемые уроки.

Мой Наставник посмотрел на меня и сказал:

— Это во многом похоже на то, что происходит с мальчиком, собирающимся стать монахом. Если он хочет стать монахом-врачом, он направляется в Чакпори. Если он хочет заниматься ручной работой, он, несомненно, может направиться в Поталу, поскольку там, кажется, всегда недостает монахов, выполняющих ручную работу! Мы выбираем школу в соответствии с тем, чему хотим научиться.

Я кивнул, потому что это было мне совершенно понятно. Мои собственные родители организовали мое устройство в Чакпори при условии, что у меня хватит терпения пройти первоначальную проверку на стойкость.

Мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, продолжал:

— У человека, который собирается родиться, все уже заранее организовано; этот человек собирается спуститься и родиться у определенной женщины, которая живет в определенном районе и замужем за мужчиной из определенного класса. Предполагается, что это даст новорожденному возможность приобретения опыта и знаний, запланированных ранее. В конце концов, когда пробьет час, этот ребенок рождается. Вначале ребенок должен научиться принимать пищу и управлять определенными частями своего физического тела, он должен научиться говорить и слушать. Вначале, как ты знаешь, ребенок не в состоянии сфокусировать глаза, он должен научиться видеть. Это происходит в школе.

Он взглянул на меня, и на его лице была улыбка, когда он сказал:

— Никто не любит школу, некоторые из нас вынуждены ходить в нее, другие — не должны. Мы планируем приход — не из-за кармы, а чтобы изучать полезные вещи. Ребенок подрастает и становится мальчиком, затем идет в класс, где с ним часто грубо обращается его учитель. Но в этом нет никакой несправедливости, Лобсанг. Дисциплина еще никому не принесла вреда. Дисциплина определяет различие между армией и стадом. Не может быть культурного человека без дисциплины. Сейчас ты будешь постоянно думать, что с тобой плохо обращаются, что учитель груб и жесток, но что бы ты ни думал сейчас об этом, ты сам организовал свой приход на эту землю в данных условиях.

— Хорошо, Достопочтенный Лама, — воскликнул я возбужденно, — если я

организовал свой приход сюда, то почему не могу здесь исследовать свой мозг. И если я организовал приход сюда, почему я совершенно ничего не знаю об этом?

Мой Наставник посмотрел на меня и расхохотался — расхохотался совершенно откровенно.

— Я знаю только, как ты чувствуешь себя сегодня, Лобсанг, — ответил он, — но на самом деле нет причины для беспокойства. Ты пришел на эту землю прежде всего для того, чтобы научиться определенным вещам. Затем, научившись, ты идешь в великий мир за пределами нашего, чтобы научиться другим вещам. Этот Путь не будет легким, но ты достигнешь цели, и я не хочу, чтобы ты терял присутствие духа. Любой человек, независимо от его места в жизни, спускается на Землю с астральных планов для того, чтобы учиться и, обучаясь, прогрессировать в развитии. Ты согласишься со мной, Лобсанг, что если хочешь прогрессировать в ламаистском монастыре, ты должен учиться и сдавать экзамены. Ты бы не слишком хорошо подумал о мальчике, который бы вдруг занял твое место и с помощью только чьей-то благосклонности стал Ламой или Настоятелем. Пока существуют настоящие экзамены, ты знаешь, что тебя не обойдет кто-то из-за прихоти, фантазии или благосклонности высшего руководства.

Когда он все объяснил, я понял, что это был довольно простой вопрос.

— Мы приходим на Землю, чтобы учиться, и независимо от того, насколько трудны и горьки уроки, которые получаем на этой Земле, — это те уроки, которые мы хотели получить перед приходом сюда. Когда мы покидаем эту Землю, то некоторое время проводим в Другом Мире, а затем, если хотим прогрессировать, двигаемся дальше. Мы можем возвратиться на эту Землю в других условиях или двигаться к совершенно иной стадии существования. Учась в школе, мы часто думаем, что день никогда не закончится, что никогда не будет конца жестокости учителя. Аналогично протекает жизнь на Земле, но если у нас все идет гладко, если у нас есть все, чего мы желаем, мы не выучим урок, мы просто будем плыть по течению в потоке жизни. Это печальный факт, но мы учимся с помощью только боли и страдания.

— Но тогда, Достопочтенный Лама, — сказал я, — почему некоторые мальчики, да и некоторые ламы также, так праздно проводят время? Мне всегда кажется, что мне достаются лишения, плохие пророчества и удары раздражительного учителя, когда я на самом деле делаю все, что могу.

— Но, Лобсанг, несмотря на то, что некоторые из этих людей кажутся очень самодовольными, уверен ли ты, что они так самодовольны? Уверен ли ты, в конце концов, что для них так легки условия? Пока ты не знаешь, что они планировали делать до прихода на Землю, ты не можешь об этом судить. Каждый, приходящий в этот мир, появляется с подготовленным планом того, чему он хочет научиться, что предполагает сделать и кем стремится стать, когда покинет эту Землю после пребывания в ее школе. И ты говоришь, что перенес действительно тяжелые испытания сегодня в школе? *Ты уверен?* Не был ли ты скорее самодовольным, считая, что знаешь все, что нужно знать об уроке? Не ты ли своим высокомерным отношением заставил учителя почувствовать себя неважно?

Он смотрел на меня с некоторым упреком, и я почувствовал, как краснеют мои щеки. Да, он действительно знал кое-что! У моего Наставника был весьма неприятный дар касаться самого больного места. Да, я был самоуверен, я думал, что на этот раз учитель не сможет найти у меня ни малейшей погрешности. Мое собственное высокомерное отношение сыграло, конечно, немалую роль в ожесточении учителя. Я утвердительно кивнул:

— Да, Достопочтенный Лама, я заслуживаю большего упрека, чем кто-либо другой.

Наставник посмотрел на меня, улыбнулся и одобрительно кивнул.

— Позже, Лобсанг, ты поедешь в Шанхай, в Китай, как ты знаешь, — сказал лама Мингьяр Дондуп.

Я молча кивнул, не желая даже думать о том времени, когда должен буду уезжать. Он продолжал:

— Прежде чем ты покинешь Тибет, мы запросим в различных колледжах и университетах подробности об их программах и требованиях. Получив все эти подробности, мы решим, какой из колледжей или университетов предложит в точности тот тип обучения, который понадобится тебе в этой жизни. Точно так же, прежде чем человек в астральном мире начинает думать о спуске на Землю, он взвешивает все, что предполагает делать, чему хочет научиться и чего в конечном счете хочет достичь. Затем, как я уже сказал тебе, отыскиваются подходящие родители. Это то же самое, что искать подходящую школу.

Чем больше я думал об этой идее школы, тем больше она мне не нравилась.

— Достопочтенный Лама! — сказал я. — Почему же многие люди так больны, так несчастны. Чему это учит их? Мой Наставник сказал:

— Но ты должен помнить, что человек, который спускается в этот мир, должен многому учиться, — это не то же самое, что научиться резьбе по дереву, и не просто обучение языку или цитированию Священных Книг. Человек должен изучать вещи, которые собирается использовать в астральном мире после ухода с Земли. Как я уже говорил тебе, наш мир является миром иллюзий, и он чрезвычайно хорошо приспособлен для обучения нас посредством лишений. С помощью тяжелых страданий мы должны научиться понимать трудности и проблемы других.

Я думал обо всем этом, и мне казалось, что мы затронули очень важный вопрос. Мой Наставник, очевидно, уловил мои мысли, потому что сказал:

— Да, приближается ночь, время кончать наше обсуждение, потому что мы еще должны многое сделать этой ночью. Я должен идти через Вершину (мы называем ее Потала) и хочу взять тебя с собой. Мы будем там всю ночь и все утро. Утром мы можем обсудить этот вопрос снова, но сейчас пора идти, надень чистую мантию и захвати запасную с собой.

Он поднялся и покинул комнату. Я был в нерешительности от изумления, но только мгновение, а затем поспешил к себе, чтобы надеть свою самую лучшую мантию, а другую — тоже хорошую — взять в качестве запасной.

Мы вместе трусили вниз по горной дороге в Мани-Лакханг. Как только мы проехали через Парго-Калинг, или Западные Ворота, позади внезапно раздался громкий визг, который почти приподнял меня над седлом.

— О, Святой Лама-врач! — вопил женский голос недалеко от обочины дороги.

Наставник осмотрелся и спешил. Зная мою неуверенность при посадке на пони, он жестом велел мне оставаться в седле — знак заботы, который наполнил меня благодарностью.

— Да, сударыня, в чем дело? — спросил мой Наставник доброжелательно.

Появилось движущееся пятно, и какая-то женщина бросилась на землю у его ног.

— О! Святой Лама-врач! — сказала она, хватая ртом воздух, — мой муж не смог произвести нормального ребенка! Вот сукин сын!

Ошеломленная своей собственной смелостью, она молча развернула небольшой узелок. Наставник наклонился — он был высокого роста — и посмотрел.

— Но, сударыня! — заметил он. — Почему вы обвиняете своего мужа в нездоровье ребенка?

— Потому что этот противный мужчина всегда таскался с безнравственными женщинами, он думает только о противоположном поле, а потом, когда мы поженились, он даже не смог стать отцом нормального ребенка.

К моему ужасу, она начала плакать, и ее слезы закапали на землю, ударяясь о нее с легким стуком. Я подумал, что такой же звук издают падающие градинки.

Наставник осмотрелся, заметив что-то в сгущающейся темноте. Какая-то темная фигура отделилась от еще более темной тени со стороны Западных ворот и двинулась

вперед. Это был мужчина в истрепанной одежде с тоскливым выражением лица. Наставник поманил его, и он подошел и встал на колени у ног ламы Мингьяра Дондупа. Мой Наставник посмотрел на них и сказал:

— Вы не правы, обвиняя друг друга в неудачном рождении, потому что это не результат того, что произошло между вами, а следствие кармы.

Он снова посмотрел на ребенка, откинув в стороны пеленки, в которые тот был завернут. Он смотрел напряженно, и я знал, что он изучает ауру младенца. Затем он выпрямился, сказав:

— Сударыня! Вашего ребенка можно вылечить, его исцеление вполне в наших силах. Почему вы не принесли его к нам раньше?

Бедная женщина снова бросилась на колени и поспешно передала ребенка мужу, который взял его так, как будто тот мог взорваться в любой момент. Женщина ломала руки и говорила, глядя на моего Наставника:

— Святой Лама-врач, кто уделил бы нам внимание, ведь мы являемся *рагьябами* и не пользуемся расположением лам. Мы не могли прийти, Святой Лама, даже при самой настоятельной необходимости.

Я подумал, что все это смешно. *Рагьябы*, или ликвидаторы умерших, жили в юго-восточной части Лхасы и были так же важны в нашем обществе, как и остальные его члены. Я знал это, поскольку мой Наставник всегда подчеркивал, что независимо от того, каким делом занимается человек, он является полезным членом общества. Я вспомнил, как однажды с искренней улыбкой он сказал:

— Даже грабители, Лобсанг, являются полезными людьми, потому что без них не было бы нужды в полицейских, так что грабители обеспечивают полицейских работой.

Но *рагьябы*! Многие смотрели на них сверху вниз, считая их нечистыми, потому что они имеют дело с умершими, расчлняя их тела, чтобы хищные птицы могли склевать разбросанные кусочки. Я знал — и чувствовал, как и мой Наставник, — что они делают полезную работу, так как большая часть Лхасы настолько каменистая, что рыть могилы здесь невозможно, но даже если бы то и было возможно, то закопанные тела просто замерзали бы, не разлагаясь и не поглощаясь землей, так как в Тибете обычно очень холодно.

— Сударыня! — велел Наставник. — Вы лично принесете этого ребенка ко мне через три дня, и мы сделаем все возможное, чтобы вылечить его, поскольку после этого краткого осмотра я вижу, что его можно вылечить.

Он пошарил в своей переметной суме и, достав кусочек пергаментной бумаги, быстро написал на нем несколько слов и вручил женщине.

— Принесите ребенка ко мне в Чакпори, служитель проследит, чтобы вас пропустили. Я сообщу привратнику о вашем приходе, и у вас не будет никаких трудностей. Вы можете быть уверены, мы всего лишь люди в глазах наших богов, у вас нет причин бояться нас.

Он посмотрел на мужа:

— Вы должны хранить верность своей жене. Затем взглянул на женщину и добавил:

— Вы не должны так сильно оскорблять своего мужа. Возможно, если бы вы были добрее к нему, он бы не искал утешения в других местах. Теперь идите домой и через три дня возвращайтесь сюда, в Чакпори, мы встретимся, и я помогу вам. Я обещаю.

Он снова сел на своего пони, и мы поехали дальше. По мере того, как мы удалялись, слова благодарности *мужчины-рагьяба* и его жены постепенно стихали.

— Я предполагаю, Лобсанг, что, по крайней мере сегодня вечером, они будут в мире и с добротой относиться друг к другу.

Он издал короткий смешок и направился вверх по дороге, повернув налево как раз перед деревней Шо.

Я был по-настоящему удивлен первым знакомством с мужем и женой.

— Святой Лама! — воскликнул я. — Я не понимаю, почему эти люди пришли вместе, если они не любят друг друга. Как это может быть?

Мой Наставник, улыбаясь, ответил:

— Ты теперь называешь меня «Святым Ламой»! Ты что, считаешь себя крестьянином? Что касается твоего вопроса, ладно, мы обсудим его утром. Сегодня вечером мы слишком заняты. Утром я попытаюсь успокоить тебя.

Мы поехали вверх по склону холма. Я любил смотреть сверху на деревню Шо, и мне было интересно, что произойдет, если швырнуть булыжник приличного размера на одну или две крыши? Заставит ли грохот булыжника кого-нибудь подумать, что это демоны бросают что-то на них? На самом деле я никогда не осмеливался бросить вниз камень, потому что не хотел, чтобы он прошел сквозь крышу и задел кого-то под ней. Однако я всегда испытывал это болезненное искушение.

В Потале мы поднимались по бесконечным приставным лестницам без ступенек — изношенным и крутым — и наконец добрались до своего жилища, расположенного высоко над жилищами монахов более низкого ранга, над складами. Мы разошлись по своим комнатам, находившимся рядом. Моему Наставнику, как человеку определенного положения, полагалась отдельная комната, а мне предоставили отдельную комнату как его ученику. Я сразу подошел к окну и по привычке стал смотреть из него. Внизу какая-то ночная птица призывала своего супруга в Ивовую рощу. Ярko светила луна, и я мог видеть эту птицу — видеть рябь на воде от ее длинных ног, перемешивающих воду с илом. Где-то совсем рядом раздался ответный призыв.

Наконец, кажется, эти мужи жена достигли гармонии, — подумалось мне. Скоро пришло время ложиться спать, потому что я должен был посетить полуночную службу, а я уже настолько устал, что боялся утром проспать.

После полудня следующего дня, когда я изучал какую-то старую книгу, лама Мингъяр Дондуп вошел в мою комнату.

— Идем ко мне, Лобсанг, — сказал он, — я только что беседовал с Высочайшим, и теперь мы можем обсудить волнующие тебя проблемы.

Мы расположились в его комнате. Сидя перед ним, я думал о беспокоящих меня вопросах.

— Учитель! — сказал я. — Почему люди, вступившие в брак, так недоброжелательно относятся друг к другу? Я наблюдал за аурой встреченных вчера *рагьябов*, и мне казалось, что они фактически ненавидят друг друга. Если они ненавидят друг друга, зачем вступали в брак?

Некоторое время лама выглядел поистине печальным. Потом сказал:

— Люди забывают, Лобсанг, что они спускаются в этот мир для того, чтобы получать уроки. До рождения человека, когда он еще находится по ту сторону жизни и организуется его рождение, принимается решение о виде или типе партнера, который будет выбран. Ты должен понять, что масса людей женится в состоянии, которое можно назвать пылом страсти. Когда страсть слабеет, исчезает необычность, новизна, и слишком близкие отношения порождают неуважение друг к другу!

«Близкие отношения порождают неуважение». Я снова и снова думал об этом. Зачем тогда люди женятся? Очевидно, люди женятся для того, чтобы продолжать род. Но как могут люди спариваться подобно животным? Я поднял голову и задал этот вопрос моему Наставнику. Он взглянул на меня и сказал:

— Что за вопрос, Лобсанг! Ты удивил меня, ведь ты, как и каждый, должен знать, что так называемые животные часто сближаются на всю жизнь. Многие животные сходятся на всю жизнь, многие птицы объединяются на всю жизнь, не говоря уже о более развитых существах. Если бы люди, как ты считаешь, сходились только с целью продолжения рода, то в результате дети были бы почти бездушными людьми, фактически такими же, как те существа, которые рождаются с помощью так называемого искусственного оплодотворения. В совокуплении должна присутствовать любовь, родители должны

любить друг друга, если они хотят родить более совершенного ребенка, в противном случае ситуация во многом напоминает чисто фабричное производство вещей!

Подобные отношения мужчины и женщины всерьез озадачили меня. Я подумал о своих родителях. Моя мать была деспотичной женщиной, а отец был очень строг к нам, его детям. Я не мог испытывать большого сыновьего чувства, когда думал о матери или отце. Я сказал моему Наставнику:

— Но почему люди женятся в пылу страсти? Почему нельзя рассматривать женитьбу как деловое предложение?

— Лобсанг! — сказал Наставник. — Именно так часто поступают китайцы, а также японцы. Их свадьбы часто заранее подготавливаются, и я должен признать, что браки китайцев и японцев являются несравненно более удачными, чем в западном мире. Сами китайцы уподобляют брак чайнику. Они не женятся в пылу страсти, потому что рассматривают брак как процесс закипания и охлаждения чайника. Они женятся охлажденными, позволяя мифическому чайнику нагреться до кипения, и при таком подходе он дольше остается горячим.

Он взглянул на меня, чтобы убедиться, что я следую его мыслям и суть вопроса мне ясна.

— Но я не могу понять, Учитель, почему люди так несчастны в браке?

— Лобсанг, люди приходят на землю как в школьный класс, они приходят учиться, и если бы средние муж и жена были идеально счастливы в браке, они бы не учились, поскольку им нечему было бы учиться. Они приходят на эту Землю, чтобы быть вместе и развиваться вместе — это часть урока — они должны учиться давать и брать. У супругов есть острые углы, или черты характера, которые коробят или раздражают партнера. Партнер, вызывающий раздражение, должен научиться смягчать досаждающую черту или, возможно, полностью устранить ее, а испытывающий раздражение должен научиться терпению и снисходительности. Почти каждая супружеская пара может быть счастливой при условии, что супруги научатся искусству давать и брать.

— Сударь! — сказал я. — Как могут муж и жена научиться жить вместе?

— Мужу и жене, Лобсанг, следует ждать благоприятного момента и затем приветливо, вежливо и спокойно сказать, что именно доставляет им беспокойство. Если муж и жена вместе обсудят эти вещи, то они могут быть счастливее в браке.

Я думал об этом и пытался понять, как могли бы прогрессировать мои родители, если бы попытались обсуждать все друг с другом. Мне они казались похожими на огонь и воду, каждый из них был противоположен другому. Мой Наставник, по-видимому, понял, о чем я думаю, и продолжил:

— Необходимо что-то давать и брать, потому что, если эти люди собираются вообще хоть чему-то научиться, они должны вполне осознавать, что именно у них не в порядке.

— Но почему, — спросил я, — один человек влюбляется в другого или чувствует влечение к другому? Если они испытывают взаимное влечение на одной из стадий, почему они так быстро охлаждаются друг к другу?

— Лобсанг, ты хорошо знаешь, что если человек увидит ауру, он может все узнать о другом человеке. Средний человек не видит ауру, но зато у многих людей развито чувственное восприятие, они могут сказать о любом человеке, нравится он им или нет. В большинстве случаев они не могут сказать, почему человек нравится им или не нравится, но они осознают, что один человек может быть им приятен, а другой нет.

— Но Учитель, — воскликнул я, — почему человек может внезапно понравиться, а потом внезапно опротиветь?

— Когда люди находятся на определенной стадии, когда чувствуют, что влюблены, их вибрации увеличиваются, — и вполне возможно, что двое людей, мужчина и женщина, испытывающие повышенные вибрации, будут вполне совместимы. К сожалению, им не всегда удастся сохранять вибрации повышенными. Жена станет неряшливой, возможно,

станет отказывать мужу в том, что является его неоспоримым правом. Потом мужчина начнет волочиться за другими женщинами, и они постепенно отдаляются друг от друга. В конце концов их эфирные вибрации изменятся до такой степени, что они станут совершенно несовместимыми, совершенно антипатичными друг другу.

Да, я мог видеть это, и это действительно многое объясняло, но сейчас я продолжал атаковать!

— Сударь! Больше всего я хочу знать, почему некоторые дети могут прожить, скажем, месяц, а затем умирают, какой шанс у такого ребенка чему-то научиться или отработать карму? Это кажется мне просто пустым расточительством!

Лама Мингьяр Дондуп слегка улыбнулся моей горячности.

— Нет, Лобсанг, ничто не тратится попусту! У тебя в голове путаница. Ты предполагаешь, что человек проживает только одну жизнь. Давай рассмотрим пример!

Он посмотрел на меня, затем взглянул в окно, и я мог видеть, что он раздумывает о встреченных нами *людях-рагьябах* — думает, возможно, об их ребенке.

— Я хочу, чтобы ты представил себя сопровождающим человека, который проживает ряд жизней, — сказал мой Наставник. — В одной из жизней этот человек делает довольно много плохого и со временем решает, что не может продолжать жить дальше, что условия слишком тяжелы для него, и поэтому накладывает на себя руки, т. е. кончает жизнь самоубийством. Таким образом, этот человек умирает до того срока, когда должен умереть. Каждому человеку предназначено жить определенное количество лет, дней и часов. Это решается до того, как люди спускаются на эту Землю. Например, если человек покончит с жизнью на двенадцать месяцев раньше своего срока, он должен вернуться назад и прожить на двенадцать месяцев дольше.

Я взглянул на него и представил себе некоторые замечательные возможности, проистекающие из сказанного. Наставник продолжал:

— Человек покончил с собой. Он остается в астральном мире, пока не предоставится удобный случай, посредством которого он снова может спуститься на Землю в подходящих условиях и прожить то время, которое он должен служить на Земле. Так вот, человек, недоживший двенадцать месяцев, может снова появиться на Земле, заболеть и умереть ребенком. При потере этого ребенка его родители кое-что приобретут взамен; они потеряют ребенка, но приобретут опыт, они возвратят часть того, что должны были вернуть. Легко согласиться, что, пока люди находятся на Земле, их внешний вид, восприятия, ценности — все — претерпевают изменения. Это, я повторяю, мир иллюзий, мир фальшивых ценностей. И когда люди возвращаются в более великий мир Высшего Я, они видят, что трудные, бессмысленные уроки и испытания, которым человек подвергался, временно пребывая на Земле, в конце концов были не такими уж бессмысленными.

Я оглянулся вокруг и подумал обо всех этих пророчествах, связанных со мной; о пророчествах нужды, мучений, временного пребывания в далеких и необычных странах. Я заметил:

— Выходит, что человек, делающий предсказание, просто приходит в соприкосновение с соответствующим источником информации; если все организовано до прихода человека на Землю, то при определенных условиях можно добраться до этой информации?

— Совершенно верно, — сказал мой Наставник, — но не думай, что все спланировано как нечто неизбежное. Там учтены только основные направления. Перед нами ставят определенные проблемы, определенные направления деятельности, а затем позволяют самостоятельно делать все, что мы сможем. Один человек может стать добродетельным, а другому это не удастся. Взгляни на это следующим образом: предположим, двум людям сказали, что они должны добраться отсюда до Калингпонга в Индии. Они не обязаны идти по одной и той же тропе, но должны прибыть, если смогут, в одно и то же место. Каждый из них выберет свой маршрут и, в зависимости от маршрута,

у каждого будут свои приключения и опыт. Так и в жизни: наше место назначения известно, но в наших руках остается выбор способа достижения этого места.

Во время нашей беседы появился посыльный, и мой Наставник, кратко объяснив мне ситуацию, последовал по коридору за ним. Я снова побрел к окну, облокотился о выступ и опустил голову на ладони. Я думал обо всем, что узнал, о том опыте, который приобрел, и все мое существо наполнилось любовью к этому великому человеку, Ламе Мингьяру Дондупу, моему Наставнику, который проявил больше любви ко мне, чем когда-либо проявляли мои родители. Я решил, что независимо от того, что принесет будущее, я всегда буду действовать и вести себя так, как будто мой Наставник находится рядом и наблюдает за моими действиями.

Ниже, среди полей, шля репетиция монахов-музыкантов; различные инструменты грохотали, визжали и стонали. Я лениво смотрел на них, музыка ничего не значила для меня, поскольку я был лишен музыкального слуха, но я видел, что они очень серьезные люди, изо всех сил старающиеся добиться хорошего звучания. Я отвернулся от окна, думая снова заняться чтением.

Я скоро устал от чтения; я был взволнован. Переживания обрушивались на меня все чаще. Я лениво переворачивал страницы, затем, с внезапной решительностью, я снова поместил все печатные листы между резными крышками и завязал ленты. Эту книгу следовало упаковать в шелк. С врожденной аккуратностью я решил эту задачу и отложил книгу в сторону.

Поднявшись, я подошел к окну и выглянул из него. Ночь была душноватой, тихой, без малейшего ветерка. Я вышел из комнаты. Вокруг была полная тишина и спокойствие огромного здания, которое я воспринимал почти как живое существо. Здесь, в Потале, люди работали над священными задачами несколько столетий, и само здание приобрело собственную жизнь. Я поспешил в конец коридора и поднялся там по лестнице. Вскоре я взобрался на высокую крышу со стороны Священных могил.

Я тихо побрел к привычному месту, хорошо укрытому от ветров, обычно дующих с гор. Опершись спиной о Священную статую, переплетя руки на затылке, я пристально смотрел в даль за деревней. Через некоторое время, утомившись, я лег на спину и стал смотреть на звезды. Глядя на них, я испытал необычайное переживание — все эти миры наверху вращались вокруг Поталы. Через некоторое время это переживание заставило меня ощутить довольно сильное головокружение, как при свободном падении. Глядя на небо, я видел тонкие световые узоры. Становясь ярче, они взрывались внезапной вспышкой яркого света.

Упала еще одна комета! — думал я, пока она сгорала, постепенно превращаясь в поток тусклых красных искр.

Я уловил еле слышный шорох где-то рядом и осторожно поднял голову, заинтересовавшись причиной шума. В слабом звездном свете я увидел человека в одежде с капюшоном, шагающего взад и вперед с противоположной стороны Священных могил. Я наблюдал. Человек двинулся к стене, лицом к Лхасе. Когда он смотрел вдаль, я увидел его профиль. Самый одинокий человек в Тибете, — подумал я. Человек с чувством заботы и ответственности, большим, чем у кого-либо другого в стране. Я услышал тяжелый вздох, и мне захотелось узнать, не такие же ли у него тяжелые пророчества, как у меня. Я осторожно пополз прочь; у меня не было желания вмешиваться — даже в качестве наблюдателя — в сокровенные мысли этого человека. Вскоре я возвратился к проходу и потихоньку спустился в убежище — в свою комнату.

Через три дня я присутствовал при осмотре ламой Мингьяром Дондупом ребенка рагьябской четы. Он раздел его и тщательно рассматривал ауру. Некоторое время он размышлял над аурой у основания мозга. Этот ребенок не кричал и не хныкал, что бы ни делал с ним Наставник. Как я понял, несмотря на возраст, он сообразил, что лама Мингьяр Дондуп пытается помочь ему. Наконец мой Наставник поднялся и сказал:

—Ну что же, Лобсанг, мы вылечим его. Ясно, что он страдает из-за травмы при

рождении.

Родители ждали в комнате возле входа. Я, держась так близко к Наставнику, словно был его тенью, вышел вместе с ним взглянуть на этих людей. Когда мы вошли, они распростерлись у ног ламы. Он мягко обратился к ним:

— Вашего сына можно вылечить, и мы сделаем это. Наш осмотр показал, что во время рождения его уронили или ударили. Это можно исправить. Вам не нужно бояться.

Мать, дрожа, ответила:

— Святой Лама-врач, все так, как вы говорите. Он появился внезапно, неожиданно, и упал на пол. В это время я была одна. Мой Наставник кивнул с сочувствием и пониманием.

— Придите в этот же час завтра утром, и, я уверен, вы сможете забрать своего ребенка с собой — уже здорового.

Они еще кланялись и простирались на полу, пока мы выходили из комнаты.

Наставник заставил меня тщательно осмотреть тело ребенка.

— Посмотри, Лобсанг, здесь есть напряжение, — учил он. — Эта кость давит на спинной мозг — ты видишь, как сияние ауры становится веероподобным вместо округлого.

Он взял мои руки в свои и заставил меня ощупать пораженную зону.

— Я собираюсь сдвинуть, *выдавить* блокирующую кость. Смотри!

Так быстро, что я толком ничего не успел увидеть, он нажал своими большими пальцами внутрь-наружу.

Ребенок не издал ни звука, все произошло так быстро, что он не успел почувствовать боль. Однако теперь ребенок не клонил голову в сторону, как раньше, а держал ее ровно, как положено. В течение некоторого времени Наставник массировал ребенку шею сверху вниз, от головы по направлению к сердцу, но *никогда* в противоположном направлении.

На следующий день в указанный час появились родители и были почти в экстазе от радости, увидев это явное чудо.

— Вы должны заплатить за это, — улыбнулся Мингъяр Дондуп, — вы приняли добро. Поэтому вы должны *платить* добром друг другу. Не драться и не ссориться друг с другом, потому что ребенок впитывает отношения родителей. Ребенок недобрых родителей становится недобрый. Ребенок несчастливых, нелюбящих родителей в свою очередь будет несчастным и нелюбящим. Платите — добротой и любовью друг к другу. Через неделю мы навестим вас, чтобы посмотреть ребенка.

Он улыбнулся, погладил ребенка по щеке, а затем повернулся и вышел в моем сопровождении.

— Некоторые очень бедные люди сохраняют гордость, Лобсанг, они расстраиваются, если у них нет денег, чтобы заплатить за подобную услугу. Всегда старайся дать им возможность *считать*, что они платят.

Мой Наставник улыбнулся, заметив:

— Я сказал им, что они должны платить. Это понравилось им, они думают, что своими лучшими одеждами они настолько поразили меня, что я принял их за людей с деньгами. Они могут платить единственным образом — добротой друг к другу, как я сказал. Позволь мужчине или женщине сохранить гордость и самоуважение, — и они сделают все, что ты попросишь.

Возвратившись в свою комнату, я схватил телескоп, которым обычно развлекался. Раздвинув сияющие медные трубы, я внимательно посмотрел в направлении Лхасы. В фокусе оказались две быстро двигавшиеся фигуры, одна несла ребенка. Мужчина обнял женщину за плечи и поцеловал ее. Я осторожно отложил телескоп и продолжил свои занятия.

Глава 11 ВИБРАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Мы веселились. Несколько учеников во дворе гордо вышагивали на ходулях и пытались свалить друг друга. Тот, кто смог остаться на ходулях, выдержав атаки остальных, становился победителем. Вот трое с хохотом свалились в одну кучу, когда один из них воткнул ходули в землю, а остальные зацепились за них.

— Старый учитель Раке был сегодня в голубом настроении, не так ли? — весело сказал один из моих товарищей.

— Да! — закричал другой из кучи. — Кое-кто позеленеет от зависти, узнав, что Раке может входить в такое состояние и выплескивать его без всякого на нас воздействия!

Мы посмотрели друг на друга и начали хохотать. Голубое настроение? Позеленеть от зависти? Мы предложили остальным оставить ходули и расположиться вместе с нами на земле, чтобы начать новую игру. Сколько цветов мы можем использовать при описании разнообразных вещей?

— Голубая кровь! — воскликнул один.

— Нет, — ответил я, — у нас уже есть голубой цвет.

Мы продолжали рассуждать подобным образом, перейдя от учителя с голубым настроением к Настоятелю, у которого мрачные коричневые раздумья, и снова к учителю, позеленевшему от зависти. Кто-то упомянул об алой женщине (проститутке), которую он видел на рынке в Лхасе. Некоторое время мы не могли решить, годится ли это выражение, поскольку никто из нас толком не знал, что оно означает.

— Я знаю еще! — сообразил мальчик справа от меня. — Человек может быть желтым от трусости. В конце концов, желтый цвет часто используется для обозначения трусости.

Я думал обо всем этом, и мне казалось, что, если подобные поговорки характерны для любого языка, это должно иметь солидное основание; эта мысль отправила меня на поиски моего Наставника, ламы Мингьяра Дондупа.

— Благородный Лама! — я ворвался в его кабинет в некотором возбуждении. Он смотрел на меня снизу вверх, не выражая недовольства моим бесцеремонным вторжением. — Достопочтенный Лама, почему мы используем цвета для описания настроений?

Он отложил книгу, с которой работал, и жестом предложил мне сесть.

— Я предполагаю, что ты имеешь в виду общепринятые выражения типа «голубая кровь» или «позеленеть от зависти»? — спросил он.

— Да, — ответил я, еще больше возбуждаясь от того, что он смог точно понять, о чем идет речь, — я действительно хочу знать, почему в таких случаях используются те или иные цвета. За этим должно что-то стоять.

Он снова посмотрел на меня и засмеялся, отвечая:

— Ладно, Лобсанг, ты явился, чтобы послушать еще одну занятную длинную лекцию. Но я вижу, что ты занимался довольно напряженными физическими упражнениями и думаю, что мы могли бы выпить чаю, — во всяком случае, *мне* пора это сделать, прежде чем заняться нашим обсуждением.

Чай не заставил себя ждать. На этот раз чай был с тсампой, точно такой же, как и у любого другого монаха, ламы или чела во всем ламаистском монастыре. Мы ели в молчании, я думал о цветах, и меня интересовал скрытый смысл цветов. Вскоре мы покончили с нашей довольно скудной едой, и я выжидательно взглянул на моего Наставника.

— Ты немного знаешь о музыкальных инструментах, Лобсанг, — начал он. — Ты знаешь, например, что существует такой музыкальный инструмент, как рояль, широко используемый на Западе. Вспомни, мы вместе рассматривали его фотографию. Он содержит клавиатуру с массой черных и белых клавиш, однако давай забудем о черных клавишах и представим себе рояль с клавиатурой длиной, возможно, в две мили или, если хочешь, больше, воспроизводящей любые вибрации, которые можно получить на любом

плане существования.

Он взглянул на меня, чтобы убедиться, что я внимательно слушаю его, потому что рояль, насколько я мог понять, был довольно странным инструментом. Я, как сказал мой Наставник, видел подобную вещь только на картинках.

Удовлетворенный тем, что я воспринял основополагающую идею, он продолжал:

— Если бы существовала клавиатура, воспроизводящая любую вибрацию, то полный диапазон человеческих вибраций разместился бы, возможно, в ее трех средних клавишах. Ты поймешь — по крайней мере я надеюсь на это! — что все состоит из вибраций. Возьмем самую низкую вибрацию, известную человеку. Самой низкой вибрацией является вибрация твердого материала! Ты прикасаешься к нему, и он препятствует движению пальца, в то же время все его молекулы вибрируют! Ты можешь двинуться вверх, к более высоким вибрациям воображаемой клавиатуры, и сможешь слышать вибрацию, известную как звук. Ты можешь пойти еще выше, и твои глаза смогут воспринимать вибрацию, известную как свет.

Я подскочил при этом: как может свет быть вибрацией? Если я смотрю на предмет — как я вижу его?

— Ты видишь предмет, Лобсанг, потому что он вибрирует и порождает колебания, воспринимаемые глазом. Другими словами, видимый предмет генерирует волны, которые могут быть восприняты палочками и колбочками глаза и, в свою очередь, преобразованы в импульсы, поступающие в участок мозга, превращающего эти импульсы в образ исходного предмета. Все это очень сложно, и мы не будем слишком углубляться в этот вопрос. Я просто пытаюсь подчеркнуть, что все является вибрацией. Поднимаясь вверх по шкале, мы придем к радиоволнам, телепатическим волнам и к волнам тех людей, которые живут на других планах. Но я говорил, что мы собираемся ограничиться конкретно этими тремя мифическими клавишами на клавиатуре, вибрации которых могут быть восприняты человеком как твердый предмет, звук или свет.

Я должен был подумать обо всем этом. Это был вопрос, который действительно заставил напрячься мой мозг. Однако я всегда готов был учиться с помощью добротных методов моего Наставника. Единственный случай, когда у меня возник вопрос о необходимости учебы, был связан с одним учителем-тираном, который выколачивал пыль из моей старой бедной мантии с помощью очень неприятной палки.

— Ты спрашивал о цветах, Лобсанг. Так вот, определенные вибрации представлены в ауре человека с помощью цвета. Поэтому, к примеру, если человек чувствует себя скверно — если он чувствует себя совершенно скверно, — часть его чувств будет излучать вибрации с частотой, приближающейся к частоте цвета, называемого голубым, который могут воспринимать даже неясновидящие; в результате этот цвет проник в большинство языков мира как обозначение голубого настроения — нерадостного, невеселого настроения.

Теперь я начал воспринимать ход его мысли, но еще недоумевал, как человек может быть зеленым от зависти, — и сказал об этом.

— Лобсанг, путем дедукции ты вполне способен прийти к заключению, что, когда человек страдает от порока, известного как зависть, его вибрации изменяются таким образом, что другим он кажется позеленевшим. Я не хочу сказать, что зеленеет кожа его лица, как ты хорошо понимаешь, — и все же он создает впечатление позеленевшего. Я хочу также, чтобы ты знал, что когда человек рождается под влиянием определенной планеты, на него сильнее воздействуют цвета соответствующих планет.

— Да! — вырвалось у меня. — Я знаю, что человеку, рожденному под Марсом, нравится красный цвет!

Мой Наставник посмеялся над моей нетерпеливостью и сказал:

— Да, это действие закона гармонии. Определенные люди живее реагируют на определенный цвет, потому что вибрации этого цвета находятся в близком соответствии с их собственной базовой вибрацией. Именно поэтому рожденный под Марсом

предпочитает красный цвет — он содержит в себе много красного и находит красный цвет сам по себе приятным для восприятия.

Казалось, я лопну, если не задам очередного вопроса; я был знаком с этими зелеными и красными цветами, я даже мог понять, почему человек находится в коричневом раздумье, — потому что при концентрации человека на определенном виде занятий его аура как бы пронизывается коричневыми крапинками, но я не мог понять, почему женщина должна быть алой!

— Достопочтенный Лама! — воскликнул я, не имея больше сил сдерживать любопытство. — Что означает выражение — алая женщина?

Наставник посмотрел на меня, будто собирался внезапно разгневаться, и на мгновение мне даже стало интересно, что именно в моих словах вызвало на его лице гримасу скрытой озадаченности. Затем он объяснил мне все, доброжелательно и с некоторыми деталями, чтобы в будущем у меня не было неосведомленности ни в каком предмете!

— Я хочу также сказать тебе, Лобсанг, что у каждого человека есть базовая частота вибраций, т. е. молекулы каждого человека колеблются с определенной интенсивностью, и длины волн, генерируемых конкретными людьми, распадаются на различные группы. Нет двух человек, имеющих одинаковую длину волны, — как нет двух волн, идентичных во всех отношениях, но, когда у двух человек длины волн близки или расположены в определенных октавах, говорят, что эти люди совместимы, — и им обычно очень хорошо вместе.

Я взглянул на него и поинтересовался некоторыми из наших чрезвычайно темпераментных художников.

— Достопочтенный Лама, правда ли, что у некоторых из наших художников более высокий уровень вибраций, чем у остальных? — спросил я.

— Почти несомненно, Лобсанг, — сказал мой Наставник, — если человек обладает тем, что называется вдохновением, если он способен быть великим художником, то частота его вибраций должна быть намного выше нормальной. Иногда она делает его раздражительным — и с ним трудно иметь дело. Имея большую частоту вибраций, чем большинство из нас, он склонен смотреть на нас, простых смертных, сверху вниз. Однако его работа часто оказывается настолько хорошей, что мы можем потерпеть его небольшие причуды и прихоти.

Я представил себе этот огромный рояль, протянувшийся на несколько миль, и мне показалось странным, что в такой огромной клавиатуре диапазон человеческого опыта был бы ограничен всего лишь тремя клавишами, — и я высказал это.

— Человек, как ты знаешь, любит думать, что он является единственным значительным созданием в мироздании. На самом деле существует много других форм жизни, кроме человека. На других планетах есть формы жизни, совершенно чуждые людям, и средний человек не сможет даже приблизиться к пониманию подобных форм. На нашей мифической клавиатуре вибрации обитателей планет, чрезвычайно удаленных от нашей Галактики, будут, скорее всего, находиться в совершенно другой, чем люди, части клавиатуры. Опять же люди на астральных планах существования будут выше на клавиатуре, в то время как дух, проходящий сквозь стену, имеет такую тонкую природу, что его собственная частота колебаний будет очень высокой, а его молекулярное содержимое — низким.

Он посмотрел на меня и улыбнулся моему озадаченному виду, а затем объяснил:

— Видишь ли, дух может пройти сквозь камень, потому что камень состоит из колеблющихся молекул. Между молекулами камня имеются пространства, и если ты сможешь стать существом, молекулы которого настолько малы, что могут поместиться в пространстве между молекулами каменной стены, то сможешь проходить сквозь каменную стену, не встречая сопротивления. Конечно, астральные создания имеют очень высокую частоту вибраций и у них тонкая природа, т. е. — у них небольшая плотность,

что в свою очередь означает, что они содержат мало молекул. Большинство людей считает пустым пространство над нашей Землей—за воздушным слоем над нами. Это не так, в космосе всюду есть молекулы. В основном это широко рассеянные молекулы водорода, эти молекулы есть всюду, и их количество можно оценить точно так же, как можно определить присутствие так называемого духа.

Раковины в храме зазвучали, снова призывая нас к службам.

— Мы продолжим разговор завтра, Лобсанг, я хочу, чтобы ты очень хорошо разобрался в этом вопросе, — сказал мой Наставник, когда мы расставались у входа в храм.

Окончание службы в храме было началом гонки — гонки за пищей. Все мы были довольно голодны, поскольку наши собственные пищевые запасы истощились. В этот день в монастырь поступила партия свежего обжаренного ячменя. В Тибете все монахи носят маленькую кожаную сумку с ячменем, поджаренным и перемолотым, который после добавки заправленного маслом чая, становится тсампой. Поэтому мы помчались и вскоре присоединились к толпе монахов, ожидающих наполнения своих сумок, затем пошли в зал, где был приготовлен чай, чтобы мы смогли сделать тсампу на ужин.

Этот продукт был отвратительным. Я жевал тсампу и думал, выдержит ли мой желудок. У нее был ужасный привкус пережаренного масла, и я не представлял, как смогу проглотить ее.

— Тьфу! — пробормотал мальчик возле меня. — Этот продукт пережарен до предела, никто из нас не способен затолкать его в желудок!

— Мне кажется, что эта партия пищи полностью испорчена! — сказал я.

Я попробовал еще немножко, скривившись от сильного сосредоточения — как мне проглотить его. В Тибете расточительное обращение с такой пищей считается большим преступлением. Я осмотрелся и увидел, что другие так же оглядываются вокруг себя! Тсампа была плохой, в этом не было никакого сомнения. Все чашки стояли полные, что было очень редким случаем в нашем сообществе, где каждый всегда был на грани голодания. Я быстро взял тсампу в рот, и что-то очень необычное в ней с неожиданной силой подействовало на мой желудок. Быстро вскочив на ноги и опасно закрывая рот рукой, я помчался к двери!..

—Ну как, молодой человек, — раздался голос с необычным акцентом, когда я возвращался после энергичного извержения недоброкачественной пищи. Обернувшись, я увидел Кэндзи Тэкэучи, японского монаха, который всюду побывал, все увидел, все испытал и сейчас расплачивался за это периодическими приступами душевной неуравновешенности. Он с сочувствием смотрел на меня:

— Мерзкая штука, не так ли? — сказал он сострадательно. — У меня та же проблема, что и у тебя, и я оказался здесь по той же причине. Мы должны были предвидеть то, что с нами случилось. Я уже некоторое время стою здесь в надежде, что свежий воздух унесет часть отвратительных запахов, которые оставила эта плохая пища.

— Сударь! — сказал я робко. — Вы побывали всюду. Будьте так добры, скажите мне, почему у нас здесь, в Тибете, такое ужасно однообразное питание? Мне до смерти надоели тсампа и чай, чай и тсампа и снова тсампа и чай. Иногда я с трудом могу проглотить эту навозную жижу.

Японец смотрел на меня с огромным пониманием и с еще большим сочувствием.

— Ах! Ты обратился ко мне, потому что я испробовал массу различных видов пищи? Да, это верно. Я в течение своей жизни путешествовал всюду. Я ел в Англии, Германии, России — почти в любой стране, какую ты сможешь назвать. Несмотря на мои обеты священнослужителя, я жил хорошо, по крайней мере, я так думал в то время, но сейчас нарушение моих клятв повергает меня в печаль.

Он посмотрел на меня и затем, казалось, опять внезапно возвратился к жизни.

— О! Да! Ты спрашиваешь, почему здесь такое однообразное питание. Я скажу тебе! Люди на Западе едят слишком много, и у них слишком разнообразная пища.

Пищеварительные органы работают на подсознательном уровне, то есть не контролируются осознающей частью мозга. Как нас учат, если мозг с помощью глаз имеет возможность оценить тип потребляемой пищи, то для ее переваривания желудок может выделить необходимое количество желудочного сока требуемой концентрации. Если, с другой стороны, пища заталкивается в желудок беспорядочно, а едок все время занят пустыми разговорами, то выделение соков не подготавливается, переваривание не может быть завершено, и бедняга страдает от несварения, а позднее, возможно, от язвы желудка. Ты хочешь знать, почему ваша пища проста? Ладно! Чем более простую и, в разумных пределах, более однообразную пищу потребляет человек, тем лучше для развития психических составляющих тела. Я был выдающимся ученым-окультистом, обладал большими способностями ясновидения, но при этом набивал себя всеми видами необычных блюд и еще более необычных напитков. Я утратил все свои метафизические способности и сейчас прибыл сюда, в Чакпори, где обеспечены уход и покой моему утомленному телу до тех пор, пока я не покину этот мир. А после этого ликвидаторы трупов сделают свою работу — завершат решение проблемы, которая возникла вследствие неразборчивого смешивания напитков и пищи.

Он посмотрел на меня, затем снова сделал один из своих странных прыжков и сказал:

— О да, мой мальчик! Прими мой совет: придержишься простой пищи в течение всей своей жизни, — *и* ты никогда не утратишь своих способностей. Поступая вопреки моему совету и глотая все, что попадется, ты можешь разрушить свой жаждущий пищевод и утратишь все, — а что приобретешь взамен? Что ж, мой мальчик, ты приобретешь несварение; ты приобретешь язву желудка вместе с плохим характером. Ох, ох! Я убегаю, я чувствую начало нового приступа.

Японский монах Кэндзи Тэкэучи, трясясь, поднялся на ноги и неуверенной походкой направился к месту расположения комнат лам. Я посмотрел ему вслед и печально покачал головой. Мне бы очень хотелось намного дольше поговорить с ним. Какие там были виды пищи? Приятен ли их вкус? Затем, вздрогнув, я остановил себя; зачем мучиться, когда все, что мне доступно, — это чай с прогорклым маслом и тсампа, такая пережаренная, что превратилась в обугленную массу, в которой странным образом появился необычный масляный привкус. Я покачал головой и возвратился в зал.

Позже, вечером, я беседовал со своим Наставником, ламой Мингьяром Дондупом.

— Достопочтенный Лама, почему люди покупают гороскопы у уличных торговцев внизу на дороге?

Наставник невесело улыбался, отвечая:

— Как ты, конечно, знаешь, гороскоп не имеет никакой ценности, если составлен не для конкретного человека. Ни один гороскоп не может быть составлен на основе массового производства. Гороскопы, продаваемые уличными торговцами на дороге внизу — просто способ выманить деньги у доверчивых.

Он посмотрел на меня и сказал:

— Конечно, Лобсанг, паломники, купившие эти гороскопы, возвращаются домой и показывают их как сувенир из Поталы! Они удовлетворены, так же как и торговец, поэтому зачем об этом думать? Все довольны.

— Вы считаете, что для людей следует составлять гороскопы?

— Нет, Лобсанг, право же, нет. Только в определенных случаях, подобных твоему. Гороскопы слишком часто используются просто для того, чтобы сберечь человеку силы при проведении своей собственной линии поведения. Я совершенно против использования астрологии или гороскопов, если нет определенного особого обоснования. Как ты знаешь, средний человек подобен паломнику, пробирающемуся через толпу в Лхасе. Он не может увидеть путь перед собой из-за деревьев, домов, перепадов и изгибов дороги. Он должен быть готов ко всему, что встретится на пути. Мы отсюда, с более высокого места, можем взглянуть вниз, на дорогу, и увидеть любое препятствие. Таким

образом, паломник подобен человеку без гороскопа. Мы, наверху, подобны людям с гороскопом, мы можем просматривать дорогу наперед, мы можем видеть препятствия и трудности, и поэтому сможем подготовиться к преодолению трудностей до их появления.

— Есть еще одна вещь, которая очень беспокоит меня, Достопочтенный Лама. Не можете ли вы сказать, как мы узнаем в этой жизни те вещи, которые знали в прошлой?

Я смотрел на него с особым волнением, поскольку всегда побаивался задавать подобные вопросы, фактически не имея права настолько углубляться в эти вещи. Но он не усмотрел в этом вопросе никакого проступка, более того, даже ответил:

— До нашего прихода на эту Землю, Лобсанг, мы составляем план того, что намерены сделать. Этот план записан в нашем подсознании, и если бы мы смогли войти в контакт с ним, — что могут делать некоторые из нас! — мы знали бы все, что планировали. Конечно, если мы знаем все, что спланировали, нет заслуги в стремлении к самосовершенствованию, потому что мы знаем, что совершаем заранее предreshенные действия. Иногда по каким-то причинам человек может войти в контакт с Высшим Я во сне или при выходе из тела с сохранением сознания. Иногда Высшее Я способно извлечь знание из подсознания и передать его телу на Земле, так что когда астральное тело возвращается в материальное тело, в мозгу появляются знания о некоторых вещах, происшедших в прошлой жизни. Это может быть особое предупреждение, чтобы не совершать одной и той же ошибки в каждой жизни. Иногда у человека появляется сильное желание совершить, например, самоубийство, и, если за это он был наказан новой жизнью, тогда такие люди могут вспомнить о чем-то, связанном с самоубийством, и, возможно, эта память позволит телу воздержаться от самоубийства на сей раз.

Я немного подумал над этим, затем подошел к окну. Прямо подо мной была свежая зелень болотистой долины и красивая зелень листьев ивовых деревьев. Наставник прервал мои грезы.

— Ты любишь смотреть из этого окна, Лобсанг. Не приходило ли тебе в голову, что ты смотришь из него так часто потому, что находишь зеленый цвет полезным для глаз?

Когда я поразмыслил над этим, то осознал, что действительно инстинктивно смотрю на зелень после работы с книгами.

— Зеленый цвет, Лобсанг, лучше всех других успокаивает глаза. Он дает отдых усталым глазам. Когда ты окажешься в западном мире, то обнаружишь, что там в некоторых театрах есть место, называемое зеленой комнатой, куда отправляются актеры и актрисы, чтобы дать отдых глазам, измученным табачным дымом сцен, ослепительно яркими огнями рампы и прожекторами.

Я раскрыл глаза от изумления и решил, что мне следует изучать воздействие цветов всякий раз, когда будет предоставляться такая возможность.

Мой Наставник сказал:

— Сейчас я должен покинуть тебя, Лобсанг, но утром приходи ко мне снова, я намерен обучить тебя еще некоторым вещам.

Он поднялся, похлопал меня по плечу и вышел. Я стоял некоторое время, глядя в окно на зелень болотной травы и деревьев, которая так успокоительно действовала на глаза.

[Глава 12 ПРОЩАЙ, ДРУГ!](#)

Немного спустившись по тропе, я стоял и смотрел вниз на горный склон. На душе было тяжело, и глаза мои были полны горячих слез, которые я не отваживался пролить. Под гору несли старого человека. Японский монах Кэндзи Тэкэучи «возвратился к своим предкам». Теперь рассекатели умерших уносили высохшее старое тело этого несчастного человека. Может быть, его дух сейчас бредет по тропе, усыпанной лепестками цветущей вишни? Или он анализирует ошибки своей жизни и планирует новое воплощение? Я

смотрел вниз, пока процессия не скрылась из виду за поворотом тропы. Я смотрел на этот жалкий сверток, который когда-то был человеком. Тень напозла на солнце, и некоторое время мне казалось, что я вижу в облаках чье-то лицо.

Меня интересовало, правда ли, что существуют Стражи Мира? Великие духовные Стражи, присматривающие за тем, чтобы человек страдал на Земле и при этом совершенствовался. Да они, должно быть, похожи на школьных учителей! — подумал я. Возможно, Кэндзи Тэкэучи встретит их. Возможно, ему скажут, что он учился хорошо. Я надеялся на это, потому что он был слабым стариком, много страдавшим и много повидавшим на своем веку. Должен ли он снова вернуться в тело — перевоплотиться, — чтобы учиться дальше? Когда он придет в следующий раз? Через каких-нибудь шестьсот лет — или завтра?

Я думал об этом и о богослужении, на котором только что присутствовал. Это было Богослужение для Наставления умерших. Мерцающие масляные лампы вспыхивали, подобно страстям нашей мимолетной жизни. Я думал об облаках благовоний, которые, казалось, принимали форму живых существ. На минутку мне показалось, что это Кэндзи Тэкэучи возвратился к нам снова в облике живого существа и больше не сидит перед нами в виде высохшего трупа. Сейчас он, возможно, всматривается в «Хроники Акаши», в эту неунничтожимую летопись всего, что когда-либо происходило. Может быть, ему удастся увидеть, где он совершил ошибки и сделать из них выводы для будущих воплощений.

Этот старый человек многому научил меня. Он по-своему любил меня и всегда разговаривал со мной как с равным. Теперь он уже не на Земле. Я лениво пнул камень и пошел, волоча по земле свои стоптанные сандалии. Была ли у него мать? Я как-то не мог представить его молодым семейным человеком. Живя среди нас, чужеземцев, вдали от своей родины, он, должно быть, чувствовал себя очень одиноко. Его жизнь прошла так далеко от теплых океанских ветров и его Священных гор. Он часто рассказывал мне о Японии, и тогда его голос становился хриплым, а глаза необычайно выразительными.

Однажды он поразил меня, сказав, что люди пытаются разобраться в оккультных предметах, хотя им лучше было бы подождать, пока придет их время, и не искать себе наставника.

— Мастер *всегда* появляется, когда ученик готов, мой мальчик! — сказал он. — А когда ты нашел своего Мастера, делай все, что он говорит, потому что теперь ты уже готов.

День становился все более пасмурным. В небе собирались облака, и усиливающийся ветер начинал катить по тропе маленькие камешки.

Внизу в Долине из-за подножия горы появилась небольшая группа людей. Плавными движениями они поместили свой жалкий груз на спину пони, сели в седла сами и не спеша двинулись в путь. Я провожал их взглядом, пока маленький кортеж в конце концов не скрылся из виду. Я медленно повернулся и стал подниматься на гору.